

ЛЕОНИД САВИН

К ГЕОПОЛИТИКЕ

УДК 327,5
ББК 66.4(0)
С 13

Савин Л.В. К геополитике. Сумы, Университетская книга, 2011 - 292 с.

ISBN 978-966-680-557-0

Книга представляет собой сборник статей, интервью и научных докладов, посвященных актуальным вопросам геополитики, международных отношений, экономики, гуманитарных наук, коммуникаций, технологий, а также проблемам различных конфликтов и возможных угроз.

Автор – главный редактор информационно-аналитического портала Геополитика.Ру (www.geopolitika.ru) и журнала «Геополитика», эксперт Центра консервативных исследований (социологический факультет МГУ им М.В. Ломоносова).

© Савин Л.В, 2011
© ООО «ИТД Университетская книга», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
----------------	---

Статьи

География и постполитика	13
Косовская карта	19
Экономика разрушения	32
Кризис и амбивалентная роль современной экономики	40
Национально-политическая идентификация в Украине и формы репрезентации власти	51
Геополитика глобального контроля. К вопросу о конкуренции спутниковых систем навигации	64
«Мультипартнерский мир» Х. Клинтон: новая этикетка для старой политики	71
Китай: футурология и захват Сибири	78
Морское могущество в XXI веке	87
Фуко: дискурс знания и география власти	98
Медиамантия	105
Астрополитика: меч обоюдоострый	111

Геополитическая стратегия Индии	119
Заокеанский Кавказ	133
США как антигарант международного права.....	136

Интервью, беседы

Мехмет Перинчек:	
«Геноцида в отношении армян не было»	143
Альфред Гапоненко:	
«Нужна политическая воля!»	149
Олесь Бузина:	
«С точки зрения здравого смысла такой страны быть не должно»	155
Джон Зерзан:	
«Будет только хуже»	162
Уильям Энгдаль:	
«Мы являемся свидетелями смерти неолиберальной идеологии»	168
Джувьетто Кьеза:	
«Есть люди, сознательно идущие к Армагеддону»	178
Мишель Чоссудовски:	
«Количество необеспеченных денег будет только расти»	184
Александр Агеев:	
«Нужно развивать свой социальный капитал, создать общество солидарности»	191
Ален де Бенуа:	
«Пробуждение Европы зависит от того, какой завтра станет Россия»	204

Доклады, выступления

Революция невозможная, неизбежная	219
Россия – Украина – Польша: геополитические императивы	225
Геополитические приоритеты на Балканах	235
Политическая идентичность русинов в контексте государственности Украины и ЕС	242
Возможные сценарии конфликтов и текущие вызовы в зоне действия ОДКБ	255
Глобализация во благо народов. Перспективы четвертой политической теории	260
Научные основы политических систем: к необходимости выработки новой модели	272
Пересмотр античных категорий. К государству вопрошания без страха	277
Структурный социальный анализ и управление гражданскими процессами	283
Источники	291

Введение

Не так давно на постсоветском пространстве геополитика считалась уделом небольшого числа политических интеллектуалов, стратегов и историков, а до этого, в советскую эпоху, либо клеймилась как буржуазная лженаука, обосновывающая хищные стремления к экспансии капиталистических империалистических держав, либо находилась на периферии интересов научно-исследовательского сообщества. Прошло совсем немного времени, и само понятие «геополитика» стало не то что модным, но в какой-то мере утратило свой первоначальный смысл, ассоциируясь у нынешнего поколения «политологов» и «экспертов» с самыми разными процессами, подчас, не имеющими никакого отношения к этой науке. Тем не менее, динамика международных отношений и изменение баланса сил на глобальной политической площадке свидетельствуют о том, что ни основные законы геополитики, ни дуализм Land power и Sea power, влияющий на макрорегионы, ничуть не изменились. Скорее, обогатился сам багаж субъектов истории и тех, кто пытается ими

стать, – глобализация, виртуализация, информационные технологии и неконтролируемые социальные процессы сообщили ей новые измерения, зачастую ставя перед ней и новые задачи. Стало понятно, что культурные индексы, религиозные обычаи и глубинные антропологические установки имеют прямую связь как с ландшафтом, так и с реакцией на политические сдвиги в их различных проявлениях – от реформ и электоральных карнавалов до военных интервенций и природных катастроф. Появляются новые геополитические школы и модели, обращающиеся к самым разным, до этого не применяемым дисциплинам.

В данном контексте книга содержит именно такой материал – от фундаментального геополитического анализа и актуальных проблем до точечных «проб» и «замеров» в виде интервью и небольших заметок, посвященных узким и специальным темам. В некоторых из них содержатся пожелания и прогнозы по поводу развития определенной ситуации – и, естественно, мы выражаем надежду, что позитивные тенденции воплотятся в реальность, а возможные угрозы обществу будут предотвращены.

Хотя книга представляет собой сборник публикаций, интервью и различных докладов, озвученных и опубликованных за последние несколько лет, она, как нам кажется, является цельным произведением, – это своего рода панорама горизонта, из которой нельзя убрать ни одиноко стоящее дерево, ни камень у края дороги, ни облако причудливой формы, плывущее по небу. При этом созерцание панорамы происходит на протяжении нескольких сезонов, когда зной лета сменяется лютыми морозами, а осенним перелетам птиц предшествует порхание пестрых бабочек. Если же читатель пожелает ознакомиться с остальными материалами автора по

данной теме, не вошедшие в сборник в связи с ограниченным объемом книги или вследствие утраченной актуальности (таким примером может быть интервью с сербским генералом Божидаром Деличем, взятое накануне парламентских выборов в Сербии), то он сможет их найти на сайте www.geopolitika.ru и партнерских ресурсах в сети Интернет, который, как и другие современные технологии, неоднократно упоминающиеся в данной книге, стал не только средством коммуникации и источником знаний, но и мощным оружием в современном мире, которое успешно используют по обе стороны баррикад. И одна из задач этой книги – это целенаправленное распространение знания, которое будет утилизироваться в сфере Политического, что вместе с техническими гаджетами поможет всем нам в строительстве более адекватного, и для нынешней ситуации, и для будущего, многополярного мира.

Статъи

География и постполитика

Геополитика как наука за годы своего существования претерпевала многочисленные изменения. Всплеск интереса к ней европейских исследователей между двумя Мировыми войнами сменился скрупулезным изучением в среде американских военных после 1945-го.

В 60–70-е годы XX в. в США интерес к геополитике несколько снизился, эта наука впала в академическую спячку, ожидая часа своего очередного воскрешения. Ее разбудил Генри Киссинджер – реалист во внешней политике, который балансировал между либералами и неоконсерваторами, одних критикуя за идеализм, а в отношении других предлагая альтернативу антикоммунистической идеологии. В его первом томе воспоминаний, вышедшем в 1979 г., геополитика характеризуется как «синоним глобального равновесия и постоянных национальных интересов в глобальном балансе сил»¹. За год до выхода книги Киссинджер вместе с Бжезинским успеш-

¹ Geopolitics, Geography and Strategy. Edited by Colin S. Gray and Geoffrey Sloan. – London-Routledge, 1999. – P. 1.

но провели тайные переговоры в Китае, в результате которых отношения Поднебесной с США потеплели, а с СССР ухудшились. Хотя дипломатию не всегда принято считать политикой, из-за чего порой и возникают коллизии с отсутствием возможности принятия политического решения, у некоторых высокопоставленных чиновников (тот же Фрэнсис Фукуяма относит дипломатию к иной сфере деятельности) она вполне соотносится именно с геополитикой, так как все внешние международные связи подразумевают вместе с тем осмысление пространства — причем не столько своего, сколько чужого. Из понимания законов чужого пространства и динамики происходящих на нем социальных процессов можно извлечь пользу — такую, как когда-то извлекли США, отправив своих политических эквилибристов в Китай более тридцати лет назад.

Мартин Сикер в своей работе, посвященной геополитике Западного полушария, высказал интересную мысль о том, что «постоянные факторы окружающей среды, скорее, не определяют, а помогают осуществиться тем условиям, которые выстраивают направление политики»¹. Правда, он говорил это о Северной и Южной Америках, в чем-то оправдывая доктрину Монро и дальнейшую экспансию США, вплоть до интервенции, осуществленной администрацией Клинтона в 1994 г. на Гаити. Следовательно, основным фактором все же являются носители Политического — люди. Как тут не вспомнить бихевиористскую школу американских геополитиков. Но к географии сами американцы тоже подходили амбивалентно. Одно дело — прилегающие страны, разместив в которых стратегические силы сдерживания, можно заблокировать часть портов и подорвать экономику США, которая

¹ Martin Sicker. *The Geopolitics of Security in the Americas. Hemispheric Denial from Monroe to Clinton* / Martin Sicker. — Praeger Publishers, 2001. — P. 2.

на 90% зависит от экспорта-импорта морским путем. Да и их картографические разработки то помещают США в центр, то рассматривают государства и регионы с позиции Севера. Но помимо глобальных стратегических исследований, которые в основном были уделом военных специалистов (в Российской империи, например, подобные исследования относились к области военной географии — предшественнице геополитики), постоянные изменения приносили новые предикаты. И, следовательно, новые вызовы, новые формы связи, контроля и принуждения.

«Хорватско-канадские подростки в Онтарио являются владельцами автомоек, а за вырученные деньги покупают оружие в Южной Африке для военных действий в Загребе... Глобальная супергруппа U2 во время живых концертов устраивает телефонную связь с Белым домом»¹. Автор этих строк, один из родоначальников концепции «критической геополитики», человек со смещенной самоидентификацией Джерард О'Туахил, задавая вопрос, во что геополитика превратилась в эпоху постмодерна, дает новую схему дуализма и действующих факторов.

Если ранее имели место:

- картографическая визуализация: карты;
- театр перспективы;
- внутреннее/внешнее, местное/интернациональное;
- Восток/Запад;
- территориальная власть;
- грубая сила;

¹Gearoid O' Tuathail, Timothy W. Luke. Present at the (Dis)Integration: Deterritorialization and Reterritorialization in the New Wor(l)d Order / Gearoid O. Tuathail, Timothy W. Luke // Annals of the Association of American Geographers. — Vol. 84. — № 3 (Sept. 1994). — P. 382.

- территориальные враги;
- фиксированное положение;
- геополитический человек;
- государства и лидеры,

то сейчас картина выглядит несколько иначе:

- телеметрическая визуализация;
- симуляторы постперспективы;
- глобальные сети, глокализация;
- джихад/МсМир;
- телеметрическая власть;
- мягкое проникновение;
- детерриториализованные опасности;
- гибкая реакция;
- коллективы киборгов;
- сети, киборги¹.

Но до этого появились фильмы про Джеймса Бонда, который куролесил по всему свету с кучей шпионских приспособлений, помогающих ему и под водой и под облаками и масса других, относящихся к периоду идеологической геополитики, царствовавшей в эпоху «холодной войны». Можно с иронией относиться к этой разновидности науки геополитики, именуемой популярной, но кто будет отрицать идейное значение кинематографа, столь важное для эмоционального настроения кино-, телемасс, являющихся гражданами государства или даже группы государств, ангажированных в определенную идеологическую матрицу? Вспомните, какая реакция у вас была при просмотре

¹ Gearoid O' Tuathail and Simon Dalby. Re-thinking geopolitics? London-Routledge, 1998. — P. 28.

фильма «Брат», когда Бодров говорил, что «вашей Америке скоро кирдык наступит». Не важно, француз это был или американец, оба они (к немцу ведь герой фильма относился хорошо), по Шмитту, относятся к врагам, даже если между нашими странами установлены дипломатические отношения.

Чтобы не отходить от темы и не переходить к геополитическим анекдотам современности (тоже относящимся к дискурсу и нарративу!), вернемся к фундаментальным вопросам важности геополитики.

Сами американские исследователи выявили причины упадка в своей стране столь важной науки, возрожденной в начале 80-х гг. XX в. Их было три:

- разделение дисциплин в колледжах и университетах (из-за чего в Штатах появилось масса узкопрофильных специалистов от экспертов по определенной группе стран до менеджеров по вопросам разоружения);
- реакция на войну в Юго-Восточной Азии;
- выход СССР на уровень ядерного паритета с США¹.

А с цитируемым Сикером готов поспорить американский неоконсерватор Роберт Каплан, посвятивший геополитике одну из своих последних публикаций «Реванш географии»². В своей статье он разделяет политиков на пять категорий: реалистов, неоконсерваторов, фаталистов, детерминистов и прагматиков, — в зависимости от нравов эпохи и взглядов определенной группы людей на ценности и идеалы. Для того чтобы сделать

¹Francis Sempa. Geopolitics: From the Cold War to the 21st Century / Francis Sempa. — Transaction Pub, 2002. — P. 103.

²Kaplan R. Revenge of Geography / R. Kaplan. — [Electronic resource]. — Access mode: http://www.foreignpolicy.com/story/cms.php?story_id=4862.

краткий вывод о том, что люди и идеи влияют на события, но все же значительно обуславливает их действия именно география, Каплан возвращается в викторианскую эпоху, вспоминает Гоббса и либералов, разработки Мэхэна, Спайкмена и Маккиндера. А от Маккиндера переходит к борьбе за Евразию, подводя итог своему исследованию: «Благосостояние, социальный и политический порядок во многих местах будут разрушены, уступив место природным границам и человеческому энтузиазму в качестве основных арбитров в разрешении старого вопроса — кто кого?»¹.

Так что постполитические реалии, хоть и украсили людское бытие ярким спектаклем цветных революций, предвыборных кампаний, кризисов и локальных конфликтов, в географическом пространстве сквозь холодную призму стратегического анализа они видятся лишь как распыленная воля врага к глобальной гегемонии на пятом уровне стратегии — инфосфере, вкупе с остальными, когда это потребуется. По Каплану отрицание фактов географии приведет к разрушительным последствиям и сделает нас жертвами географии, хотя это является банальной аксиомой.

И фраза другого американского мудреца, связанная с развитием информационных технологий, тоже вполне приемлема как совет российским властным элитам: «Успешная внешнеполитическая деятельность требует прежде всего способности интуитивно предчувствовать будущее и таким способом управлять им»².

¹Kaplan R. Revenge of Geography / R. Kaplan. — [Electronic resource]. — Access mode: http://www.foreignpolicy.com/story/cms.php?story_id=4862.

²Генри Киссинджер. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002. с. 322

Косовская карта

Семнадцатого февраля 2008 г. Косово в одностороннем порядке объявило о своей независимости от Сербии. Этот акт не только разделил страны — члены ООН на два противоположных лагеря, но и вызвал цепную реакцию в мировом политикуме. В любом случае, и сторонники и противники независимости Косово признают, что после 17 февраля Ялтинские и Хельсинские соглашения полетели в тартарары, а балканская бомба замедленного действия стала еще более угрожающей для европейской безопасности.

Начнем с самого начала. Исторически область Косово и Метохии (это правильное название, однако албанцы специально не произносят вторую часть, которая этимологически отсылает к православной и героической истории этого края) является священным сербским местом, так как там проходили сражения между православными сербами (а также венграми) и мусульманами Оттоманской империи. После поражения империи этот регион в 1918 г. отошел к

Королевству сербов, хорватов и словенцев. Кстати, за четыре года до этого Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, чем нарушила Берлинский договор 1878 г. А в 1914 г. был убит эрцгерцог Франц Фердинанд. Конечно же, мы не будем делать намеков на предпосылки к третьей мировой, хотя замороженные конфликты в различных точках земного шара грозят возобновиться уже в ближайшее время. Но, несмотря на средневековые распри и многочисленные войны на Балканах, корень нынешней проблемы Косово историки видят в событиях Второй мировой войны. Албания тогда воевала на стороне Германии и устраивала этнические чистки сербов. Гитлеровское командование включило Косово в так называемую Великую Албанию. Часть албанцев именно тогда и переселилась на нынешние территории. Югославия, возникшая после окончания войны, как справедливо отмечают геополитики, явно явилась результатом деятельности США по созданию заведомо непрочной федерации, которая входит в дугу исламской нестабильности.

В то же время Иосип Броз Тито (этнический хорват) планировал ввести в состав Югославии Албанию и принял оттуда 400 тыс. беженцев, которых и поселил в Косово и Метохии, а оттуда депортировал 200 тыс. сербов. Одновременно он запретил косовским сербам возвращаться в родные края, выплатив им денежные компенсации. С 1963 года эта область стала автономным краем, и к этому времени подавляющее большинство там стали составлять албанцы. В 1970-ые годы сербы начали подвергаться дискриминации со стороны албанцев, и до 1981 г. еще 50 тыс. сербов покинуло Косово.

В этом же году там произошли массовые беспорядки, в которых опять пострадали сербы. В современной истории

их называют «косовской интифадой», тогда край захлестнула волна бандитизма. Да и сам распад Югославии тоже связывают с косовской проблемой.

Мировая общественность узнала о Косово в 1999 г., когда режим Слободана Милошевича обвинили в угнетении албанского населения края. Это не совсем так. Первоначально полиция была введена для поддержания порядка в крае. Помнится, общественность возмутила фотография албанца за колючей проволокой в лагере для перемещенных лиц. На самом деле не албанец находился за проволокой, а западный журналист зашел за ограждение, чтобы сделать видимость такого себе концлагеря.

Потом началась одиннадцатинедельная бомбежка Югославии.

Впрочем, дадим слово очевидцам событий. Стефен Зюнс, профессор политики университета Сан-Франциско, который с 1996 по 1999 гг. работал в группе миротворцев по поддержке албанского населения, в своей статье «Косово и политика официального признания» написал следующее:

«Этнические албанцы, составляющие 85% местного населения, создали параллельное правительство, школьную систему и другие квазинациональные структуры в 1990 г. Движение начало проводить самые различные ненасильственные акции протеста, включая забастовки, бойкоты, демонстрации. Все это велось с укреплением параллельных институциональных албанских структур. Между тем, мировая общественность, а в особенности Запад, игнорировали деятельность косовских албанцев.

США и западные страны предпочли поддержать теневую армию албанцев, известную как Армия освобождения Косово (АОК). Она состояла из националистов, связанных с

терроризмом и наркоторговлей. Если организаторы квазинациональных структур стремились к росту албанского населения, то АОК настаивала на освободительном движении исключительно методами вооруженной борьбы. АОК возглавила националистическое движение в Косово и организовала ряд терактов — были убиты официальные лица из числа сербов, разрушены деревни, совершены нападения на этнические меньшинства. Лидеры АОК призывали к этническим чисткам сербов. И самое печальное, организаторы АОК сейчас входят в верхушку новопровозглашенного Косово.

Когда в конце 1998 г. в регионе разразился затяжной кризис, ОБСЕ направила туда своих наблюдателей. На самом деле их количество было ограничено, они не имели должного опыта и технического оснащения, необходимого для мониторинга. НАТО отказало ОБСЕ в какой-либо технической помощи. Примерно тогда же в Рамбуйе было заключено соглашение, где Косово предлагалось дать статус автономии в составе Сербии.

Такое политическое урегулирование казалось тогда сербам разумным, и они готовы были рассмотреть это предложение, но оно блокировалось со стороны НАТО, которое требовало введения своих войск в Косово и их свободного перемещения без разрешения со стороны Югославии. Более того, США настаивали на безоговорочном подписании документа в стиле «подписывайте или мы вас начнем бомбить», что означало, по сути дела, капитуляцию»¹.

Американский политолог считает, что политика США может самым трагическим образом изменить политический климат на Балканах. А отношения с Россией привести к новой холодной войне.

¹Zunes S. Kosovo and the Politics of Recognition/ S. Zunes. — February 21, 2008 [Electronic resource]. — Access mode: <http://stephenzunes.org/2008/02/20/kosovo-and-the-politics-of-recognition/>

Юридические вопросы

США, Франция, Афганистан, Тайвань первыми признали независимость Косово, затем к ним присоединились Великобритания, Германия, Италия, Польша.

Против признания независимости края сразу же выступили Испания, Кипр, Греция, Словакия, Болгария (изменила свое решение), Румыния, Китай и Россия.

Независимость Косово противоречит Хельсинскому акту 1975 г. «О безопасности и сотрудничестве в Европе», в котором закреплён статус нерушимости европейских границ. Независимость Косово не может попасть под право наций на самоопределение, поскольку у албанской нации уже имеется своё государство — Албания. Кроме того, Косово было отторгнуто от Сербии военным путём, без санкции ООН и без согласия самой Сербии. Также, была нарушена резолюция ООН № 1244 от 10 июня 1999 года, в которой подтверждалась «приверженность всех государств-членов суверенитету и территориальной целостности Союзной Республики Югославии». До настоящего момента Совет Безопасности ООН не изменил данный документ. Фактически страны, признавшие суверенитет Косово, плюнули на устав ООН и проявили неуважение к основополагающим принципам международного права. Парламент Сербии 18 февраля принял решение об аннулировании решения краевого парламента Косово, за день до этого такое же решение приняло правительство Сербии. Решение было принято вопреки Конституции Сербии, а также нормам международного права о неприкосновенности территориальной целостности стран. Республика Косово была названа «фальшивым государством на территории Сербии», на ее лидеров заведены уголовные дела.

Управляемая «независимость»

Для управления Косово будут направлены сотни бюрократов из ЕС, которые сменят своих некомпетентных коллег из ООН. Согласно плану Ахтисаари в Косово планируется создание международной гражданской администрации, которую возглавит Питер Феит, голландский дипломат. Он должен будет корректировать или аннулировать решения, принимаемые властями Косово.

По плану управления регион будет децентрализован, чтобы предоставить сербам и другим меньшинствам больше автономии. Естественно, сербы предпочтут полное отделение.

А европейские дипломаты окажутся в ловушке, которую уже называли «балканским синдромом зависимости». Это образ поведения, который можно было наблюдать в Боснии, когда местные лидеры позволяли иностранцам делать то, что должны были делать сами, передавая полномочия по принятию сомнительных решений. Те же миллионы евро из бюджета ЕС будут потрачены не на нужды людей, а на работу оккупационной администрации. Кстати, по альтернативному плану, который предлагал Белград, у Косово было бы гораздо больше реальной независимости.

Если говорить о лицемерной политике Запада, то этот факт уже всем набил оскомину. Остановимся лишь на одном примере двойных стандартов со стороны США и европейской бюрократии, которые можно было наблюдать и раньше. Независимость Западной Сахары была признана более чем 75 государствами в 1975 г. Однако Белый дом поддерживает Марокко, чьи власти настаивают на международном признании его односторонней аннексии Западной Сахары как «автоном-

ной области». В свете того, что Косово было юридически признано частью Сербии, тогда как Западная Сахара признана самоуправляемой территорией под контролем оккупационных сил (этот статус подтвержден Советом Безопасности ООН и Международным судом), этот двойной стандарт выглядит воистину вопиющим. Сторонники независимости Косово вспоминают и прецедент с Бангладеш. Но эту страну в 1971 г. сразу же признало 90 государств. Вето наложили лишь Китай и Пакистан, но в 1974 они его аннулировали¹.

Теперь о потенциальных проблемах

Они могут возникнуть в соседней стране — бывшей Югославской республике Македонии, где албанское меньшинство сконцентрировано вдоль западной границы с Косово. Албанцы скорее всего начнут сепаратное движение по присоединению к самопровозглашенной республике. Македония уже имела проблемы с боевиками из АОК, против которых неоднократно предпринимала военные и полицейские операции. В ходе этих операций македонскими военными и полицией вместе с террористами из АОК в плен было взято... несколько инструкторов НАТО, обучавших албанских террористов. Тогда НАТО пригрозило руководству Македонии, что их войска могут войти и в эту бывшую Югославскую республику и правительство страны пошло на уступки. Но, видимо, урок для Македонии прошел зря. Теперь они наряду с Хорватией и Албанией просятся в НАТО. Надеются, что альянс сможет обеспечить им безопасность. А НАТО смогут разместить свои базы в их странах, прикрываясь политикой региональ-

¹Williams Ian. A New Kosovo/Ian Williams. — February 20, 2008, [Electronic resource]. — Access mode: http://www.fpif.org/articles/a_new_kosovo

ной безопасности. Похоже на неплохой трюк. В Косово у города Урошевац уже расположена американская военная база Кэмп-Бондстил — один из элементов сети военных баз США в Евразии (сейчас в Косово находится 17-тысячный корпус сил НАТО). Поэтому сербский премьер Воислав Коштуница однозначно заявил, что США готовы беспринципно и грубо приносить основы международного миропорядка в жертву своим собственным военным интересам. Более того, войсками НАТО так и не было выполнено условие по разоружению боевиков из АОК. Главари этой террористической группировки сейчас занимают посты в правительстве самопровозглашенной республики — президентом Косова был избран Фатмир Сейдиу, который сменил скончавшегося 21 января 2006 года Ибрагима Ругову, лидера АОК. Демократическую партию Косово и партию Альянс за будущее Косово возглавляют бывшие полевые командиры Хашим Тачи (нынешний премьер-министр) и Рамуш Харадинай. Последний, несмотря на протесты Сербии, возглавил правительство Косово в 2004 году, а в марте 2005 г. был обвинен в ряде противоправных действий Международным трибуналом по военным преступлениям в бывшей Югославии. Харадинай дал показания в Гааге, а 12 октября 2005 г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии изменил ему меру пресечения и решил заниматься политикой. В 1990-х годах бывший и нынешний премьеры воевали с сербской армией и продолжают подозреваться в совершении преступлений против сербского населения.

Что же ждет само Косово? По статистике, 40–50% всего и две трети молодого населения являются безработными. По логике вещей они должны голодать, не имея средств к существованию, но этого не происходит. Британский журнал

Economist объясняет это тем, что албанские гастарбайтеры в большом количестве работают в Европе и высылают деньги своим родным и близким. Мы же склонны считать, что, скорее всего, в Косово превалирует теневая экономика.

Ведь импорт края составляет приблизительно 1,3 млрд. € (1,9 млрд. \$) в год, зато экспорт просто микроскопичен — € 90–130 млн. Около 25–30 тыс. представителей молодежи, ежегодно приходящих на рынок труда, не имеют никакой квалификации.

Сами косовары мечтательно говорят о природных ресурсах — минералах, которыми богат этот край. Но критически настроенные люди считают, что проблемы гораздо глубже. В регионе нет традиций управления частными компаниями и эффективного менеджмента. Предприятие не может превышать размеры такого, которое управляется одной семьей.

«Они боятся современных технологий и теряют контроль», — так высказался о косовских методах ведения бизнеса Куштрим Хаксли, местный интернет-предприниматель¹. Далее начнется экспансия албанского влияния (от культурно-идеологического до экономического) в регион, что составит серьезную угрозу самопровозглашенной республике. Сербия в свою очередь может установить блокаду региона, вплоть до отключения электричества.

Конечно же, Косово как прецедент для своей независимости рассматривают и другие республики с проблемным статусом — Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах. США и их сателлиты будут блокировать волеизъявление граждан бывших советских республик, так как эти государства находятся в зоне прямого влияния России.

¹Kosovo: The world's newest state. //Economist, February 21, 2008 [Electronic resource]. — Access mode: http://www.economist.com/node/10727947?story_id=10727947

Зато они могут поддержать другие очаги сепаратизма, которые сыграют на руку американским интересам. В азиатском регионе управляемыми центрами напряженности потенциально являются исламские «тамильские тигры», занимавшие ранее половину острова Шри-Ланка и периодически дающие о себе знать в Индию, (так можно оказывать давление на эту страну, если их политика будет противоречить интересам Вашингтона), спорные территории на пакистано-индийской границе (Кашмир), остров Тайвань или индонезийские сепаратисты. Единой Европе могут угрожать баски и каталонцы (Испания), ирландцы и шотландские националисты, гренландцы (уже заявившие о своем намерении отколоться от Дании). Эффект домино может быть непредсказуемым. Бельгия расколется на Валонию и Фландрию, Корсика отойдет от Франции. Венгерские меньшинства в Румынии и Словакии поднимут флаг сепаратизма. Кроме этого, через некоторое время демографический баланс в ЕС неминуемо нарушится в пользу выходцев из Африки и Азии, которые на законодательном уровне (в местных, федеральных и республиканских органах власти) смогут лоббировать свои интересы. И не исключено, что это будет идея создания религиозно-этнических автономий или анклавов. Да и в самой бывшей Югославии боснийские сербы могут активно включиться в борьбу за свои права. Край Воеводино остается потенциально конфликтогенным регионом (там проживают и албанцы и венгры), который уже сейчас сербы считают следующим элементом политики дестабилизации, проводимой США на Балканах.

Наш украинский брат

Две югославские войны в прошлом не очень позитивно повлияли на украинскую экономику. Навигация по Дунаю была прекращена, и украинские судоходные компании понесли значительные убытки. В Черное море через Дунай попала масса ядовитых веществ — неизбежные следы войны (кроме побочных эффектов, таких как продукты горения и утечка разных веществ из разрушенных фабрик, в 1999 г. ВВС США использовали бомбы и ракеты, изготовленные из истощенного урана).

Само Косово не раз сравнивалось украинскими политиками с Крымом. И не безосновательно.

Репатриация крымских татар и их обустройство проходили без особого контроля со стороны государства. Внешне проблемы крымско-татарского укоренения на протяжении многих лет выглядели как самозахват земель, прилегающих к основным автострадам южного берега Крыма. Но все гораздо серьезней. С одной стороны, с 1990-х годов Киев никак не вмешивался в решение проблем крымских татар (вопросы образования, религии, культуры), с другой стороны, официальные власти всегда оттягивали вопрос решения статуса крымско-татарского народа, предпочитая использовать его как противовес пророссийской части населения. На первом национальном съезде крымско-татарского народа (курултая), состоявшегося в 1991 г., было принято решение о создании в Крыму национальной государственности в результате репатриации. Структура национального крымско-татарского движения в Крыму представляет собой двухуровневую модель (вспомним слова американского профессора об албанских квазиструктурах). На первом уровне находятся партии

и политические движения, общественные организации, фонды и институты. На втором — криминальные группировки, радикально-националистические движения, религиозные экстремисты. К первому относится «Междлис» (ведут умеренную политику, постоянно отмечая, что работают в правовом поле. Лидер организации Мустафа Джемилев 21 февраля 2008 г. заявил, что они будут добиваться внесения в Конституцию Украины изменений, предусматривающих создание в Крыму крымско-татарской национальной автономии), пантюристская партия «Милли фирка» (согласно программным документам выступает за создание крымско-татарской государственности), «Крымско-татарская община», «Фонд возрождения Крыма, «Эвлят», «Яшлык», «Заман», Фонд поддержки коренного населения Крыма, «Марама», «Зынджырлы Медресе», «Наш Крым» и др. Некоторые из них имеют международный статус и получают финансовую помощь от фондов ЕС и США. Ко второму уровню принадлежат нелегитимные «Имдат», «Адалет», «Мусульманская община» и ультраисламистская международная структура «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия», ратующая за создание государства-халифата.

Значительную финансовую поддержку крымские татары получают также от Турции, Саудовской Аравии, татарских диаспор на Западе. «Междлис» имеет связи с официальными представителями различных исламских и светских государств. Крымские татары также имеют свои органы печати и телеканал, образовательные заведения, по сути наладив параллельную общественно-политическую жизнь. Некоторые крымско-татарские организации оппозиционны одна другой, из-за чего их общины атомизированы и зачастую поддаются насаждению новых, радикальных версий ислама, чьи ми неофитами становится крымско-татарская молодежь.

Интересно то, что украинские правые силы на протяжении многих лет поддерживают татар, исходя из логики: «лучше Крым татарский, чем москальский». А учитывая сложную внешнеполитическую ситуацию, многовекторность официального Киева, клановые партийные интересы, внутренние социально-политические проблемы, украинские власти вряд ли смогут адекватно отреагировать на кризисную ситуацию в Крыму, когда ряд организаций начнет кампанию по созданию независимого крымского государства.

Кроме Крыма, который имеет геополитический интерес и для Турции, и для России, и для НАТО, и для ЕС, сецессии могут потребовать подкарпатские русины, считающие что по отношению к ним украинским государством осуществляется целенаправленный геноцид и политика двойных стандартов.

Так что государства в стиле постмодерн, каким, безусловно, является Косово, уже разрушили традиционный порядок обустройства держав, ввергнув мир назад, в XIX век, когда все противоречия решались силовыми методами. Хочется того или нет, но фраза Клаузевица о том, что «война — это продолжение политики», остается актуальной и поныне.

Экономика разрушения

Серьезные проблемы с фондовым рынком США вынудили многих задуматься о финансово-экономических возможностях этой страны и адекватности экономических программ, предлагаемых агентами США развивающимся и развитым странам.

После создания суррогатов в ценных бумагах, не имеющих обеспечения, но утвержденных монополистами этой системы и продаваемых на фондовых рынках (что, в основном, и послужило причиной нынешнего кризиса в США и во всем мире), агенты неолиберальной экономики также задействуют механизмы так называемой «экономической реструктуризации», навязываемые различным странам.

История этих механизмов уходит в 1944 г., когда по инициативе США в Бреттон-Вудсе был создан Всемирный банк и Международный валютный фонд. Эти структуры позиционировались как механизмы восстановления послевоенной Европы, однако в действительности эту роль они не выполнили, а с 1980-х гг. подструктуры ВБ — Международный банк ре-

конструкции и развития и Международная Ассоциация Развития — запустили программы займов на реструктуризацию экономики различных стран. По сути дела, МВФ и ВБ создали систему паразитического капитализма, где в выигрыше оказывались ее основатели (только США имеет право вето во ВБ), а их совместная работа была направлена на создание в различных странах выгодной ВБ и МВФ экономической модели.

«Шоковая терапия» — один из проектов ВБ, который был применен на постсоветском пространстве и нанес колоссальный удар по экономике и социальному сектору (последствия той катастрофической инфляции в определенных масштабах можно наблюдать и сегодня). Россия, как и некоторые другие страны, мудро отказалась от сотрудничества с ВБ и МВФ, выплатив долги и отказавшись от применения последующих программ. Некоторые страны из числа бывших советских республик (например, Украина) все еще зависят от долгосрочных кредитов и займов ВБ и МВФ. И во всем мире на данный момент более семидесяти, в основном развивающихся и бедных стран, находятся в жесткой зависимости от ВБ и МВФ.

Основные проекты, которые сейчас финансируют эти гиганты неолиберальной экономики в развивающихся странах — это строительство трубопроводов для перекачки нефти и газа, дамб и добыча природных ресурсов. Как считают критики этих организаций (это самые различные кампании и инициативы в странах третьего мира, а также общественные движения в США и Западной Европе, такие как World Bank Boycott и Bretton Woods Project), действия ВБ и МВФ ущемляют гражданские и трудовые права в странах, где они осуществляют свои проекты, и наносят вред окружающей

среде и программам социального обеспечения (обычно это требование повысить тарифы на жилье, услуги здравоохранения и образования, приватизация жизненно необходимых секторов производства и сферы обслуживания).

Всемирному банку, судя по всему, хорошо работается в Африке. Благодаря большим процентам Танзания выплачивает ВБ суммы, которые почти в десять раз превышают расходы на здравоохранение. В Нигерии правительство тратит на погашение кредитов средства, вдвое превышающие бюджет образования и здравоохранения вместе взятых. Интересный пример двустороннего обмана демонстрирует работа Банка с правительством Чада. Десять лет назад Джеймс Вольфенсон заключил сделку с диктатором Чада Идрисом Деби по строительству нефтепровода к побережью Камеруна. Когда в 2003 г. началась прокачка нефти (170 тыс. баррелей в день), первые средства от прибыли Деби вложил в покупку вооружения. После этого он перестал выполнять обязательства по контракту с ВБ, его лондонский счет был заморожен, и Деби был вынужден спешно искать средства для выплаты долга. С 2005 по 2006 гг. бюджет Чада вырос вдвое и был использован диктатором для создания вооруженных молодежных отрядов для борьбы с суданскими повстанцами. В январе 2006 г. ВБ решил приостановить кредитование Чада, что министр нефтяной промышленности Чада истолковал как приостановку подачи нефти. Хотя в июле было подписано новое соглашение, в сентябре 2008 г. ВБ заявил об отзыве финансовой поддержки трубопровода Чад-Камерун в размере 4,2 млрд долл. США.

Но плохое самочувствие после пребывания в компании ВБ испытывают не только страны Африки и Латинской Америки. Сотрудник Билкентского университета из Анкары Эринч

Елдан в своих исследованиях отмечает, что благодаря программам МВФ Турция попала в капкан долгов, вырос уровень безработицы, появились подозрительные структуры под протекторатом МВФ и ВБ. Посткризисные программы, примененные МВФ к Турции, строились на привлечении краткосрочных капиталов, а непродуманные механизмы обмена иностранной валюты привели к обесцениванию лиры и росту импорта потребительских товаров. После этого последовало сужение финансового сектора, что отразилось на инфраструктуре образования и здравоохранения. «Программы МВФ не просто «стабилизируют» экономику, но радикально изменяют социальную структуру страны», — пишет турецкий экономист¹.

Этого для США показалось мало, и в августе 2004 г. Белый дом создал еще один инструмент экономического порабощения — это Координационный офис по реконструкции и стабилизации, который возглавил бывший посол США в Украине Карлос Паскуаль. Его задача состояла в том, чтобы выработать планы по урегулированию после конфликтов для 25 стран. Парадокс заключался в том, что в этих странах конфликты еще не произошли. Офис тесно взаимодействует с Советом по национальной разведке и, по видимому, согласно оперативной информации своих коллег, строит планы по быстрому разворачиванию программ в странах с большой долей риска, где прогнозируемый конфликт будет исчерпан. Еще одна структура, которая «помогает» развиваться молодым странам — это Американский институт предпринимательства, одна из старейших организаций неоконсерваторов, созданная в 1943 г. и ставшая одним из первых интеллектуальных центров США.

¹Eric Yeldan. Turkey and the long decade with the IMF/Eric Yeldan// Bretton Woods Update # 61 — June/July 2008. — P. 3.

Первая постконфликтная страна, которая приходит на память, — Грузия. Этому кавказскому государству, имевшему во времена СССР самые высокие показатели ВВП на душу населения, по предварительным оценкам Банка Грузии, потребуется около одного млрд долл. США для урегулирования гуманитарного кризиса и восстановления инфраструктуры, разрушенной во время военной операции.

Грузия и раньше активно сотрудничала с Всемирным банком и Европейским банком реконструкции и развития на предмет получения долгосрочных льготных займов.

Интересно, что, по словам представителей США, они готовы предоставить Грузии помощь в размере двух млрд долл. США, но не для восстановления разрушенных объектов, а в качестве военной помощи.

Логика действий вроде бы понятна — после разрушения (природный катаклизм или последствия конфликта) следует реконструкция. Но идет ли она на пользу этим постконфликтным странам, которые уже имеются в списке риска Белого дома?

Во всех займах ВБ доля «постконфликтных» стран сейчас составляет 20–25%. В 1998 г. эта цифра равнялась 16%. Традиционно проблемами, связанными с последствиями войн и природных катаклизмов занимались ООН, но после того, как подобная работа зарекомендовала себя как чрезвычайно прибыльное дело, ее решили не оставлять гуманистам из ООН, а прибрать к своим рукам. Всемирный Банк и новый вашингтонский проект под руководством Карлоса Паскуаля теперь несут эту тяжелую ношу, распределяя контракты кому надо (только Halliburton получили 10 млрд долл. США под контракты поставок и строительных работ в Ираке и Афганистане, а американская фирма Bearing Point, специализи-

рующаяся на международной деятельности, отапортовала, что доходы, полученные в результате разделения сфер обслуживания «выросли за пять лет в четыре раза»), указывая, что нужно делать в пострадавших странах, подстраховываясь на этот случай дипломатическим давлением.

Как пишет автор бестселлера «No logo» Наоми Кляйн в своей книге «The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism», «сейчас огромные участки планеты находятся в состоянии активной реконструкции: параллельное правительство, состоящее из одних и тех же коммерческих консалтинговых фирм, инженерные компании, крупные НПО, агентства помощи ООН и международные финансовые организации заняты перестройкой... Работы ведутся медленно, если вообще ведутся. Иностранцы консулы купаются в роскоши, получая тысячи долларов на зарплату и издержки, в то время как потенциальных рабочих привлекают на семинары, обучая, как нужно правильно принимать решения. Опытные «строители демократии» читают лекции местным правительствам о важности прозрачности и «хорошего управления», в то же время отказываясь вручить им бразды контроля за расходованием их же средств»¹.

Довольно знакомый феномен, известный у нас как «распил бабла». Американцы успешно «распилили» их в Ираке, где отремонтированные корпорацией Bechtel водопроводные системы вновь очень быстро вышли из строя; в Афганистане, где Президент Хамид Карзай назвал иностранных подрядчиков «коррупцированными и расточительными, тратящими драгоценные ресурсы страны»; в Шри-Ланке, где шестьсот тысяч пострадавших от цунами остались прозя-

¹ Naomi Klein. The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. Naomi Klein — Metropolitan Books, 2007. — P. 85.

бать во времянках, в то время как основные средства раста-
яли в карманах немногих привилегированных особ. Индий-
ский исследователь Шалмали Гуттал говорит об этих процес-
сах, что это «не реконструкция, а тотальная перекройка чего
бы то ни было».

Наоми Кляйн указывает, что разрушенные страны при-
влекательны для ВБ по другой причине: они послушны. По-
сле катастроф правительства этих стран обычно делают все,
что от них требуют, лишь бы получить финансовую помощь,
даже если она будет означать огромные долги и травматиче-
ские политические реформы. Осознавая беспомощность по-
терпевших от конфликта или катаклизма стран, ВБ и МВФ
предоставляют помощь не в виде грантов, а в виде займов с
определенными оговорками. В этом случае страны, испыты-
вающие проблемы, становятся государствами с «ограничен-
ным суверенитетом». В Афганистане путем ограничения су-
веренитета удалось приватизировать сектор здравоохране-
ния — средства поступали на счета определенных неправи-
тельственных организаций, которые строили частные кли-
ники. Не забывает ВБ и об армии своих бюрократов. «В одном
департаменте правительства Восточного Тимора один ино-
странный консультант получает в месяц столько же, сколько
его двадцать тиморских коллег за год!», — говорит индонезийский исследователь Бен Моксхэм¹.

Считается, что феномен нынешнего «капитализма ка-
тастроф», по мнению экспертов, впервые проявил себя в
октябре 1998 г., когда ураган «Митч» пронесся над Централь-
ной Америкой и унес жизни более девяти тысяч человек. Вме-
сте с помощью регион поглотила такая же ураганная прива-

¹Guteriano Nicolau S. Neves. World Bank reconstruction role in Timor-
Leste creating problems/ Guteriano Nicolau S. Neves// Bretton Woods Update
54 — January/February 2007. — P. 3.

тизация. В Гондурасе были приватизированы воздушные и морские порты, шоссе, государственная электрическая компания. Столь же быстро было изменено и законодательство, упрощающее покупку и продажу недвижимости иностранцами. В Гватемале на продажу была выставлена телефонная компания, а в Никарагуа заявили о планах продажи нефтяного сектора.

Даже после цунами 26 декабря 2004 г., где в Индии, Шри-Ланке, Таиланде и Индонезии в основном пострадали небольшие рыболовецкие сообщества, ВБ не стал заниматься ликвидацией последствий и восстановлением предшествующей социальной инфраструктуры, а начал продвигать проекты корпоративного туризма и крупных частных рыболовецких компаний с американским капиталом.

Кондолиза Райс назвала цунами «прекрасной возможностью, которая предоставляет нам хорошие дивиденды». Это довольно циничное высказывание является и прагматичным. После катастрофы остается разрушенная земля, требующая культивации — строительства зданий отелей, фабрик, терминалов и военных баз. Если же с природным катаклизмом не повезет, в новом департаменте Белого дома есть в запасе еще два с половиной десятка стран, где может произойти какая-нибудь катастрофа — военный конфликт или социальная дестабилизация, в организации которых Белый дом имеет богатый опыт.

Кризис и амбивалентная роль современной экономики

Политика и экономика — вещи взаимосвязанные. После обвала фондовых рынков США и возникшего в глобальной экономике эффекта домино, аналитики все чаще вспоминают классиков экономической либеральной мысли и пытаются философствовать на тему природы нынешнего кризиса. Дж. Кейнс, А. Смит, Д. Рикардо и др. всплывают в пространственных текстах зарубежных экспертов.

«Экономика — это не автономная дисциплина, независимо от того, как ее рассматривают сегодня. Это — дисциплина, которая может быть понята только через связь с политикой, так как богатство нации покоится на этих обеих колоннах, и лучше всего может быть понята тем, кто подходит к ней с моральной точки зрения, так как экономика делает существенные расчеты, основываясь и на человеческой натуре и на правильном поведении. Нынешняя склонность расценивать экономику как дискретную науку параллельна вере в то, что экономика — это особая сфера существования, и это лучше всего демонстрируется, когда она выводится из политических и даже

моральных соображений. Наша позиция всегда состояла в том, что экономика может быть понята и спрогнозирована только в контексте политики и что желание отделить эти две сферы от морального учения Смит бы не одобрил. Смит понял, что слово «экономика» без прилагательного «политическая» не сможет описать действительность. И мы должны принять во внимание мнение Смита, когда пытаемся понять текущий кризис», — пишет известный современный американский геополитик, основатель разведывательно-аналитического центра Stratfor Джордж Фридман в своей статье «Политическая природа экономического кризиса», вышедшей в конце сентября 2008 г¹.

Пытаясь разобраться с мнениями относительно кризиса, автор выделяет три взгляда на данную проблему, которых придерживаются три группы соответственно. Первая группа утверждает, что текущий финансовый кризис уже превзошел доступные социальные ресурсы настолько, что ни рыночное, ни государственное решения не смогут его остановить. Нестабильность финансовых рынков настолько серьезна, что рыночный подход будет означать длительный период депрессии. А любая попытка государства направить социальные ресурсы на решение проблемы будет не только неэффективна, но еще и продлит кризис, принеся, возможно, лишь незначительное облегчение на начальном этапе. Подобное суждение, по мнению автора, исходит из того, что этот финансовый кризис накапливался в течение многих лет и защитные механизмы экономики уже бессильны перед ним. Это не является мнением американского большинства, но оно широко распространено и по своей сути направлено против американского правительства.

¹Friedman George. The Political Nature of the Economic Crisis/ George Friedman. — September 30, 2008. [Electronic resource]. — Access mode: http://www.stratfor.com/weekly/20080930_political_nature_economic_crisis

Вторая группа утверждает, что финансовый кризис не перерос способность государства управлять обществом, но что кризис превзошел способность рынка управлять им. По мнению этой группы, проблема заключается в том, что финансовые рынки породили серьезный кризис ликвидности. Экономика в отличие от финансовых рынков является относительно стабильной, но если кризис ликвидности остается нерешенным, то он начинает затрагивать экономику в целом. Так как финансовые рынки неспособны решить проблему за определенный промежуток времени, в течение которого он особо не затрагивает экономику, государство должно мобилизовать ресурсы для того, чтобы принять решение по финансовым рынкам, рассматривая ликвидность как предпосылку к дальнейшим решениям. Эта группа, как и представители первой, полагает, что финансовый кризис может иметь глубокие экономические последствия. Хотя их можно и ограничить. Данную точку зрения разделяло правительство Буша, лидирующая фракция Конгресса, Федеральное резервное управление и большинство экономических лидеров США.

Наконец, третья группа утверждает, что государственная мобилизация ресурсов для спасения финансовой системы фактически является попыткой спасти финансовые учреждения, включая то неблагоприятное и жадное, которые и привели к текущему кризису. Эта группа подразделяется на две. Первая подгруппа согласна с мнением, что текущий финансовый кризис может иметь глубокие экономические последствия, но полагает, что существует решение, которое принесло бы ликвидность финансовым рынкам и одновременно не спасло бы виновных в кризисе. Вторая утверждает, что угроза экономической системе раздута и что финансовый кризис

скорректирует себя сам без первостепенного вмешательства государства, но при определенном и ограниченном выполнении новых инструкций.

Таким образом, первая группа рассматривает ситуацию как безысходную и, конечно же, отрицает любые политические решения как неспособные и некомпетентные. Вторая группа представляет утвердившийся консенсус, который состоит в том, что рынки не могут решить проблему, но ее может решить федеральное правительство, если будет действовать достаточно быстро и решительно.

Третья группа озвучила свое мнение 29 сентября, когда коалиция демократов и республиканцев отклонила первое предложение правительства. Это довольно разнородная в своем составе группа сосредоточилась на одной предпосылке, а именно, что задержка не приведет к экономической катастрофе.

«Проблема перестала быть экономической несколько месяцев назад. Если конкретнее, экономическая проблема преобразовалась в политическую. Начиная с коллапса Bear Stearns, первичным актором в этой драме было федеральное правительство вместе с Федеральной резервной системой, и их полномочиями, которые увеличивались вместе с ростом тревоги в отношении рынков. С определенного момента уровень проблемы начал опережать законные ресурсы казначейства и федерального правительства, в результате чего они обратились к Конгрессу с просьбой о предоставлении больших средств и полномочий», — описывает механизм выхода из кризиса Фридман¹.

«Причина нынешнего кризиса — это результат длительного периода неумелого управления финансами центральных

¹ Friedman George. The Political Nature of the Economic Crisis/ George Friedman. — September 30, 2008. [Electronic resource]. — Access mode: http://www.stratfor.com/weekly/20080930_political_nature_economic_crisis

банков, в том числе Федеральной резервной системой. Пузыри росли в секторе финансов, недвижимости, на фондовых рынках», — говорится в докладе Вашингтонского Центра экономических и политических исследований (CEPR), одного из think-tank, который всегда критиковал влияние либеральных экономических моделей и последствия глобализации¹. «Ошибка Буша и других политических лидеров состояла в том, что они предвидели Великую депрессию и попытались вначале внушить страх для того, чтобы получить общественную поддержку для банковской санации», — указано в анализе CEPR. Этот экономический термин имеет медицинское происхождение и означает ряд мер, направленных на улучшение финансового положения с целью предотвращения банкротства или повышения конкурентоспособности. Но вместе с финансовым впрыскиванием, которое пытаются сделать и США и ряд европейских стран, доллар следует понизить по отношению к другим основным валютам для того, чтобы вернуть торговый дефицит на тот уровень, когда еще можно как-то им управлять. Падение доллара — это то, чего вряд ли хочет правительство США, но, исходя из экономических законов, оно необходимо.

После ряда новых неудач американского правительства аналитики Стратфора уже начали проявлять явное беспокойство. Одиннадцатого октября 2008 г. во время заседания представителей Большой семерки в Вашингтоне в статье «Сигнал опасности: G-7 — геополитика, политика и финансовый кризис», уже говорилось о попытках привлечения к разрешению кризиса еще 13 государств (получается G-20), которые вместе составляют 90% глобальной экономики. Интересно, что Россия в этих посиделках не участвует, несмо-

¹ Cecchetti Stephen. Monetary Policy and the Financial Crisis of 2002-2008/ Stephen G. Cecchetti// CEPR Policy Insight No. 21. — P. 6.

тря на то, что ряд местных олигархов, скрепя сердце, наблюдают, как испаряются их раздутые капиталы. Через два дня Фридман выпускает новую статью, где говорится о новых фактах. Проблема оказывается уже не только чисто техническая (ликвидность). Появляется нечто новое — это европейское видение рынка, которое существенно отличается от американского, из-за чего необходимо пересматривать правила игры.

У Европы тоже были похожие проблемы. В Англии экономика вошла в период стагнации уже во втором квартале, а министр финансов Великобритании Алистер Дарлинг еще в начале сентября заявил, что страну ожидает самый серьезный кризис за последние 60 лет. Как и в Штатах, лидеры европейских стран заговорили о правительственных гарантиях и дотациях. Ирландия пошла по пути Германии, приняв скорее политическое, нежели юридическое решение, объявив о неограниченных гарантиях по банковским вкладам без предварительных консультаций со своими европейскими партнерами. Британцы традиционно хранят скепсис по отношению к своим соседям. Издание «Independent» отмечает, что «финансовый кризис выявил основное слабое звено еврозоны — группа стран оказалась связанной одним центральным банком, но без единого договора и органа, управляющего доходами». Все же англичане понимают необходимость совместных с ЕС действий, возлагая надежды на результаты встречи министров финансов западноевропейских стран.

Но США нужно в первую очередь спасти себя. Если последует национализация экономик европейских (и других стран), это серьезно пошатнет международную экономическую систему. Во-первых, будет нарушен баланс международных торговых отношений. Во-вторых, (это касается и США

и ЕС), действия правительства могут оказаться неадекватными при распределении капитала (однозначно, на общем фоне начнутся политические злоупотребления). В-третьих — последует искривление валютного курса (теперь привяжите это к уже упоминавшемуся товарному дефициту — и проблема котировки валют увеличивается в несколько раз).

Теперь о мировоззрении. Европейцы всегда ставили государство превыше рынка (эпоха империй, *etat-nations*, сейчас конфедерация государств, известная как Евросоюз), в то время как американцы позаимствовали философские идеи английских либералов, развив идею свободного рынка до абсолютной ценности. И в попытках предотвратить ухудшение экономик своих государств Западу придется столкнуться с конфликтом мировоззрений, который назревал в последние несколько столетий. Даже в техническом подходе к делу будет одна серьезная загвоздка. Если предположить, что будут взяты под контроль огромные потоки финансов, проходящие между банками, то как добиться состояния свободного рынка в остальных секторах системы? Ведь свободный рынок — это фундамент либеральной идеологии, утвердившейся в большей части земного шара. Тогда выходит, что либерализм с идеей свободного рынка не оправдал себя, свидетельством чего и является его неспособность справиться с нынешним кризисом. Если либерализм как одна из политических теорий себя не оправдал на практике (что в глобальном масштабе случилось с марксизмом и фашизмом/национал-социализмом), следует обратиться к новой, четвертой, политической теории и, в частности, к гетеродоксальным экономическим моделям, предложенным в свое время различными исследователями. Возьмем это на заметку.

И, наконец, европейцы поняли и открыто заявили, что «зараза» начала распространяться из США, на что Вашингтон

со свойственным лицемерием ответил — да, мы продавали ничем не обеспеченные бумаги, но ведь вы их покупали!

Здесь нужно вернуться к моменту создания Бреттонвудской системы экономики в 1944 г.

Перемещение свободного капитала между двумя мировыми войнами породило так называемый «виртуальный парламент» инвесторов и заимодателей (ростовщиков), которые контролировали правительственные программы и законы. Как пишет Наом Хомски в своей статье «Разоблачение недемократического лика капитализма» (газета «The Irish Times» от 10 октября 2008 г)¹, если правительства принимали сторону народа, а не частной власти, т.е. выглядели «иррациональными», то «виртуальный парламент голосовал против них». Это было одной из причин создания возможностей для свободного перемещения капитала, которым могла бы управлять общественность.

В 1970 г. Казначейство США объявило свободное перемещение капитала «фундаментальным правом». Риторически ограничение на перемещение капитала США рассматривали как своего рода ограничение демократических прав и свобод. После того, как США в 1971 г. объявили о том, что доллар более не привязан к золоту, Бреттонвудская система распалась. Из нее выделился Международный банк реконструкции и развития (входит в группу Всемирного банка) и Международный валютный фонд. Правда, с демократическим контролем над финансовыми потоками тоже ничего не получилось. По сути, в США сложилась однопартийная система — это была партия владельцев капитала, которая внешне подразделялась на республиканцев и демократов. Вместе со своими инструментами влияния на другие страны (о чем мы

¹<http://www.commondreams.org/view/2008/10/10-4>

уже писали в статье «Экономика разрушения») США начали политику экономического закабаления, хотя фактически они не имели для этого никаких реальных обоснований за исключением военной силы, которая применялась по мере необходимости для поддержания видимости мощной системы. К чему это привело, мы уже знаем.

Есть еще одна версия причин кризиса. Дэвид Брукс из «New York Times» говорит о сдвиге глобальной экономической власти, предсказывая серьезные перемены. Это и громадные состояния нефтяных магнатов и удобная монетарная политика, что породило различные эксцессы. Отдельным пунктом стоит рост Китая, хотя на фоне текущих событий Китай в реальности может столкнуться с кризисом перепроизводства. Хотя азиатские финансовые рынки стоят несколько особняком, их тоже коснулось финансовое цунами из США.

После того, как 9 октября в Японии упала иена (что было связано с уменьшением базовых ставок на 0,5% Федеральной резервной системой США, Банком Англии и Европейским Центробанком), в банковскую систему страны было влито двадцать миллиардов долларов, что не принесло существенных результатов (стоит задуматься, есть ли здесь связь с приходом нового правительства Японии и охлаждением интереса этой страны к военному сотрудничеству с США — американские военные базы по плану должны покинуть Страну восходящего солнца до 2012 г).

Теоретически, можно совместить две идеи из предыдущих абзацев. Это виртуальный мировой парламент и глобальный сдвиг, вызванный результатами голосования в этом парламенте.

В России заявления властей к народу исполнены оптимистической риторики. Руководство страны даже проявило

намерения помочь некоторым странам преодолеть бедственное положение. Однако более глубокий подход обнаруживает серьезные причины для беспокойства.

«Россия с опозданием поняла, что она гораздо более уязвима к финансовым потрясениям, чем считалось. Кремль предполагал, что со своим гигантским военным бюджетом, подпитываемым нефтяными доходами, он сможет одновременно увеличивать расходы на соцобеспечение, стимулировать инвестиции частного сектора, при этом еще и жестко демонстрируя всем российскую мощь. Но эта программа обернулась проблемами еще раньше (до недавних событий в развитии глобального финансового кризиса) из-за растущей инфляции», — пишет издание «Financial Times». Автор статьи во многом прав, так как кризис вызывает отток капитала из России и влияет непосредственно на цены энергоносителей.

Это свидетельствует о главном — войдя в глобальную макроэкономическую систему, Россия сделала себя зависимой именно от серьезных мировых экономических катаклизмов, даже несмотря на свои значительные финансовые резервы. И это касается не только России. По прогнозам МВФ, всю Западную Европу ожидает снижение экономического роста. Китай в ближайшие годы, скорее всего, столкнется со снижением ВВП. Пожалуй, из всех геополитических полюсов, в выигрыше будет только Индия, где экономика не такая открытая, как в развитых странах, и там заметны факторы значительного внутреннего роста. Индусы, похоже, лучше всех поняли смысл греческого термина «экономика». Это искусство управления домашним хозяйством. И вопрос можно сформулировать следующим образом — зачем нам слепо копировать либеральные рыночные схемы апологетов кочующего

капитала и мондиализма, если речь в первую очередь идет о том, чтобы быть хозяином в собственном доме? Если Россия хочет быть независимой от плавающих экономических центров или, как мы их еще называем «глобального виртуального парламента» (т.е. группы лиц, принимающих решения, влияющие на мировые экономические процессы), а также от внешнего управления (пусть и завуалированного), руководство нашего государства должно сделать из этого однозначные выводы.

В то время, как США будут стараться выйти из трудного положения либо за счет своих партнеров, либо с помощью экстраординарных решений (конспирологи в этом случае указывают на инцидент «911»), нам следует использовать эту уникальную возможность для создания фундаментально новой хозяйственно-экономической модели, адекватной для большого пространства Евразии и применимой в других регионах мира.

Национально-политическая идентификация в Украине и формы репрезентации власти

В любом государстве всегда существовала необходимость четкой идентификации, разделения на своих и чужих. Немецкий юрист и геополитик Карл Шмитт рассматривал категорию «друг-враг» как неизбежно присущую политическому субъекту. Украине (корректнее было бы сказать государственным деятелям, проживавшим в разное время на территории современной Украины) также не была чужда культурная политика разграничения — вначале на племенной основе, позже на религиозной (противопоставляя православных католикам, мусульманам и иудеям), далее по принципу провинция-метрополия, еще позже на неприятии идеологического фактора. После обретения Украиной независимости перед новой политической элитой возникла проблема самоидентификации и репрезентации власти в самом государстве и за ее пределами, в связи с чем президент Леонид Кравчук призвал украинскую интеллигенцию как в Украине, так и за ее пределами, в диаспорах, приступить к выработке национальной идеологии. В среде украинских националистов даже

существовало мнение, что обретение Украиной независимости было достигнуто благодаря адаптации идей украинского национализма частью коммунистической элиты.

В первую очередь, для создания фундамента, поддерживающего украинскую государственность, и были взяты на вооружение идеи апологетов украинского национализма. Некоторые тезисы этих теоретиков стали догмой для нового поколения украинских националистов, а после 2005 г., когда новая «символьная элита» объявила курс на ускоренную национализацию, они стали частью государственной доктрины. Потому будет крайне интересно проследить метаморфозы украинской националистической идеологии, т.к. некоторые ее элементы находятся в жестком антагонизме с современной трактовкой и официальной государственной позицией.

В своем фундаментальном труде «Самостійна Україна», который послужил пищей апологетам украинского национализма — Д. Донцову, С. Ленкавскому и С. Бандере, Николай Михновский определяет украинский народ как нацию рабов, вместе с тем давая четкое определение, кто есть враг, а кто друг («Усі люди — твої брати, але москалі, поляки, мадяри й жиди — це вороги нашого народу»). Ему же принадлежит лозунг, который взят на вооружение и современными националистами: «Одна, єдина, недеільма, свободна, самостійна Україна от гор Карпатських и до Кавказських».

В работе «Россия или Европа» Дмитро Донцов развивает линию противопоставления, критикуя Россию через призму культурно-исторических и политических процессов, завещая будущим борцам за украинскую государственность строго следовать идеалам Европы. Донцов является для современных украинских националистов авторитетнейшей

фигурой, несмотря на то, что в его работах наличествует волюнтаристский подход и модернистский взгляд на нацию, характерный для того времени (работа «Национализм» вышла в 1926 г.). «Фанатизм», «чувство инстинкта», «эмоциональность» вместо «рассудительности», дух национальной нетерпимости должны реабилитировать свежее и молодое украинство... «Фанатизм» и «принуждение» Донцов противопоставляет национальной нежности, импонируя агрессивному национализму, который после Первой мировой войны проявлялся в разных формах в Западной Европе. «Осмеянная филистерами философия британского национализма (right or wrong, my country), или немецкого «Deutschland Uber Alles» должна стать — *mutates mutandis* — и нашим девизом. Перенесенный в сферу конкретных отношений, этот идеал являлся бы для нас суверенностью, «империализмом» в политике, свободной от государства церковью в религии, западничество — в культуре, свободной инициативой и ростом — в экономической жизни»¹.

Нечто подобное позже постулировал Максим Орлик (Дмитро Мирон) отмечая, что «демократия дает ошибочное представление о государстве и вредную его организацию... Социализм же является противоестественным, антиобщественным, антинациональным, антигосударственным и крайне деструктивным явлением». Если не демократия, не социализм, тогда что? Ответ находим в этой же книге, где автор сравнивает фашизм, национал-социализм и украинский национализм в их попытках возрождения идеализма, волюнтаризма, героизма, воинственности. Характеризуя национальную идею Украины, национальную волю и националь-

¹Донцов Дмитро. Націоналізм/Дмитро Донцов. — Вінниця : ДП «ДКФ», 2006. — С. 208–224.

ные чувства, он, как и Донцов, наделяет их конкретной характеристикой — они должны быть империалистическими¹.

Донцова и Орлика также объединяет модернистский подход — в противовес примордиалистской версии национализма, которой придерживаются многие современные украинские националисты (идея прародины ариев, колыбель трипольской культуры и др. мифоисторические комплексы), — они наделяют украинскую нацию объединяющим фактором воли, а не крови и расы (Донцов, в частности, отмечал, что «европейца не отличает ни раса, ни язык, ни обычаи, а стремление и размах воли»). Тем не менее, антропологический подход часто использовался и используется сторонниками украиноцентризма, в первую очередь, по отношению к России и русским, которых, в лучшем случае, они называют продуктом смешения славян, тюрков и угро-финнов, а в худшем — наделяют признаками монголоидной расы. Известный популяризатор русофобии, канадец украинского происхождения Павло Штепа даже относит москвитов к азиатской расе, противопоставляя ей украинскую европейскую расу². Хотя этот автор намеренно передергивает цитаты и умышленно путает факты (его труд не выдерживает никакой критики), это произведение пользуется популярностью среди украинских русофобов, особенно среди неофитов.

Подобная «научная» несогласованность способствовала в дальнейшем появлению расколотости сознания у украинской интеллигенции, разрабатывающей доктрину госу-

¹Орлик Максим. Ідея і чин України: нарис ідеологічно-політичних основ українського націоналізму / Максим Орлик. — К. : УВС. — 2001. — С. 77–121.

²Штепа Павло. Московство — его происхождение, содержание, формы и историческое развитие / Павло Штепа. — Киев-Ровно, 2005. — С. 11–14.

дарственной идеологии (например, нет единого мнения о происхождении тризуба, являющегося малым гербом Украины, чего мы коснемся чуть позже), а многовекторная направленность, официально ставшая концепцией государственного развития при президентстве Леонида Кучмы, тормозила попытки четкой идентификации политического и национального в Украине. Противоречия коснулись и дефиниции «украинская нация». Например, в Конституции Украины это понятие не определено, но применяется вместе с термином «украинский народ», в рамках которого объединены «граждане Украины всех национальностей»¹. Как отмечает исследователь национализма Григорий Касьянов, в массовом сознании и научных разработках в Украине в понятие «нация» вкладывается в основном этническое содержание и «украинская нация в таком понимании — это, прежде всего, этно-культурная, языковая общность». Причем автор делает парадоксальный вывод, что территориально украинская нация окончательно оформилась при советском режиме, который закончил объединение основных этнических земель в рамках Советской УССР, не говоря уже о стабильной, хотя и символической государственности в рамках Советского Союза². Учитывая антисоветскую риторику последовательных украинских националистов, которые обвиняли Советскую власть в постоянных притеснениях (от религиозных до культурно-языковых), не менее интересны исследования, посвященные советской украинизации. Елена Борисенко анализируя действия советской власти и реакцию коренного населения Украины в 1920–1930-е гг., дела-

¹ Конституция Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/ru/content/constitution.html>

² Касьянов Г. В. Теорії нації та націоналізму / Г. В. Касьянов. — К. : Либідь, 1999. — С. 260–262.

ет вывод, что «сторонники национальной идеи считали колонизацию реальным средством воплощения в жизнь своих убеждений»¹. Украинская социал-демократическая партия, украинские монархисты, компартия Западной Украины и другие одобрительно относились к национализации, проводимой Советами.

Если вернуться в нынешнее время, то сейчас в академических кругах Украины все чаще звучит критика в адрес государственных органов. С одной стороны, власть обвиняют в неумении отстаивать интересы республики и защищать своих граждан, характеризуя положение Украины как близкое к failed state, с другой — за неадекватность европейским и международным правовым документам и излишнюю декларативность (например, положение статьи 1 Конституции Украины, где она объявлена правовым и демократическим государством). Некоторые авторы предлагают свои концепции нации и государства, например, определение государственной нации как нации граждан, а не этнического сообщества. Авторы этой теории настаивают на том, что современные государства могут существовать только в том случае, если они освобождают политическое гражданство от культурной или этнической идентичности. При этом культурная идентичность никуда не исчезает, просто она теряет государственную легитимацию, как происходит с религией. Значит, культурная политика должна принимать во внимание интересы и права гражданина Украины, а не «этнического украинца». Ведь, этническую идентичность нельзя ни создать, ни вырастить, ни сменить (она либо есть, либо ее нет), а национальную идентичность гражданина создает и государство, и

¹Борисенко Елена. Феномен советской украинизации/ Елена Борисенко. М. : Европа, 2006. — С. 128–129.

культура, и политика, и сам гражданин. И в этом случае возможны двойные, и даже множественные идентичности.

А примордиалистские концепции, которые онтологизируют этнические признаки, мешают современным политическим трансформациям¹. Но такой подход, когда государственная нация разрешает публично выразить несколько идентичностей, остается лишь в теоретических разработках, как и концепции цивилизационного (геополитического) выбора. Здесь возможны три варианта выбора и противопоставления. Это европейский, евразийский и существование на европейских маргинесах. Хотя существует довольно интересная философско-политическая трактовка попыток самоидентичности (Украина не противостоит ни Европе, ни России, а если что-то подобное и происходит, то является политизацией социокультурного по своей сути процесса. Украина противостоит возможности своего собственного небытия, своего социокультурного угасания²), государственная политика и задекларированная позиция ряда националистических партий и движений настаивает на евроатлантическом векторе. Поскольку здесь тоже присутствует ряд полумер в вопросах самоидентификации (заявленная интеграция в НАТО, что противоречит действующей Конституции), следует рассмотреть попытки собственной национально-политической идентификации и в этом аспекте.

1 Воропай Т. С. Національна ідентичність та національна держава / Т.С. Воропай. Глобалізм глазами современника: блеск и нищета феномена : материалы докладов и выступлений участников междунар. науч.-теор. конф. — Сумы, 2002. — С. 9–10.

2 Зайцев М. О. Модернізація і проблеми національної ідентичності. Україна в контексті євроінтеграції / М.О. Зайцев: матеріали доповідей і виступів міжнар. наук.-теор. конф., 1–3 грудня 2005 р. — Суми : Вид-во СумДУ, 2005. — С. 64–65.

Процесс интеграции означает вхождение части в целое. Если Украина действительно включена в процесс евроинтеграции, тогда она должна закрыть вопрос о самоопределении, т.е. самоидентификации, и подчинять свои смыслы в соответствии с целым, либо отсекают их, либо ассимилировать. С другой стороны, следует задаться вопросом, что есть европейское и не являются ли рычаги евроинтеграции (через проведение экономических программ, правовых реформ и трансляции определенного культурного кода) своего рода гносеологическим расизмом по отношению к новым членам и странам-соседям. Не будет ли выхолощена политическая онтология в процессе евроинтеграции, низведя политику до безжизненной механики правовых процессов?

Здесь возможен еще один вопрос — насколько идея осмыслить себя как субъект политики у Украины соотносится с действительностью?

Если исходить из обратного, то, определив отсутствие политической самоидентификации, мы придем к состоянию отсутствия и Политического в Украине, несмотря на наличие суверенитета, и таких атрибутов государственности, как национальная валюта, герб, гимн и т.п. Некоторые украинские политологи близки к этой точке зрения, утверждая, что украинская политика еще не состоялась, а вместо этого возник злокачественный симбиоз формально-демократического и фактически-олигархического элементов в организации жизнедеятельности общества. В Украине не «срабатывает» аристотелев принцип справедливости, который особое внимание обращал на равенство «по достоинству», и крайне размытые грани между оценкой граждан по их индивидуальному, производительному вкладу и их чисто приспособительными инстинктами. В связи с этим, в Украине конца II — начала

III тыс. обозначилась уникальнейшая по своему внутреннему строению толпа: общество в подавляющем большинстве является собой атомарный конгломерат атомизированных индивидов. Большинство граждан снует по периферии своих личных интересов и следует в орбите личной неустроенности, выживает, видя в другом потенциального противника¹.

В связи с этим будет нелишним привести результаты исследований, проведенных осенью 2008 г. Национальным институтом стратегических исследований Украины по поводу освещения украинскими СМИ исторических событий (которые признаны государством как национально значимые — это Голодомор и День Соборности) и подачи национальной культуры в ресурсах дипломатических структур Украины, так как публичная политика тоже является формой репрезентации власти. Согласно отчету о проведенном мониторинге «в периодических изданиях различных регионов отсутствует концептуальное единство, что негативно влияет на процесс консолидации украинского общества... На сайтах дипломатических представительств национальная культура представлена недостаточно. Содержится в основном не современный, а этнографический и фольклорный пласты культуры. Имеющаяся информация не учитывает современных реалий, суживает возможности для адекватного восприятия современных реалий современной культуры и культурного наследия иностранцами»².

Далее мы коснемся основных символов государственной власти Украины — гимна, флага и герба. Дискуссии по поводу неоднозначности трактовки официальной государ-

¹Холод В. В. Феномен парapolитики: идеи, свершения, социальные результаты/В.В. Холод. — Сумы : Университетская книга, 2004. — С. 330–446.

² <http://www.niss.gov.ua/Monitor/oktober08/20.htm>

ственной геральдики и торжественной национальной песни возникли сразу же после их официального принятия и не утихают до сих пор. Хотя официальная точка зрения состоит в том, что «желто-голубые цвета символизировали Киевское государство еще до Крещения Руси», это не доказуемо и вряд ли соответствует действительности. Западная Европа и Византия переняли геральдическую традицию Римской империи, где символом высшей власти был пурпурный (красный) цвет. В Украине синий цвет стал использоваться как символ гетманской власти (гетьман является калькой с немецкого *Hauptmann*, «капитан», что подразумевает командование исключительно вооруженными силами, а не правление над целым народом) с XVII в., возможно, по аналогии с символикой господарей соседнего Молдавского княжества, которые являлись вассалами Османской империи и не имели права на использование королевских регалий. Интересно, что флаг войска Запорожского был малинового цвета, что более адекватно символизирует суверенность. По другой версии право использовать сине-желтый цвет был дан Мазепе Карлом XII, дабы идентифицировать «своих» в сражении с войсками Петра Первого. Существует неразбериха и с тризубом, который является малым гербом Украины. Украинские ученые Александр Белов и Георгий Шаповалов сходятся во мнении, что трезубец является верхушкой скипетра Византийского императора и, вероятно, был заимствован князем Владимиром. Помимо этой версии существует множество теорий происхождения тридента — летящий сокол, якорь, древний символ триединства (в индуизме идентичный знак широко применим и, помимо триединства, символизирует разрушительную стихию бога Шивы). Связывая этот символ с государственным строем Украины,

выходит парадокс. Символ является монархическим (княжеским), в то время как Украина — это республика: *res publica* — дело народа (лат.). Подобные символические нестыковки прослеживаются и в проекте самого герба, который вот уже 17 лет не могут утвердить. Проект предполагает размещение тризуба на щите, над ним — великокняжеский венец и намет. Тогда спрашивается: «Кому принадлежит венец и кто будет «помазывать на царство?». Здесь уже поднимается и вопрос конфессии. «Сам намет является фигурой рыцарских и дворянских гербов и указывает на готовность вассала защищать интересы сюзерена. Чьим вассалом является Украина?»¹. Еще два важных элемента проекта герба — это золотой лев на задних лапах и казак с мушкетом, символизирующий войско Запорожское. В Конституции указано, что «большой Государственный Герб Украины устанавливается с учетом малого Государственного Герба Украины и герба Войска Запорожского», но какое место в таком проекте может занять герб Войска Запорожского — неизвестно, ведь в нынешнее время такой юридической единицы в Украине не существует.

В общем, история европейской геральдики при проектировании герба совершенно не учитывалась.

Гимн Украины также подвергся критике. Первая строка «Ще не вмерли України ні слава, ні воля» вообще подверглась насмешкам, так как трактовалась как «лебединая песнь». В переводе с древнегреческого гимн (*ἕμνος*) означает торжественную песнь, восхваляющую кого-либо или что-либо. Но дальше в тексте идет воинственная риторика, призывающая к вторжению в соседние государства («Станем,

¹ Филиппов Алексей. Республика или монархия? / Алексей Филиппов // Зеркало недели. — 2003. — № 43 (468).

брatтя, в бій кривавий від Сяну до Дону»). А в припеве говорится о «брatьях козацкого рода». Все было бы понятно, если бы это был гимн военной организации, каковой и являлось войско Запорожское. Она была построена по принципу мужского союза, и первоначально присутствие женщин в стане запорожцев строго наказывалось. Но, во-первых, в Украине женщины официально имеют равные права с мужчинами, во-вторых, Украина в современных территориальных границах включает в себя и земли, жители которых, неоднократно страдали от набегов этих же самых запорожцев. Первоначальный текст Чубинского хоть и был отредактирован, но все же и в нем остались поэтические строки, которые диссонируют с заявленными принципами украинской государственности, взятыми на себя международными обязательствами и реальным положением дел. По сути, гимн Украины остается сказочным мифом с футуристической перспективой, законсервированной прошлым.

Если сравнить агрессивную риторику официального гимна страны и некоторые выкладки из догматов украинских националистов, которые мы уже приводили в статье, с опросами общественного мнения, получается довольно противоречивая картина. Украинцы стараются выглядеть миролюбивыми (даже националисты говорят о своей пацифистской позиции, заявляя о вечной многострадальности украинского народа и обвиняя в вечном милитаризме и империализме Москву), на деле являются довольно гостеприимным народом и выступают против каких-либо конфликтов. И здесь лежит ключевой вопрос — понимают ли сами украинцы, чего они хотят? Могут ли они четко идентифицировать себя? Найдутся ли мужество и воля у их лучших представителей прийти к консенсусу для вполне определенной репрезентации вовне?

Шведский государственный деятель и один из основоположников геополитики Рудольф Челлен около века назад в отношении утраты поляками своей государственности отмечал, что это было вполне логично, так как там, где собиралось два поляка, появлялось три мнения, и, по словам шведского мыслителя, раздел Речи Посполитой между другими державами из-за отсутствия социальной консолидации среди самих поляков, мог вызвать по отношению к ним лишь патетическую реакцию. В случае с Украиной сейчас мы видим нечто подобное, так как единства нет ни в вопросах правильной репрезентации государства, ни в вопросах самоидентификации. Более того, в некоторых регионах заметно явно негативное отношение к идее самой украинской государственности, а также формам ее репрезентации в виде символики.

Геополитика глобального контроля. ГЛОНАСС vs. GPS

В аэрокосмической конкуренции Советского Союза с США мы потерпели поражение. Несмотря на то, что СССР удивил весь мир запуском первого спутника в 1957 г. и полетом первого человека в космос в 1961 г., остальные проекты, особенно в отношении попыток отправки десанта на Луну, оказались неудачными, и в, определенной мере, это способствовало подрыву советской экономики. Хотя аэрокосмические разработки велись практически до распада Союза, после 1991 г. отечественная космонавтика оказалась в замороженном состоянии.

К некоторым космическим проектам и осознанию необходимости развития этой отрасли мы вернулись в конце 90-х гг., в частности было дано новое дыхание «ГЛОНАСС» (Глобальная навигационная спутниковая система). Эта система является альтернативой американской GPS, пользоваться которой незаметно для себя мы начали давно (бесплатный доступ к ней был открыт еще в 1983 г.) и уже привыкли к этому высокотехнологичному протезу.

Технически американская система GPS предоставляет пользователям, имеющим приемник, точные данные о местоположении и информацию о времени. Сама система состоит из сети спутников, оснащенных атомными часами и непрерывно вращающихся вокруг Земли. Их размещение позволяет в любое время получать на Земле радиосигналы низкой частоты одновременно как минимум с четырех спутников.

Стратегическое значение подобных систем было отмечено руководством страны в президентском распоряжении 1999 г., согласно которому ГЛОНАСС была отнесена к системе двойного назначения и рекомендована в качестве основы для создания международной глобальной навигационной спутниковой системы. В августе 2001 г. постановлением правительства РФ была принята соответствующая федеральная программа, которая будет действовать до 2011 г. Согласно ей, отечественная система в 2009 г. должна выйти на глобальный уровень (сейчас она покрывает 90% территории России и 80% всей остальной поверхности Земли), доведя количество спутников на орбите до 24-х и по технологическим стандартам выйдя на мировой уровень. Хотя в 1980-х гг. система уже имела на орбите 24 спутника, ее работа была заморожена, что позволило США совершить значительный отрыв от российских разработок (свой первый спутник глобальной системы GPS они вывели в 1978 г., на два года раньше нашего).

Помимо стратегических задач, спутниковые навигационные системы широко используются для различных повседневных гражданских нужд. Как отмечает турецкий инженер по геодезии и фотограмметрии Гюльтен Акар в своей статье, посвященной глобальным спутниковым системам навигации, «одним из самых ярких примеров гражданского

применения GPS является автобусная сеть Парижа. В Париже все автобусы отслеживаются с контрольного центра, а время отправки любого автобуса может быть проверено на мониторах, размещенных на остановках»¹.

Системы спутниковой навигации используются экстренными службами — полицией, пожарными и скорой помощью для быстрой выработки логистики и координации действий сотрудников служб. В коммерческих целях спутниковые системы задействуются для поиска различных объектов и наблюдения. Кроме того, спутниковые системы навигации широко применяются в научных целях — для измерения температуры воздуха и воды, давления атмосферы, плотности осадков и т.д. Особенно актуальным в последнее время это стало для мониторинга изменений климата — от таяния ледников до изучения озоновых дыр, слежения за сейсмической активностью и предупреждения различных природных катаклизмов. Экономический кризис также отразился на применении систем спутниковой навигации. Согласно заявлению министра МВД России Рашида Нургалиева, МВД создаст единые центры управления нарядами, а патрульные машины будут обеспечены системами ГЛОНАСС и GPS².

Создание подобных систем интересует не только Россию, которая как бывшая сверхдержава имеет соответствующие возможности и политическую волю для реализации этого проекта. Систему, которая будет конкурировать с американской, сейчас создают и в ЕС. По замыслу ЕС, к которому они пришли еще в 1999 г., эта система, названная Galileo, к 2010 г. должна будет иметь 30 спутников, служить исключительно гражданским целям и предоставлять более точные

¹<http://www.eurasiacritic.com/march/11.html>.

²<http://www.nr2.ru/224043.html>.

данные. Руководство США стало однозначно враждебно высказываться в адрес этого проекта после 11 сентября 2001 г., заявив, что они потеряют глобальный контроль. Помня серьезные разногласия с США по поводу югославского конфликта, страны ЕС окончательно приняли решение о создании собственной и независимой от США системы ориентирования, хотя многие проблемы еще не разрешены, а финансовый кризис, возможно, перенесет планируемую дату полного запуска системы на более поздние сроки. Но, однозначно, европейская общественность выступает за создание такой системы. Мэтью Пэррис в октябре 2007 г. со страниц британской газеты «The Times» вполне обоснованно задавался вопросом: «Кто мы? Неужели просто спутник США?»¹, критикуя действия властей Великобритании, охладившей (несомненно, не без закулисного давления американцев) к реализации европейского проекта глобальной навигационной системы Galileo. Хотя, согласно проекту, европейская спутниковая система будет синхронизирована с американской, что пойдет на пользу всем пользователям GPS (сбои в американской системе также являются причиной, по которой европейцы пытаются выйти на более высокий уровень в создании своей альтернативы, учитывая предыдущие ошибки американцев).

Однако стоит задаться одним вопросом. Почему американцы предоставляют свою систему с 1983 г. бесплатно, на обслуживание которой ежегодно выбрасывают огромные суммы? Причем, нужно помнить, что первоначально, как и Интернет, система GPS была военной разработкой Пентагона, являясь частью проекта «Звездных войн». Есть несколько

¹http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/matthew_parris/article2796650.ece.

причин. Во-первых, это информационные потоки, которые можно отслеживать и контролировать. Все мы используем ICQ, хотя мало кто задумывается, что вся информация проходит через американские спутники. Даже без алармистских и конспирологических теорий любой здравомыслящий человек понимает, что поток информации отслеживается с помощью специальных программ на наличие ключевых слов, которые могут заинтересовать спецслужбы США и позволить им сделать определенные выводы о возможности причастности определенных лиц к терроризму и различным преступлениям. А учитывая предыдущие факты заангажированности США относительно процессов политического и экономического характера (тот же скандал с разведсистемой UKUSA, в рамках которой американские спецслужбы занимались промышленным шпионажем в пользу американских корпораций), эти предположения небезосновательны. Во-вторых, американцы всегда могут закрыть доступ к своей системе, особенно в ситуации военных действий. Кроме того, до 2000 г. в системе GPS работала специальная программа «Селективный доступ», из-за которой гражданские лица получали неточные данные (они могли искажаться до ста метров). После давления американской и европейской общественности, несмотря на противодействие спецслужб США, эта функция была отключена. Однако само устройство продолжает находиться в комплексе системы и может быть активировано в любое время.

И еще навигационная спутниковая система может использоваться для ведения информационной войны. Хотя в этом секторе больше используются несколько иные модели спутников (в системе GPS применяется пассивный сигнал), пример с манипулированием данными последствий югоосе-

тинского конфликта будет излишним. После завершения боевых действий начались процедуры по установлению размеров убытков и принятию соответствующих решений. В таких вопросах, естественно, нужна оперативность. Организация UNOSAT первой представила анализ результатов съемки зоны конфликта из космоса, которая проводилась с августа по октябрь 2008 года. Эта структура была создана при ООН с целью использования космических технологий для оказания гуманитарной помощи. Поэтому, вполне естественно, что в рамках заботы и гуманности они проявили такую оперативность. Однако детальный анализ данных, проводившийся экспертами российского портала R & D.C News¹, показал, что в большинстве случаев аналитики из UNOSAT «не заметили» разрушений, которые были очевидны. В их поле зрения не попали больница и казарма с российскими миротворцами, которые прямой наводкой обстреливались грузинскими танками. Следует полагать, умышленно, так как качество полученных снимков позволяло выявить следы разрушений, хотя их основные параметры «эксперты» из структуры ООН определяли в основном по крышам, не учитывая размеры повреждений стен зданий. В итоге, согласно отчету этой организации, в Цхинвале было повреждено 5% зданий, а в грузинских деревнях вокруг — от 15% до 52%. Дальше — интереснее. Снимки были получены из отдела гуманитарной информации, который входит в бюро разведки и исследований Госдепа США. Что за специалисты работают в этом отделе, ясно без дополнительных комментариев. Интересы США в регионе тоже известны. В итоге, гуманитарную помощь и от США и от стран ЕС получила Грузия. Вполне естественно,

¹http://rnd.cnews.ru/reviews/index_science.shtml?2008/11/19/328304.

что европейская пресса, которая имеет доступ к высококачественным снимкам различных гражданских и коммерческих спутников, тоже умолчала о масштабах разрушений в Южной Осетии. Но этот регион находится в зоне внимания и наших спутников, находящихся в ведении космических войск. Почему наши военные предпочли хранить молчание неизвестно, но, используя оперативные данные, можно было бы занять серьезные позиции в информационной войне с Западом и помочь в адекватном распределении потока гуманитарной помощи.

Возвращаясь к спутниковым системам, следует отметить, что интерес к ним проявляют не только ЕС, США и Россия. Свою спутниковую сеть пытаются создать Индия и Китай, а недавний запуск иранского спутника и планируемый запуск спутника Северной Кореей свидетельствует о перспективности развития глобальных систем навигации и контроля. Тем более, что проекты двойного назначения направлены, прежде всего, на усиление мощи и безопасности государства.

«Мультипартнерский мир» Х. Клинтон: новая этикетка для старой политики

Пятнадцатого июля 2009 г., выступая в Вашингтонском офисе Совета по международным отношениям, госсекретарь США Хиллари Клинтон призвала строить «мультипартнерский мир», в котором правительства и частные компании будут совместно работать над решением глобальных общих проблем. «Мы не должны адаптировать концерт властей эпохи XIX столетия или стратегию баланса сил XX века. Мы будем в роли лидера, ведущего к стимулированию для великой кооперации огромного количества акторов, сокращения конкуренции, которая раскачивает баланс мультиполярного и внутри мультипартнерского мира», – сказала она¹.

Как отмечает издание «Вашингтон Пост» от 16 июля 2009 г., риторика Хиллари Клинтон довольно сильно отличается от высказываний госсекретаря М. Олбрайт, работавшей в команде ее мужа и называвшей США «исключительной нацией». Ее заявления, скорее, продолжают линию Кондолизы Райс, которая в свое время обогатила лексикон искусства

¹<http://www.cfr.org/publication/19804>

международных отношений термином «трансформационная дипломатия», впервые употребив это выражение в 2006 г. во время выступления в Джорджтаунском университете¹.

Государственный департамент США обозначил получасовое выступление Х. Клинтон как «важное послание по вопросам международных отношений». В ее речи были не только абстрактные формулировки, но и повышенное внимание к негосударственным акторам, влияние которых заметно отражается на международных процессах. Она оправдала действия военных США в Афганистане, т.к. «Талибан защищает Аль-Каиду»², отметила, что у Ирана практически не осталось времени и переговоры с США нужно начинать немедленно (в этом контексте ею была упомянута и Сирия). Кроме того, она взяла на себя ответственность по налаживанию связей с такими «основными, набирающими силы странами», как Китай, Индия, Россия, Турция, Бразилия, Индонезия и Южная Африка.

Семнадцатого июля Клинтон де-факто подтвердила свои намерения, выступив в Торговой палате США на очередном заседании «Американо-индийского делового совета», отметив необходимость укрепления и развития четырех направлений — глобальной безопасности, экономики, гуманитарного развития, науки и технологий³. А после этого отправилась в тур по Юго-Восточной Азии.

Что же может скрываться за этим дискурсом, который по мнению американских аналитиков, означает новое направление внешней политики США? Есть ли противоречия внутри американского истеблишмента по данному вопросу?

¹ Glenn Kessler. Clinton: U.S. Urges «Multi-Partner World». Washington Post. July 16, 2009.

²<http://www.cfr.org/publication/19804>.

³<http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/06/125033.htm>.

В своей последней статье редактор влиятельного издания *Foreign Policy* и сотрудник Фонда Карнеги Моисей Наим довольно лаконично сформулировал свою гипотезу о дальнейших международных отношениях, вынеся ее в название публикации — «Minilateralism», т.е. доктрина, строящаяся не на многосторонних (multilateral), а ограниченных, т.е. малосторонних (minilateral) отношениях. Обосновывает свою концепцию этот неолиберальный интеллектуал историческими прецедентами последних лет. Все многосторонние соглашения, подписанные с начала 90-х гг., начиная от договоров ВТО и нераспространения ядерного вооружения до «Целей тысячелетия» ООН, согласно которым все подписавшие этот документ страны должны до 2015 г. устранить проявления бедности и обеспечить начальное образование для своих граждан, практически ни к чему не привели. Моисей Наим видит определенную вину и на США, в частности, из-за отказа подписать Киотский протокол, а также провала ряда многосторонних переговоров. «Под минилатерализмом я понимаю более эффективный, целенаправленный подход: мы должны вынести на повестку дня гораздо меньшее количество стран, которые заинтересованы в более сильном влиянии на решение конкретной проблемы», – пишет американский эксперт. Он выводит магическую двадцатку: в торговле двадцать бедных и богатых стран с шести континентов обеспечивают 85% мировой экономики, 75% выбросов вредных веществ тоже ложится на двадцать основных загрязнителей. В вопросах нераспространения ядерного оружия достаточно 21 держава — тех, которые де факто им обладают, плюс реально озабоченные этой проблемой страны. В вопросах бедности — это страны доноры и африканские

державы, находящиеся южнее Сахары. Более того, развитие дальнейших многосторонних отношений автор видит опасным, т.к. реальных результатов от таковых уже не видно на протяжении двух десятилетий¹.

Его коллега по изданию, научный сотрудник Центра новой американской безопасности Роберт Каплан, выглядит куда более озабоченным, особенно в связи с событиями в Иране и Китае. «В этом демографически плотном и технологически связанном мире мы должны быть подготовлены к бесконечной буре. Внешняя политика будет искусством быстрой реакции, поскольку ситуации могут резко меняться на 180 градусов», — отмечает этот знаток работ Фукуямы, Хантингтона, а также классиков психологии и геополитики². Не так давно он разразился огромным опусом, опубликованным в журнале «Foreign Policy». Отметив, что неоконсы сейчас не в фаворе, а реалисты являются своего рода уважаемым брендом, Каплан уточняет понятие американского реализма, абстрагируясь от предшествующих политических программ и действий тех людей, которые давно принадлежат к этому лагерю. «Реализм означает признание, что международными отношениями управляет более грустная, более ограниченная действительность, чем внутренние дела. Это значит ценить порядок выше свободы, поскольку последняя становится важной только после того, как установлен порядок. Это означает фокусировку на том, что разделяет человечество, а не на том, что его объединяет, на что уповали первосвященники глобализации. Короче говоря, реализм состоит в признании тех неподконтрольных нам сил, которые ограничи-

¹ <http://www.foreignpolicy.com/articles/2009/06/18/minilateralism?page=full>

² Каплан Роберт. The lesson of China and Iran/Robert Kaplan. - The Atlantic. 14 July 2009

вают человеческие действия — культуру, традицию, историю, холодные потоки страсти, которые прячутся за наружным слоем цивилизации. Это подводит к тому, что для реалистов главным вопросом в иностранных делах является: кто, что и для кого сможет сделать? И из всех сомнительных истин, из которых и вырос реализм, самой неудобной и самой детерминированной из всех является география»¹. Каплан попросту призывает взглянуть на карту, особенно на «нестабильные зоны», Евразии, апеллируя к Ф. Броделю, А.Т. Мэхану, Х. Макиндеру, Н. Спайкману и их продолжателям из числа американских военных времен «холодной войны». И, приводя в пример рост численности населения в различных странах, длительный конфликт между Израилем и палестинцами как образец силы идеологии, предрекает Евразии геополитическую клаустрофобию. А все будущие попытки контролировать евразийские морские пути оставляет на совести Ирана, Китая и Индии, упомянув Пакистан, Ближний Восток и Аравийский полуостров. Одно только не понятно — куда же исчезла Россия с ее географической осью истории и импульсами, исходящими из Серединной земли, которую Х. Макиндер помещал в районе Западной Сибири? Россию Каплан упоминает в сравнении с Ираном, для которого нужно сейчас проводить ту же политику, которая раньше велась в отношении России — это политика сдерживания. И еще призывает мыслить по-викториански, мыслить пространством, что, по его словам, весьма трудно для нынешних американцев, полагающих, что для них не существует никаких ограничений, в том числе географических. Для нас это (как учит история) означает жесткое противодействие попыткам выхода к теплым морям путем создания антироссийских коалиций.

¹ Kaplan Robert. The Revenge of Geography./ Robert Kaplan. - Foreign Policy. May/June 2009

Помимо роста военного присутствия США в Средней Азии, что и так довольно очевидно, нужно вернуться к частным компаниям, упомянутых Хиллари Клинтон, т.е. тем структурам, которые формально отделены от государства.

В мире многие из них известны как транснациональные корпорации. Большинство из них тесно связано с американским правительством и надправительственными организациями, такими, как Трехсторонняя комиссия, Бильдербергский клуб и др. И, как убедительно показывают различные исследователи, в том числе бывшие агенты таких корпораций, посредством финансирования политических кампаний и СМИ они обеспечивают себе рычаги воздействия на избираемых представителей. «Эта группа лиц, входящих в корпорократию всегда остается у власти, независимо от того, представители какой партии — демократической или республиканской — доминируют в данный момент в Белом доме или конгрессе. Они неподвластны воле народа и не ограничены в своих действиях законами», — пишет бывший экономический убийца Джон Перкинс¹.

Несмотря на кажущуюся сложность механизмов, все довольно просто — в развивающиеся страны прибывают агенты международных банков, корпораций и под видом заманчивых инвестиций предлагают различные проекты. После получения кредитов, они поступают к таким же подрядчикам из таких же корпораций, а потом начинается выбивание долгов. Уже из государства и его граждан. Программы структурного регулирования были с успехом (для инициаторов) опробованы Всемирным банком и Международным валютным Фондом на странах Азии, постсоветского простран-

¹Джон Перкинс. Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции/ Джон Перкинс —М.: Альпина Бизнес Бук, 2008. — с. 22.

ства и Латинской Америки, что неоднократно приводило к коллапсу финансовой системы этих государств и затяжному социальному кризису. Исключением не являются различные пищевые, фармацевтические и промышленные компании, лоббирующие свои интересы через ВТО и различные соглашения по тарифам. На первый взгляд, эти частные компании настаивают на одном стандарте для всех потребителей, но в реальности, те же американские потребители в лице фермеров или других секторов промышленности получают огромные субсидии от правительства в качестве благодарности за то, что они используют генетически модифицированные семена Monsanto, а не какие-то другие. В других странах, естественно субсидии давать некому, но часто случалось так, что это выяснялось позднее, когда на защиту транснациональных корпораций уже постфактум вставал международный суд, настаивая на необходимости соблюдения буквы закона.

И, зная закулисные стратегии корпоративности и постоянные геополитические устремления США, этот привлекательный «мультипартнерский мир», предлагаемый Х. Клинтон, уже виден не через затуманенное стекло софистики, а в зловещих реалистичных тонах, которые не сулят ничего хорошего настоящему многополярному миру.

Китай: футурология и захват Сибири

Китайская Народная Республика первого октября 2009 г. отмечает юбилей – 60-летие со дня основания современного государства. Торжества по этому поводу пройдут по всей стране. После прекрасной организации Олимпийских игр в Пекине, где хозяева показали еще и отменные достижения в спорте, можно не сомневаться, что праздник будет отмечен с особой помпой. Неплохой подарок к 60-летию преподнесли и китайские археологи, обнаружив новые руины Великой китайской стены. Теперь официально она стала длиннее на одиннадцать километров.

Кроме круглой даты, Китаю, действительно, есть чем гордиться. Эту страну называют не иначе как будущим политическим и экономическим гигантом. Сами китайцы с недавних пор начали называть свою страну супердержавой, статус которой, по их мнению, они обрели в марте 2009 года¹.

Так что у США, которые и раньше заигрывали с Китаем, пытаясь использовать это государство в своих целях для про-

¹<http://www.atimes.com/atimes/China/KI23Ad03.html>.

движения американского влияния в этом регионе, появился конкурент. А после наступления финансового кризиса за океаном стали подумывать и о более серьезном стратегическом партнерстве с Поднебесной. В самих США с легкой руки профессора Гарвардского университета Найэлла Фергюсона и лондонского экономиста Морица Шуларика даже появился термин «химерика» (China + America), который отражает степень кооперации этих стран в промышленно-экономическом секторе¹. А сторонники американского господства настаивают даже на новом, пусть пока неофициальном формате G2 (Большая двойка), который, по мнению Збигнева Бжезинского, изложенному в январском номере Financial Times, сможет изменить мир².

В то же время, согласно стратегическому докладу, вышедшему недавно за подписью главы национальной разведки США Дэнниса Блэра, Китай остается в фокусе пристального внимания американского разведсообщества наряду с Россией, Ираном и Северной Кореей³. Раз он указан в этом списке, значит, может представлять угрозу для интересов США, т.е. является элементом «оси зла».

Об этом давно трубят военные США – от специалистов из ВМС и ВВС до сотрудников аналитических центров национальной безопасности. В первую очередь, Вашингтон опасается расширения влияния Китая в тихоокеанском регионе и возвращения Тайваня под его юрисдикцию. Сравнение военных возможностей КНР и США привело многих экспертов к

¹What “Chimerica” Hath Wrought. Niall Ferguson. The American Interest. Jan-Feb. 2009. [Electronic Resource]. — Access mode: <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=533>.

²<http://www.geopolitica.ru/Articles/453/>.

³http://www.rferl.org/content/Intelligence_Report_Lists_Russia_China_As_Top_US_Concerns_/1823807.html.

выводу, что Китай в ближайшее время далеко обойдет конкурента по качественным показателям. Однако США находятся достаточно далеко от Китая, чтобы он мог непосредственно угрожать их территории. Кроме того, американские специалисты не исключают войны КНР не только с Тайванем, но и с Российской Федерацией.

Дэвид Шанк, полковник ВВС США, который является аналитиком одного из исследовательских центров, занимающихся вопросами обороны и безопасности, прогнозирует военный конфликт России и Китая к 2025 г. Целью Поднебесной будет Сибирь с ее природными ресурсами. Согласно сценарию Шанка, за год до этого США и Россия подпишут соглашение, согласно которому Америка будет защищать Сибирь в обмен на право добычи нефти и газа. Три армейских бригады вооруженных сил США будут дислоцироваться в районе Владивостока и вести патрулирование этого региона.

В ночь на первое мая 2025 г. КНР начнет вторжение в Сибирь по плану произвольной войны. В первую очередь китайский спецназ нанесет удар по Транссибирской железной дороге, для того чтобы отрезать Сибирь от остальной части России. На Дальнем Востоке, особенно вблизи Владивостока, в море будут заблаговременно установлены минные заграждения, а сами мины будут активированы непосредственно в день вторжения. Китайские диверсанты проникнут вглубь территории и после наступления часа «Х» начнут обстреливать цели легкими ракетами со специальными боеголовками, которые при детонации излучают электромагнитный импульс. Все электросети в зоне боевых действий будут выведены из строя. Электронные приборы, используемые американскими военными для связи, в том числе со спутниками, тоже будут приведены в негодность. Китайский спецназ,

который под видом грузчиков и рабочих до этого работал в доках Владивостока, начнет уничтожение американских казарм. Затем китайцы начнут проектировать голограммные изображения, имитирующие перемещение китайских войск в разных зонах оккупированного региона. Американские военные, учитывая возникшую электронную слепоту, будут дезинформированы о реальных масштабах операции и в ответ на китайскую атаку выдвинут в район Владивостока три авианосца. Однако, как считает автор этого прогноза, Китай будет готов к такому ходу событий. Его субмарины, затаившись в засаде, будут ожидать авианосцы США¹.

Для обоснования своего мнения автор ссылается на фундаментальное исследование, проведенное экспертами корпорации RAND Джоном Стиллионом и Скоттом Пердуэ, которое посвящено военно-воздушным возможностям США. Анализируя модернизацию Народной освободительной армии Китая и соответствующие американские достижения в сфере ВВС и ПВО, эксперты разработали сценарий нападения Китая на Тайвань в 2020 г. и показали, что «США будут неспособны на эффективные действия и неподалеку от своих баз и в открытом море»².

Конечно, полковник Шанк нарисовал картину в довольно фантастических красках, отнеся такой тип войны к произвольной, хотя некоторые отечественные специалисты из военного ведомства тоже со скепсисом рассматривают ситуацию, сложившуюся в Сибири и на Дальнем Востоке. По их

¹Capabilities Needed for the Army Future Force, 2030 & Beyond – A Tale of Two Wars. David A. Shunk. 27 July 2009. [Electronic Resource]. — Access mode: http://www.d-n-i.net/dni/wp-content/uploads/2009/07/shunk-2030_and_beyond.pdf.

²Air Combat Past, Present and Future. John Stillion and Scott Perdue. Annual Report 2008, Rand corp. [Electronic Resource]. — Access mode: http://www.rand.org/pubs/annual_reports/AR7130/.

мнению, боеспособность ВС РФ в этом регионе крайне низка, а вооруженные силы Китая, размещенные лишь в двух приграничных с Россией регионах – Пекинском и Шэньянском, более чем вдвое превышают российские. А в Ланьчжоуском и Цзинаньском регионах находится еще несколько моторизованных и танковых дивизий и бригад. К тому же, как отмечают российские эксперты, у нас в этом регионе уже давно не проводятся учения, связанные с передислокацией большого количества военных. Китай же в августе этого года провел крупномасштабные учения, в которых участвовали четыре военных округа, а войска мобильно перебрасывались на полторы тысячи километров, причем для этого задействовалась и гражданская инфраструктура – самолеты и скоростные поезда¹.

Так что китайский спецназ с пропиской во Владивостоке может стать реальностью, причем уже довольно скоро. «Стратегический план развития города Владивостока до 2020 года» предусматривает передачу в аренду Китаю части приморской столицы на 75 лет, причем управлять ею будет китайская администрация. Проект имеет название «Хай-Шень-Вэй», и курирует его рабочая группа под управлением мэра города Игоря Пушкарева².

Каковы же оценки будущих международных отношений в самом Китае? Несмотря на договор, подписанный Россией и Китаем в июле 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, в Китае есть силы, которые склонны занимать прозападную позицию. Есть и последователи ортодоксального маоизма, укорененные в стереотипах иррациональной во-

¹Степанов А. Полный Ноакдаун. — Газета «Версия» от 21 сентября 2009, Александр Степанов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://versia.ru/articles/2009/sep/21/kitay_armia.

²<http://svpressa.ru/society/article/14478/>.

индивидуальности и советско-китайских противоречий 50-летней давности¹. Российские и зарубежные синологи не отрицают того факта, что китайоязычный Интернет полон информации, где говорится о территориальных претензиях к России².

Многие отечественные наблюдатели обеспокоены тем, что после того, как Поднебесной были отданы острова Тарабаров и Большой Уссурийский, от России могут отойти и другие земли. Тот же Владивосток у китайцев зовется «Бухтой Трепанга», по-китайски Хай-Шень-Вэй, то есть так же, как и план реструктуризации Владивостока. Не стоит забывать о том, что Пекин после распада СССР успешно решил территориальные вопросы с Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном. Все три бывшие советские республики сделали КНР территориальные уступки, причем Казахстан лишился культового для своего народа пика Хан-Тенгри³.

Если вернуться к футуристическому сюжету полковника Шанка, где он акцентирует внимание на будущих технических достижениях Китая, стоит отметить, что в Поднебесной уже создано более тысячи зон освоения высоких технологий, к 2012 году планируется вывести на орбиту необходимое количество космических аппаратов, а согласно экономической программе, к 2020 г. ВВП Китая должен вырасти в четыре раза.

Отдельно стоит вопрос демографии. У нас традиционно принято считать, что население Китая стремительно растет. Однако согласно программе регулирования населения (одна

¹ Титаренко М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М.Л.Титаренко – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – с. 282.

² <http://baike.baidu.com/view/173829.htm>.

³ Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – с. 349.

семья – один ребенок, поздние браки) прирост будет наблюдаться только в ближайшие десятилетия, а территория республики, по оценке китайских специалистов, сможет вместить до 1,6 млрд человек. Потом ожидается замедление демографического роста и даже уменьшение численности населения. Впрочем, в этой государственной политике есть одно «но». Она не соответствует традиционным понятиям о семье и государственности, ведь конфуцианская доктрина, послужившая основанием Китайской империи, утверждает, что только наличие потомства по мужской линии может обеспечить покой душам предков. Впрочем, по мнению отечественных синологов, процесс миграции в Россию в любом случае неизбежен¹. Подтолкнуть к этому могут и экологические проблемы, связанные с техногенными и антропогенными факторами. Китай находится на втором месте после США по выбросу наиболее вредных выбросов в атмосферу. Постоянно происходит опустынивание земель, которые раньше применялись для сельского хозяйства. Бассейны рек Хуанхэ, Янцзы и Чжуцзян, где проживает более половины страны, утратили способность к регенерации².

Традиционная китайская геополитика тоже явно не соответствует политическому курсу нынешнего Китая. Ведь согласно традиционному китайскому мировосприятию, функции разделения пространства были связаны с персонифицированной и сверхъестественной силой Дэ правителя Поднебесной. Влияние этой силы испытывали не только ханьцы (90% нынешнего населения Китая), но и соседние народы, которые добровольно становились вассалами китайского императора. Исходя из этого, все народы, жившие вблизи

¹ Титаренко М. Л. Указ. соч. – с. 207.

² Там же. – С. 166.

или вдали от Китая, рассматривались им как реальные или потенциальные вассалы, следовательно, имперская экспансия объяснялась патронажем периферии либо наведением порядка на подчиненных территориях¹.

Оптимисты могут ответить, что существует совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики, где стратегическое партнерство двух стран дополнено такими положениями, как «взаимная поддержка и всемерное продвижение политического взаимодоверия; взаимодополняемость, взаимовыгода и взаимное благоприятствование, учет долгосрочной перспективы, стремление к совместному развитию; взаимный обмен опытом, расширение гуманитарных контактов, укрепление социальной базы двусторонних отношений»². Наконец, есть Шанхайская организация сотрудничества, в рамках которой Китай активно выступает как надежный партнер. Однако факты показывают, что Пекин использует ШОС скорее как инструмент для реализации своих интересов – Энергетический клуб этой организации был создан именно по инициативе КНР, она же предложила идею создания зоны свободной торговли, что было скептически воспринято российской стороной. К тому же китайцы с энтузиазмом откликнулись на проект «Великого шелкового пути», который разработали американцы в рамках отторжения от России центральноазиатских государств и диверсификации энерготранспортных коридоров. Правда, у Китая есть Синьцзян и Тибет, но пока они вполне успешно

¹ Попова И. Ф. Танский Китай и Центральная Азия. И. Ф. Попова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kyrgyz.ru/?page=264>.

² Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики (от 21 марта 2006 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/interdocs/2006/03/21/1851_type72067_103421.shtml.

справлялись с внутренними противоречиями и, вероятно, готовы к новым вызовам.

Если спрогнозировать возможные будущие маршруты экспансии, то у Китая есть два направления: западное — сухопутное и восточное — морское. Заметная активность на окраинах свидетельствует о том, что он готов двигаться в обоих направлениях, причем население этой страны уже морально подготовлено к такой аванюре, имея большой багаж нравственно-этических комплексов, выработанных мудрецами древности и современными правителями.

Философ 17 века Фань Ичжи говорил о сочетании разнородного в нечто единое, а Лао Цзы о сочетании противоположностей. Не станут ли этими разнородными элементами соседние территории и народы, которые Китай попытается заботливо собрать в «гармоничное единое»? А следуя моральному кодексу из восьми правил, выдвинутых председателем КНР Ху Цзиньтао (что является обязательным для каждого гражданина Поднебесной), китайцы будут «считать долгом чести вести долгую и упорную борьбу» в этом направлении.

Морское могущество в XXI веке

Моря объединяют и разъединяют
Альфред Мэхэн

Ключи к благополучию

Несмотря на современные коммуникационные технологии —, от реактивных самолетов до Интернета, перемещающие нас в пространстве, водные просторы издавна были транспортными магистралями и местом мировых баталий, а зона соприкосновения земли и суши являлась причиной многочисленных конфликтов. Осознание важности не только суши, но морских широт и береговой зоны было выражено в концепциях географов, политиков, военных и социологов. Леонид Мечников, Альфред Мэхэн, Николас Спайкман, Карл Шмитт и многие другие проследили в истории феномен Rimland, т.е. береговой зоны и Sea Power, т.е. господства посредством моря или морского могущества (собственно, адмирал Альфред Мэхэн ассоциировал с этим выражением одновременно и власть, и контроль, и гегемонию — в английском языке слово power имеет несколько

значений). Чтобы не пускаться в пространные и научные объяснения важности водной стихии, достаточно того факта, что практически все грузы, участвующие в мировой торговле, доставляются с помощью водного транспорта. Водой покрыто три четверти земной поверхности; 80% жителей нашей планеты проживают в местах, граничащих с водной стихией — у берегов морей и океанов, а, в крайнем случае, у берегов рек и озер. Для некоторых стран их географическое положение и водные артерии сыграли существенную роль в развитии экономики. Например, 90% торговли США полностью зависит от доставки по морю, а основные промышленные центры размещены на побережье. Как отмечали американские геополитики, стоит только заблокировать Мексиканский залив, и благополучие США будет поставлено под угрозу. Япония полностью зависит от омывающих ее вод. Не являются исключением и ряд других стран. Достаточно прекратить функционирование портов Шанхая, Иокогамы и Бомбея, как экономика Китая, Японии и Индии будет парализована¹. Поэтому вопросу о доминировании на море всегда придавали серьезное значение. Нидерланды, некогда конкурировавшие с Испанией и имевшие колонии в тихоокеанском регионе, и сейчас имеют один из самых сильных торговых флотов в мире. В свое время экономическую эффективность они повышали с помощью искусственных каналов, уходящих вглубь страны, чем был восхищен Петр Великий. А современный Китай, несмотря на то, что не имеет выходов к холодным морям, имеет собственный ледоход².

¹Бжезинский Збигнев. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. Збигнев Бжезинский — М.: Международные отношения, 2007. — С. 148.

²Borgerson Scott. Arctic Meltdown. The Economical and Security Implications on Global Warming. Scott Borgerson. //Foreign Affairs magazine. — 2008 March/April.

Контроль над коммуникациями

Чтобы поддерживать караваны морей, с древних пор нужен был и вооруженный эскорт. Даже современные события демонстрируют, что пираты как экономическая и политическая сила еще могут вносить серьезные изменения в планы держав и корпораций. Безусловно, США являются в этом отношении наиболее оснащенным государством. Их ВМС и морская пехота были созданы еще в 1775 г. и с тех пор служат опорой морского могущества США. Если взглянуть на карту зоны ответственности военного командования США, то можно увидеть, что на Земле не осталось *terra incognita* для американских военных. Весь мир разделен на четкие сектора. Россия, например, попадает в зону ответственности европейского командования Пентагона, а Аравийский полуостров, Ближний Восток и Среднюю Азию контролирует Центральное командование по причине нахождения там природных ресурсов. Аналогично, зависимость от морских и океанических просторов вынуждает и другие страны наращивать свой военно-морской потенциал и размещать его в стратегически уязвимых местах. У Ормузского пролива сосредоточены военные базы США и Франции, а с другой стороны побережье контролирует Иран. Столь повышенный интерес к этому проливу связан с тем, что через него проходит 40% всей продаваемой в мире нефти¹. В Юго-Восточной Азии идет негласное соперничество по установлению *Sea Power*. Стратегически важным узлом в этом регионе является Малаккский пролив, по которому с Ближнего Востока на Дальний осуществляется поставка нефти и ведется товарооборот с Европой. Китай

¹Kaplan Robert. Center Stage for Twenty-first Century. Robert Kaplan// Foreign Affairs. — 2009 March/April.

прокачивает через него 85% всей импортируемой нефти, а к 2020 г. его потребности будут составлять 7,3 млн баррелей в день, что равно половине планируемых поставок со стороны Саудовской Аравии. Поэтому интерес Индии, Китая, Кореи, Японии, Индонезии и других стран региона к современным военно-морским технологиям вполне очевиден. В отчетах оборонных агентств то и дело можно заметить, как одна из этих стран покупает подводные лодки, эсминцы, быстроходные катера, а в официальных формулировках, обосновывающих рост оборонных расходов, все больше звучат такие термины, как «гуманитарные цели». Согласно текущим прогнозам подобный интерес вполне обоснован вопросами безопасности. Как считает специалист по военной истории Мартин ван Кревелд, будущие конфликты будут возникать в основном в зоне Rimland, продолжая традицию последних пятидесяти лет (исключением являлись интервенция НАТО в Боснию и Фолклендская война, все остальные — корейская, вьетнамская, арабо-израильские, индийско-пакистанские, африканские, латиноамериканские и др. автор относит к конвенциональным, происходящим в непосредственной близости или внутри береговой зоны)¹. В будущих войнах изменятся только методы командования и вместе с постепенным снижением массовости вооруженных сил упор больше будет делаться на применение ВВС. Военная модернизация приведет к применению автоматических и роботизированных систем в вооруженных силах и адаптации их для использования в мировом океане. В качестве примера можно привести тяжелый беспилотный аппарат RQ 4 Global Hawk, который на суше используется уже более пяти лет. По словам директо-

¹Martin van Creveld. Modern Conventional Warfare: An Overview. Martin van Creveld [Electronic Resource]. — Access mode: www.dni.gov/.../2004_05_25_papers/modern_warfare.pdf.

ра офиса перспективных технологий для нужд военной разведки генерал-майора Кеннета Израиля, такие машины могут получать «разведывательную информацию о любой точке вражеской территории, в любое время суток, независимо от погодных условий». Он может находиться 30 часов в воздухе, а дальность его действия составляет более 5500 км, но полеты беспилотников с палубы авианосцев заметно расширяют возможности зондирования территории.

Арктика — будущее яблоко раздора

В стратегическом планировании, посвященном борьбе за ресурсы, все чаще фигурируют континентальный шельф и арктические просторы, таящие в себе запасы углеводородов. Недавно Великобритания заявила о своих правах на континентальный шельф Фолклендских островов, расположенных у побережья Южной Америки, которые неудачно пыталась отбить Аргентина в 1982 г. «Битва за Арктику», как ее окрестили журналисты, разгорелась несколько лет назад между Данией, Норвегией, Россией и Канадой, претендующих на лакомые куски углеводородного пирога. Это даже спровоцировало рост сепаратистских движений в скандинавских странах, и Дания не так давно расширила права исландцев, в частности позволила им распоряжаться доходами от добычи нефти с континентального шельфа. США в этой войне остались не у дел, так как не ратифицировали конвенцию ООН по морскому праву. Глобальное потепление, которое, как считают некоторые ученые, вызывает таяние ледников, также влияет на подвижки в вопросах мировой экономики и безопасности. Дело не только в смягчении климата, которое ведет

к тому, что в арктических, ранее считавшихся безжизненными, регионах уже успешно выращивают различные сельскохозяйственные культуры. И не в залежах полезных ископаемых, которые ранее были покрыты толщей вечной мерзлоты. Таяние льдов приведет, с другой стороны, к подтоплению расположенных в низменности прибрежных участков суши. Под угрозой затопления окажется промышленно развитая Северо-Западная Европа. Кроме того, вполне реально, что изменится карта навигации транспортных судов. Арктический путь, который многие столетия был закрыт, сможет изменить экономический баланс сил в мире¹. Не случайно Арктика является одним из приоритетов в национальной безопасности Российской Федерации. Впрочем, по мнению других ученых, мы сейчас пребываем в фазе малого ледникового периода (подобный наблюдался в XVII веке), а процесс таяния льдов связан со смещением прецессии земной оси, которое достигнет своего апогея в 2012 г.

От космических пертурбаций вернемся к методам доминирования Пентагона и его союзников. Взятая на вооружение «Стратегия кооперации для морского владычества в XXI в.», которая начала разрабатываться под командованием адмирала Майка Маллена (ныне он является председателем Объединенного комитета начальника штабов армии США) в июне 2006 г., также четко отражает цели и интересы США в Мировом океане². Для этого США должны обеспечить: передовое присутствие, сдерживание, морской контроль, проецирование власти, безопасность в мировом океане, а также гуманитарную помощь и ликвидацию последствий природных бед-

¹<http://www.globalsecurity.org/military/world/war/arctic.htm>.

²<http://www.navy.mil/maritime>.

ствий¹. Эти шесть позиций в таком же приоритетном порядке и объясняют мобильные перемещения кораблей ВМС США в Мировом океане, увеличение бюджета на нужды их военного флота, попытки задействовать в различных операциях на море и другие морские державы. По прогнозам американских военных, технико-логистическая трансформация флота США закончится в 2020 г., и реализация этой программы позволит решать поставленные задачи не столь большими силами, как это требуется сегодня.

ВМС и сетцентричные войны

Преемник Майка Маллена, командующий морскими операциями ВМС США адмирал Гари Ругхед во время своего выступления в Сенате США 28 февраля 2008 г., обосновывая будущий бюджет военно-морских сил, подчеркнул важность технологического развития для будущего доминирования США. «Сегодня наши военно-морские силы имеют такую маневренность, свободу действий и профессионализм, которых не имеет ни один флот в мире», — отметил адмирал². Семь месяцев спустя в интервью изданию *Army Times* были конкретизированы возможности акторов *Sea Power*: «флот, который мы имеем сегодня отлично подготовлен. Это глобальный флот»³.

¹Gary Roughead. Presenting the New Maritime Strategy. International Seapower Symposium, October 17, 2007. [Electronic Resource]/Gary Roughead. — Access mode: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/10/17/AR2007101700536.html> | title=New Maritime Strategy to Focus on 'Soft Power' | publisher=Washington Post | date=2007-10-17 | accessdate=2008-06-10 | author=Ann Scott Tyson].

²ADM Gary Roughead. Senate Armed Service Committee Oral Statement. Feb. 28, 2008.

³Interview with Admiral Gary Roughead, Chief of Naval Operations. September 26, 2008. *Army Times* Publishing Company.

Маллен также известен тем, что реабилитировал концепцию сетецентричных войн, предложенную вице-адмиралом Артуром Себровски в конце 90-х гг. По словам Ругхеда, сейчас ВМС США должны сфокусироваться на военных действиях, – «война будет выиграна или проиграна на начальном этапе, который будет проходить в сетевом театре боевых действий. Поэтому мы должны помнить об этом и задаваться вопросом: готовы ли мы сражаться в такой среде»¹?

Не случайно концепция сетецентричных войн впервые начала апробироваться в ВМС США, ведь кто как не эти силы имеют именно сетевую структуру — сотни баз разбросаны по всему миру, хотя сто лет назад США даже и не помышляли об этом. В конце XIX столетия Мэхэн отмечал, что США не имеет наступательных целей, но так как границы страны омываются океаном, то необходимо иметь сильный флот для защиты своей территории. А лучшая защита, согласно Мэхэну — это заставить неприятеля держаться не только вне портов, но и вдали от берегов. И поддерживать условия торговли даже при состоянии внешней войны. Адмирал надеялся, что руководство страны поймет важность концепции Sea Power после того, как будет решен вопрос с Панамский каналом². Он даже не мог представить, что его модель будет взята в качестве инструмента для глобального доминирования. Вначале США осуществили стратегию «лягушачьих прыжков» в Тихоокеанском регионе, затем оккупировали Средиземноморье (у СССР там было всего четыре базы ВМФ — в Югославии, Албании, Египте и Сирии) и северные широты. Далее началась серьезная трансформация флота. Даже в систему противоракетной обороны США помимо радарных устано-

¹ http://www.defensetech.org/archives/cat_netcentric.html.

² Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю. А. Т. Мэхэн. М.: АСТ, 2002.

вок и ракет-перехватчиков входят и военные корабли, которые могут быть задействованы в превентивной войне с противником. В следующие 30 лет ВМС планируют спустить на воду восемь новейших крейсеров водоизмещением в 22 тонны CG(X), оснащенные радары для обнаружения небольших и скоростных ракет. Официально это обосновано возможной угрозой со стороны Китая¹. Как уже упоминалось, с помощью платформ военных кораблей запускаются беспилотные самолеты, в том числе несущие на себе умные ракеты, не говоря уже об авианосцах, переносящих боевые машины уже Air power, т.е. инструменты воздушного могущества.

Параллельно Пентагоном запущена программа FORCEnet, которая по замыслу ее архитекторов будет реализована в 2015—20 гг., а ее целью является достижение полного спектра доминирования с меньшими, более быстрыми и гибкими вооруженными силами. Это будет возможно благодаря интеграции с другими родами войск, что позволит создать глобальную информационную сетку (Global Information Grid — GIG). Она начала реализовываться командованием по сетевым военно-морским операциям с февраля 2005 г.² Как утверждают сами американские военные, она служит опорой концепции Sea Power 21, базирующейся на трех столпах — это морская атака, морская защита и морское базирование. По словам адмирала Вена Кларка, данная концепция трансформировалась из предыдущих: в 1986 г была «Морская стратегия», ставившая задачи сражения в море, затем в 1992 г. был сделан акцент на прибрежном базировании — «...с моря», и в 1994 г. «нападение... с моря», воплотившись в расширенную стратегию, согласно которой американские военно-морские

¹ <http://www.defensenews.com/story.php?i=3927940>.

² http://www.navy.mil/search/display.asp?story_id=17230.

силы полностью интегрированы в глобальные объединенные операции против региональных и транснациональных угроз. Морская пехота, составляющая ударную часть ВМС США, эффективно проводящая операции также и на суше, в соответствии с новыми задачами подготовлена для отражения асимметричных угроз, которые, по мнению Белого дома, все чаще исходят из евразийской дуги нестабильности.

Здесь мы снова сталкиваемся со старой *idée fixe* американских военных — «тот кто владеет Хартлендом, владеет Евразией, а кто владеет Евразией, владеет миром». Это значит, что идет битва за Хартленд, стратегия анаконды меняет свое лицо, но не суть. Выражаясь военным языком Пентагона, к нашему континенту применяется превентивная оборона, проявляющаяся в упреждающих силовых действиях, что соответствует национальным интересам США. А их интересы заключаются в физической безопасности, экономическом процветании и продвижении либерально-демократических ценностей.

При этом одной из задач для отстаивания национальных интересов США является сохранение такого положения, когда Евразия будет разделена внутренними конфликтами. По мнению аналитиков Stratfor, если крупные евразийские державы будут продолжать конфликтовать со своими соседями (Индия бороться за Кашмир с Пакистаном, а Россия попытается изменить баланс сил на своей периферии в Европе и Кавказе), тогда американское морское могущество будет сохранено, что и является гарантом мировой гегемонии США¹. Учитывая нынешнюю ситуацию в Штатах и на международной арене, а также действия проамериканских сил на континенте, приходим к выводу, что нынешняя конфигурация яв-

¹ US Naval Dominance and the Importance of Oceans. Stratfor, August 5, 2008.

ляется довольно хрупкой, а возможность продвижения российских интересов непременно будет сталкиваться с жестким сопротивлением, которое будет разыгрываться американцами в их пользу. Мудрость, настойчивость, дальновидная стратегия, военная модернизация и новый язык международных отношений — это тот комплекс, который сможет преодолеть геополитическую инерцию и, хочется надеяться, установить новый порядок морского могущества, в котором Россия будет играть не последнюю роль.

М. Фуко: дискурс знания и география власти

Запад — совсем небольшой кусочек мира, чья странная и бурная судьба в конечном итоге навязала западные способы мышления, говорения и делания всему миру...

М. Фуко.

Перемены в экономике, международной политике, военной стратегии, науках и технологиях, происходящие с головокружительной быстротой, не могут не влиять на геополитические тренды, особенно в отношении практической и структурной геополитики, точнее конгломерата этих ответвлений науки. Хотя базовые установки отцов-основателей, таких как Челлен, Макиндер, Мэхэн и др., не ставятся под сомнение, некоторые постулаты в соответствии с духом времени нуждаются в корректировке и уточнениях. С другой стороны, обращение к ряду авторов, которые, по крайней мере, в России ранее не считались геополитическими, требует пересмотра их трудов именно с этой точки зрения. К таким авторам можно отнести выдающегося французского философа Мишеля Фуко, который сам себя скромно именовал исследователем.

Помимо анализа различных общественных и государственных процессов, связанных с насилием, властью и сексуальностью посредством книжного выражения, являющимся визитной карточкой французского интеллектуала, Фуко интересовала стратегия, так как она являлась проявлением власти в отношении к пространству¹.

Публично Фуко высказал свое отношение к географии в политическом контексте после обращения к нему в 1976 г. Ива Лакоста — редактора фундаментального и повлиявшего на развитие послевоенной геополитики французского журнала «Геродот». Осознав, что происхождение форм знания необходимо анализировать не в терминах сознания, восприятия и идеологии, а в терминах тактик и стратегий власти, Фуко вплотную подошел к географии, обозначив ее как центр своих интересов. «Тактики и стратегии, разворачиваемые через

¹ Например, в работе «Субъект и власть» Фуко говорил, что государство благодаря тому, что оно имеет некую матрицу индивидуальности, в каком-то смысле является новой формой пастырской власти в отличие от власти суверенной, требующей самопожертвования со стороны подданных. Хотя без преувеличения можно утверждать, что современное государство в отличие от пастыря вряд ли готово на самопожертвование ради жизни и спасения своей паствы, т.е. граждан, а сами цели пастырского типа власти (как проявления конкретной формы), связанной с государством изменились, гипотетический сценарий развития такой ситуации может представлять собой интерес для исследования. Если это происходит, то граждане перестают быть гражданами именно того государства, которое принесло себя в жертву. Тогда возникает ряд вопросов: какой их статус, появится ли у них новый пастырь, возникнет ли он из этой среды, либо будет задействован экзогенный механизм и, наконец, не произойдет ли присоединения этой паствы к другой, имеющей своего пастыря? Последний вариант, безусловно, связан с территориальным вопросом: будет ли новое сообщество ютиться на тех просторах, которые находятся под взором нового пастыря, либо территории будут объединены. Кроме того, само пастырское начало символизирует наличие неких нейтральных либо не очерченных линиями границ территорий-пастбищ, что заставляет поразмыслить о структуре государства пастырского типа.

использование, распределение, разграничение, контроль территорий и их организацию... вполне могли бы составить некоторый род геополитики, где сфера моих исследований могла бы сомкнуться с вашей дисциплиной», — говорил он в переписке на страницах журнала¹.

Позже, в «Пространство, знание и власть» (1982) Фуко поднял вопрос «опространствливания» знания и связи этого аспекта с новой формой отношений между пространством и властью, которая стала возможна благодаря появлению новых видов коммуникаций, таких как железные дороги, что привело к появлению разнообразных социальных феноменов². В этом интервью Фуко также указал на изменения роли города и урбанистического ландшафта — «модель города становится матрицей, производящей регламентирование всего государства»³. Столица задает ритм всей стране, предопределяя ее структуру вместе с институтами, узлами концентрации власти, ресурсными центрами, социальными гетто и анклавами маргиналов, — таков был вывод французского философа. Кроме того, сама пара знание — власть, беспокоившая Фуко на протяжении его жизненного пути, в призме трудов геополитических классиков выводит на концепцию формирования характера народа в зависимости от географических условий, влияние этоса (синтез идей и нравственных комплексов) на

¹Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972—77/M. Foucault — Brighton : Harvester Press, 1980. — P. 77.

²Мишель Фуко не без иронии отмечал, что после появления железных дорог во Франции появилась теория, согласно которой они (ж/д) должны были благоприятствовать общению между народами, способствуя универсализации, из-за чего войны становились невозможными, однако германское военное командование, будучи хитрее и дальновиднее, думало иначе, справедливо полагая, что ж/д облегчат ведение войны.

³Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть, часть 3. Статьи и интервью 1970-1984/Мишель Фуко. — М. : Праксис, 2006. — С. 217.

международную политику и принятие в связи с этим той или иной модели стратегии государственного развития.

Новым поколением молодых геополитиков, от радикалов до школы критической геополитики Джеройда О' Туэхила, Джона Эгнью и Саймона Дэлби, с воодушевлением был подхвачен критический подход Мишеля Фуко к изучению различных форм проявления власти, в том числе завуалированного контроля и подавления. Также этой школой сама география рассматривалась не как описание физического ландшафта, а как особая форма знания, начинающегося с чтения книг. Это очень верное замечание как-то ускользало от внимания классических авторов по геополитике, больше отмечавших значение этнографических различий, связи почвы с народом и различных факторов, предопределяющих и влияющих на могущество страны. Правда, в этой науке более показательным средством являются карты, позволяющие наглядно убедиться в важности или невыгодности положения конкретной территории, о чем писали Данилевский, Парч, Хаусхофер и др., хотя еще великий русский писатель Николай Гоголь, которого, несмотря на весь гений, нельзя отнести ни к географам, ни к политикам, отмечал важность изучения карт по сравнению с книгами, особенно в образовательных целях¹.

В этой связи на наш взгляд довольно важным является доклад Мишеля Фуко «Другие пространства», сделанный на конференции 14 марта 1967 г. в Клубе по изучению архитектуры, и опубликованный лишь почти через двадцать лет².

¹См. его статью «Мысли о географии», вошедшую в сборник «Арабески» 1835 г.

²Foucault M. «Des espaces autres» (conference au Cercle d'études architecturales, 14 mars 1967). M. Foucault // Architecture, Mouvement, Continuïté. — № 5, octobre 1984, P. 46-49.

Его предшественники из Ситуационистского Интернационала также интересовались пространством и различными его формами, особенно урбанистическими, утверждая идею необходимости пересмотра отношения к нему и новым методам взаимодействия¹. Однако Фуко от них качественно отличал одновременно глобальный подход к проблеме и тщательное фиксирование подробных деталей — исторических, научных, культурных и т.п. В данном докладе, озаглавленном «Другие пространства», можно выделить несколько ключевых моментов. Это полемика между представителями культуры времени и культуры пространства, из которой происходит большинство идеологических конфликтов. Такая постановка вопроса представляется нам весьма важной, так как до этого геополитическое противоборство исходило из дуализма суши и моря, но вопрос темпоральности не поднимался. Фуко предложил взглянуть на «благочестивых потомков времени» и «остервенелых обитателей пространства»² через увеличительное стекло структурализма, позволяющее определить, кто и каким способом обращается со временем и историей, а с поправкой на постмодернистские императивы (создание альтернативной истории и возможность наличия нескольких времен, которыми можно произвольно оперировать в нескольких пространствах) и ту нынешнюю шумиху, которую назвали попыткой пересмотра и фальсификации истории, данный подход видится актуальным и многообещающим. Во-вторых, Фуко рассмотрел вопросы топологии через призму исторической перспективы, проследив, как изменяется

¹Характерными работами Ги Дебора и К° в этом направлении являются статьи «Теория дрейфа», «Введение в критику городской географии», «Конструирование ситуаций», «О новом урбанизме» и др.

²Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970-1984/Мишель Фуко. — М. : Праксис, 2006. Ч.3 — С. 191.

отношение к пространству. Иерархия мест, существовавшая в Средние века, локализация, после скандала, связанного с открытием Галилея, сменилась на протяженность, а в XX в. ее заменило местоположение, которое, по Фуко, определяется через отношения соседства между точками и элементами. Отмечая важность технической стороны дела — место накопления информации, ее потоки (например, в виде звуков, передающихся по телефонной линии) и специальная маркировка элементов в рамках случайно перераспределенного множества — Фуко пришел к выводу, что вопрос распознавания типов накопления, локации, циркуляции и классификации является первостепенным, так как от знания этих типов зависит возможность добиться той или иной поставленной цели.

Далее, анализируя различные виды рефлексии в отношении пространства (в том числе внутреннего) и начала его десакрализации, Фуко предлагает взглянуть на наложения и перекрестки объективно существующих и создаваемых нами мест. Для этого он вводит такой термин, как гетеротопия — это фактически локализуемое место, которое оспаривает реальное местоположение в рамках данной культуры, выступая его «контрместоположением». Это своего рода реализованная утопия. А для систематического исследования таких мест была предложена гетеротопология. Конечно, Фуко акцентировал внимание в основном на культурных проявлениях гетеротопии — особых местах, где проходили обряды инициации или очищения в древних обществах, кладбищах, кораблях и поездах, музеях и библиотеках, вращающейся сцене театра со сменными декорациями, передвижных ярмарках и т.п., но если расширить горизонт обзора до политических перспектив, не будет ли в таком случае гетеротопия являться синонимом геополитики, настаивающей на важности

культурных, религиозных и традиционных факторов? Не являются ли гетеротопиями такие государства с проблемным суверенитетом, как Косово, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия и др.? Безусловно, являются. Но помимо них, есть еще ряд других политических гетеротопий — свободные экономические зоны; площади городов, бурлящие манифестациями, бунтами и бескровными революциями; тщательно охраняемые саммиты сильных мира сего (вот это уже атни-гетеротопия, к которой, вероятно, можно отнести и места ведения боевых действий!) и контрсаммиты антиглобалистов, проводимые по соседству; участки, захваченные повстанцами и обширные территории, контролируемые преступными группировками; сквоты анархистов и экологические поселения. А когда начинает работать принцип гетерохронии, в гетеротопию могут превращаться целые города и страны — национальные и региональные праздники, презентации крупных объектов и различные мероприятия, приуроченные к какому-то событию (вступление очередной страны в ЕС, например), подобно средневековым карнавалам, которые превращают унылый ландшафт и серые массы обывателей в экзотический симбиоз, пульсирующий самыми различными перекрестками энергии.

Этот список можно значительно расширить. Современные тренды международных отношений просто вынуждают нас применять наиболее широкий инструментарий для анализа, контроля, воздействия и взаимодействия, помня о значении исследований Фуко и обогащая геополитику новыми направлениями.

Медиамантия

Существует множество способов гадания о будущем, для названия которых применяются двукорневые слова — хиромантия, некромантия, геомантия и др. В различных культурах были свои методики, которые пользовались определенной степенью доверия. Маги и провидцы являлись посредниками между человеком и высшими силами, беря на себя функции интерпретаторов знаков и образов, будь то гадание по внутренностям животных, полету птицы, линиям ладони или кофейной гуще. В XX веке, когда общество оказалось глубоко идеологизированным, функции интерпретаторов грядущих событий стали брать на себя политические структуры и их органы пропаганды. Как и при составлении погодного прогноза, желаемые версии будущего были основаны на череде циклов, частоте повторений исторических событий, и всегда существовал соблазн сконструировать такое будущее, которое соответствовало бы политической платформе определенной группы. Известная модель Самюэля Хантингтона о столкновении цивилизаций, которая

повлияла на умы политиков, была разработана с целью обоснования вмешательства США во взаимоотношения третьих лиц под видом предотвращения или устранения конфликта. Идея продвижения демократии, одна из основ национальных интересов США, являлась для этого хорошим подспорьем. То, что конфликт мог быть искусственным и управляемым извне, оставалось за завесой тайны до тех пор, пока не появлялись результаты независимого расследования или не происходила утечка информации.

Информационные манипуляции издавна применялись противоборствующими сторонами как во время конфликтов, так и для создания соответствующей атмосферы в обществе. В нацистской Германии широко практиковалось распространение мифов об арийском превосходстве, велись кампании по дискредитации еврейского населения. Листовки, газеты, радио, кинематограф были поставлены на службу нацистскому режиму, который вел активную пропаганду и на оккупированных территориях как в Западной Европе, так и в Советском Союзе. Во время иракской кампании в войсках США информационными операциями занимались специальные подразделения, распространявшие листовки среди местного населения и осуществлявшие радиотрансляции в занятых войсками интервентов районах. В самих США, где большинство медиа находятся в руках небольшой группы магнатов, принадлежащих к республиканцам и демократам, информационный дискурс формируется исходя из целесообразности тактики и стратегии политических кланов. В эпоху, когда информационные технологии стали играть важную роль в обществе, осмыслению коммуникационных процессов придают всё больше и больше значения, хотя результаты подобных исследований зачастую остаются недоступными

для широкой аудитории, которая предпочитает поверхностное скольжение по смысловым полям. Между тем знаки, символы и стереотипы, навязываемые нам через СМИ, непосредственно влияют на поведенческие модели, глубоко укореняясь в подсознании. Ги Дебор говорил о зрелищной, намеренно театральной функции медиа, которая присуща современному обществу. Если театрализация сосредоточена, то в таком обществе господствует полицейский контроль, а если рассредоточена — то она сопровождает изобилие товаров, которые провоцируют инстинкты псевдопотребностей, а далее влечет фальсификацию общественной жизни¹. Это одна из функций медиа как инструмента, проявляющаяся в знаковых и образных формах. Но есть еще одна функция, измерение которой трансформировалось параллельно с модернизацией самих медиа. Как говорил Маршал Маклюен, «содержанием» любого средства коммуникации всегда является другое средство коммуникации, т.е. язык. О языковом планировании впервые заговорили лингвисты в середине прошлого столетия. Норвежский лингвист Эйнар Хауген приписывал нормативной лингвистике функции языкового планирования, относя ее к одному из видов человеческой деятельности, возникающей из потребности найти решение определенной проблемы. Как отмечает его коллега Фергусон, как правило, именно нация, объект, обычно не привлекавший внимания лингвистов, есть, в конечном счете, нормальной базой для «коммуникативной сети, систем просвещения и языкового «планирования»². Итак, в данном случае объектом языкового планирования является народ. Технологически манипуляции осуществляются либо через государство

¹ Дебор Ги. Общество спектакля/Ги Дебор. — М. : Логос, 2000. — С. 44—45.

² Ferguson Ch. A. The language factor in national development/Ch. A. Ferguson//Anthropological Linguistics. —1962, 4 : 1. — P. 23—27.

посредством образовательных программ, либо через СМИ, которые в последнее время претендуют на статус пятой власти, осуществляя коммуникативные функции. Здесь уже ставится вопрос о долгосрочной стратегии языкового планирования, где победителем будет тот, чьи языковые конструкты будут приняты и адаптированы в других обществах. Достаточно вспомнить какое большое значение придавало австро-венгерское правительство языковым реформам на территориях, где проживало славянское население. Дворцовый библиотекарь в Вене Варфоломей Копитар еще в начале XIX в. ставил задачу создать множество диалектов в Галиции, чтобы каждая деревня писала и говорила по своему. Когда в 1895 г. в Галиции и Буковине ввели новую фонетику, поляк Воринский назвал это «чудовищным покушением на законы лингвистики»¹. Как пример лингвистического конструктивизма можно привести и современное государство Израиль, где сейчас говорят на иврите, воссозданном из мертвого, и это является единственным и уникальным случаем, когда на языке, который столетиями не применялся в живой речи, снова заговорили. Помимо нации как объекта, языковое планирование может осуществляться и в международных отношениях, что привело к появлению термина «глоттополитика». Безусловно, преимущество в этом вопросе сейчас на стороне тех государств, чей язык более других используется в международной практике и терминология которого влияет и обуславливает такие важные сектора общественно-государственной жизни, как юриспруденция, дипломатия, ведение документов, научная терминология и пр. Рассмотрим далее специфику современных средств коммуникации. Упоминаемый нами Маршал Маклюен разделял виды

¹Щеголев С. Н. Украинское движение/С. Н. Щеголев — К.: 1912. — С. 106.

коммуникаций на горячие и холодные. «Горячее средство — это такое средство, которое расширяет одно-единственное чувство до степени «высокой определенности». С другой стороны, горячие средства коммуникации оставляют аудитории не очень много простора для заполнения или довершения. Горячие средства характеризуются, стало быть, низкой степенью участия аудитории»¹. К горячим средствам Маклюен относил радио, телевидение и газеты, те традиционные масс-медиа, которые зачастую пользуются высокой степенью доверия среди аудитории. Взаимодействие между средствами коммуникации представляет собой «гражданскую войну», которая бушует в обществе, «оказывая воздействие на самые глубины нашей психической жизни, поскольку силы, ведущие эту войну, суть расширения и удлинения нас самих... Скрещивания, или гибридные соединения средств коммуникации, высвобождают великую новую силу и энергию, сопоставимую с той, которая высвобождается при расщеплении ядра или термоядерном синтезе»². В итоге в обществе может вспыхнуть гражданская война уже без кавычек. Адекватно нынешней ситуации это можно назвать социальными волнениями, цветной революцией или дестабилизацией общественного порядка. Следовательно, медиа могут быть катализатором народных бунтов, особенно когда поднимаются деликатные темы в отношении сложного и трагического прошлого нашей Родины и наших предков. Но ряд либеральных российских СМИ постоянно предпринимает попытки пересмотреть историю или осудить действия прошлых поколений, причем зачастую это связано с манипуляцией и искажением фактов. Такой либеральный ресурс, как kasparov.ru, ранее

¹ Маклюен. Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека/Г. М. Маклюен — М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. — С.28.

² Там же. — С. 52.

неоднократно публиковал подложные статьи Сергея Мельникофф. А осенью 2009 г. в искажении фактов была уличена «Новая газета», когда в спецматериале, посвященном ГУЛАГу, появилось фото жертв нацистской политики в годы Второй мировой войны¹. Либерально-правозащитный центр «Сова» также неоднократно критиковался за некорректные высказывания и предвзятые оценочные суждения. На простую оплошность подобные журналистские зарисовки не похожи. Связь сотрудников данных медиа с перекрестками либеральных течений, в том числе зарубежных и связанных с политическим истеблишментом США, тоже очевидна. А просуммировать возможности языкового планирования, внешнего управления и «гражданской войны» сможет и недалекий читатель.

Теперь предлагаем возвратиться к строкам, с которых мы начинали эту публикацию. В традиционных обществах, где были распространены шаманские и пророческие культы, при ошибочном предсказании обычно практиковалось умерщвление того, кто не справился с такими почетными функциями ...манта. Что касается практики гадания, то в христианском обществе (мусульманском тоже) она всячески порицается, так как умаляется значение провидения и функции Бога. Считается, что тот, кто обращается к гаданию, вступает в сделку с низшими силами демонического порядка, которые превращают человека в игрушку и инструмент для своих темных дел. Соответствующие выводы о роли демонических сил, либеральных медиа и о том, как поступать с ними в случае неадекватной трактовки тех или иных событий, вы можете сделать сами.

¹<http://www.novayagazeta.ru/data/2009/gulag09/01.html>.

Астрополитика: меч обоюдоострый

Геополитика как школа мысли оперирует в основном представлениями о господстве посредством моря и суши. После запуска первого искусственного спутника Земли заговорили о господстве посредством космоса. Космические полёты ввели в геополитику подраздел эфирократии, а с наступлением информационной эпохи под влиянием американских военных, взявших на вооружение идеи Вернадского о ноосфере, добавилось понятие ноополитики¹. В конце XX века профессор Школы перспективных аэрокосмических исследований ВВС США Эверетт Долман предложил ввести понятие «астрополитика».

«Покорение космоса должно стать моральным императивом, необходимым для выживания человеческой расы и ее доминирования в этой сфере», — пишет Эверетт Долман². Имеется в виду не некая абстрактная «человеческая раса»,

¹См. концепцию ноополитики у Аркиллы и Ронфельдта.

²Dolman, Everett C. *Astropolitik: classical geopolitics in the space Age* / Everett C. Dolman. — London : Frank Cass Publishers, 2002. — P. 146.

а её англосаксонский подвид, сформировавшийся в борьбе с себе подобными на широких просторах Земли. Это «дух Фронтира», воспетый Фредериком Джексоном Тернером еще в конце XX века и рвущийся уже к звездным высотам¹. Если во времена Тернера «дух Фронтира» звал к истреблению под корень многочисленных индейских племен, то сейчас США не прочь повторить этот эксперимент на космическом уровне. Не случайно в Америке появился сериал «Звездные войны», а вместе с ним и другие, ставшие культовыми и кассовыми, фантастические боевики. Например, фильм «Аватар» — это очередной рецидив коллективного бессознательного носителя «духа Фронтира», мутировавшего в техногенную форму и вооружённого методами культурно-информационной манипуляции.

Теперь посмотрим, что происходит не в голливудских мастерских, а в реальности. За последние полгода в мире запущено столько спутников самого разного назначения и подписано столько контрактов, связанных с аэрокосмической промышленностью, что одно их перечисление заняло бы несколько страниц. Упомянем лишь некоторые.

8 октября 2009 г. США запустили коммерческий спутник сверхдетальной съемки Земли WorldView-2 производства американской компании DigitalGlobe; спутник относится к новому поколению аппаратов цифровой съемки Земли.

5 января 2010 г. Нью-Йоркская компания Globecom Systems заключила с НАТО контракт на обеспечение связи, которая будет вестись с помощью спутников. Общая стоимость контракта оценивается в 44 млн долл США.

13 января 2010 г. в России подписан указ о резервировании территории в 103 гектара под строительство нового кос-

¹Turner F. J. *Frontier in American History*/ F. J. Turner. — NY.: Dowber Publications, 1996.

модрома «Восточный» в Амурской области. (Это событие особо знаменательно. Начало строительства, стоимостью почти 9 миллиардов евро, планируется на 2011 г., а запуск первого спутника — на 2015 г. К 2018 г. космодром заработает на полную мощность и сможет частично разгрузить Байконур. Начальный участок траектории полёта ракеты-носителя, стартующей с космодрома «Восточный», не проходит над густонаселёнными районами России и над территориями иностранных государств, а районы падения отделяющихся блоков ракет придутся на малонаселённые территории или нейтральные воды).

2 февраля 2010 г. с космодрома Байконур был запущен корабль «Прогресс М-04М» с грузом для Международной космической станции и находящихся там космонавтов.

3 февраля 2010 г. Исламская Республика Иран провела успешные испытания ракеты-носителя Kavoshgar 3.

Важно обратить внимание на одно событие, которое произошло 22 января 2010 г. Тимоти Кример, офицер ВВС США и бортинженер, находящийся вместе со своими коллегами на борту МКС (в экипаже находится еще один американец — капитан корабля, два русских бортинженера и японец), отправил на Землю sms-сообщение при помощи сервиса Twitter¹. Вполне безобидное сообщение-послание для всех твиттерцев о том, что это первое твит-сообщение из космоса: «Hello Twitterverse! We r now LIVE tweeting from the International Space Station — the 1st live tweet from Space!:) More soon, send your s». Напомним, что Twitter активно использовался при массовых беспорядках в Иране летом 2009 года, и что одной из основ сетевых войн является доступ к информации и скорость её передачи, американцы же намерены быть здесь лидерами.

¹<http://www.army.mil/-news/2010/01/22/33381-army-astronaut-posts-first-live-tweet-from-space/index.html?ref=home-headline-title7>.

Еще одним кластером эфирократии являются базы контроля космического пространства. Стоит упомянуть российскую станцию космического слежения, расположенную в горах Таджикистана (в собственность России эта стратегическая система контроля космического пространства перешла в ноябре 2006 г.). Эти «глаза» космических войск РФ, именуемые базой «Окно», или «Нурек», обеспечивают широкий контроль космического пространства. Слежение за ним осуществляют не радиолокаторы, а оптические телескопы.

Американская сеть контроля космического пространства охватывает все континенты и многие острова. Её цель — повышение ситуационной осведомлённости как одного из главных элементов сетецентричной войны. По мнению американских военных, это позволит Соединённым Штатам достичь максимально возможного превосходства в космосе¹ и «предотвратить космический Пёрл Харбор»². В научных кругах Америки высказываются более деликатно: говорят, что новая система слежения космического базирования позволит отслеживать различные космические тела и мусор³. А недавно бывший астронавт и генерал ВВС США, глава стратегического командования Кевин Хилтон заявил, что проблема космического мусора вышла из-под контроля. По его данным, сейчас на орбите вращается более 15 тысяч обломков и различных частей спутников и других космических аппаратов. «В самое ближайшее время их количество возрастет до

¹<http://www.globalsecurity.org/space/systems/sbss.htm>

²http://www.defenseindustrydaily.com/Preventing-a-Space-Pearl-Harbor-SBSS-Program-to-Monitor-the-Heavens06106/?utm_campaign=newsletter&utm_source=did&utm_medium=textlink#more-6106

³http://www.deagel.com/C3ISTAR-Satellites/SBSS-Pathfinder_a000227001.aspx

50 тысяч», — заявил генерал и призвал другие государства к совместному решению этой проблемы¹.

Интересно, что использовать космос для отправки туда различного мусора предполагали и в СССР, и в США. Так, еще в 1959 г. академик Капица предложил отправлять в космос радиоактивные отходы. В 1972 г. Шлезингер предложил делать то же самое, после использования многоцветного «Шаттла». Окончательно вопрос о «захоронении» радиоактивных отходов в космосе не решён до сих пор².

Серьёзной проблемой остаётся милитаризация космоса. В середине 2000-х гг. Пентагон поставил новые задачи в этой области: создание противоспутникового оружия воздушного базирования, систем поражения телекоммуникационных космических аппаратов, лазеров воздушного и космического базирования, аппаратов изучения дальнего космоса, более мощных грузовых космических кораблей. Были запущены спутники разведки, оснащенные различными инструментами слежения, началась разработка лазерных систем воздушного и космического базирования. Всё это вызвало ответную реакцию мировой общественности. Призыв В. Путина воспрепятствовать милитаризации космического пространства был поддержан, и Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюции «О запрещении использования достижений в сфере информатизации и телекоммуникаций для милитаризации космического пространства» и «Об укреплении

¹ Space Debris out of Control Says U.S. General. By Dave Pugliese. Ottawa citizen newspaper, 28 Jan. 2010. <http://communities.canada.com/ottawacitizen/blogs/defencewatch/archive/2010/01/28/space-debris-out-of-control-says-u-s-general.aspx>

² Иойрыш А. И. Позволяет ли закон удалять радиоактивные отходы в космос? / А. И. Иойрыш, С. А. Яскин // Земля и Вселенная. — 1993. — №5.

мер доверия в космическом пространстве»¹. Однако позже в связи с развертыванием систем своей ПРО американцы отказались подписать соответствующие документы и сейчас обвиняют в милитаризации космоса другие страны.

В начале 2010 г. The New Scientist писал, что Индия и Китай разрабатывают специальное оружие, которое будет сбивать спутники, напомнив, как ещё в 2007 г. китайцы успешно уничтожили свой отработавший срок спутник² и как при этом образовалось 2500 новых обломков. Если Китай использовал баллистическую ракету, то Индия заявила, что займется разработкой автоматического аппарата с лазерным наведением, который сможет уничтожать аппараты на орбите. По сути, это будет спутник-охотник, гонящийся за целью³.

Реализуются в США и другие проекты по линии милитаризации космоса. Так, Miltec Corp. 28 января 2010 г. получила пятилетний контракт на 20 миллионов долларов США на разработку новой спутниковой системы PNP⁴, которая позволит произвести сборку спутника и осуществить его запуск в течение нескольких дней и даже часов по требованию военного командования. Здесь мы видим еще один структурный элемент сетецентричной войны — резкое сокращение сроков операции.

¹ Фененко Алексей. Конкуренция в космосе и международная безопасность/Алексей Фененко. — Международные процессы. Том 6. Номер 3(18). Сентябрь–декабрь 2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/eighteenth/004.htm>.

² <http://en.rian.ru/analysis/20100115/157559820.html>.

³ <http://www.arms-expo.ru/site.xp/049057052048124049051050056053.html>.

⁴ <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA492432&Location=U2&doc=GetTRDoc.pdf>.

Еще один важный аспект астрополитики — миниатюаризация оружия и различных автоматических систем. Специалисты говорят уже о появлении класса нано- и пикоспутников диаметром до 10 сантиметров. В качестве примера можно назвать компанию Iridium Communications, которая на конференции в г. Феникс (Аризона) в январе 2010 г. представила спутниковый передатчик нового поколения «Иридиум 9602», который значительно дешевле и меньше по размерам, чем его предшественник «Иридиум 9601». Аналитик спутниковой промышленности Том Фэррер утверждает, что применение новых передатчиков «Иридиум 9602» приведет к резкому увеличению потребителей данного продукта. Тестирование прототипов нового передатчика завершено, и его поступление в продажу ожидалось в июне 2010 года¹.

Другие страны, несмотря на огромные средства, необходимые для подобных разработок, тоже стараются не отставать в космической конкуренции. Евросоюз даже пошел на сотрудничество с рядом зарубежных инвесторов, чтобы потеснить США с их системой GPS, запустив на орбиту свои, более совершенные, спутники. Планируется, что европейская система «Галилей» будет включать в себя еще несколько служб: дополнительный платный сервис определения местоположения с точностью до одного метра, службу общественного контроля и безопасности жизнедеятельности, которую будут использовать полиция, военные, пожарные и скорая помощь, а также системы контроля за воздушным пространством. Европейское космическое агентство планирует полностью развернуть систему контроля космического пространства к 2015 г.

¹ http://www.spacemart.com/reports/Iridium_Unveils_Smaller_Lower_Cost_Satellite_Data_Transceiver_999.html

Битва за космос, успешно начатая Советским Союзом в середине XX века, не только не стихает, но втягивает в себя всё новые и новые государства. И тезис Иммануила Канта в контексте астрополитики о «звездном небе над головой и моральном законе внутри нас» приобретает новую актуальность.

Геополитическая стратегия Индии

Правила поведения на международном поле формируются в значительной мере под воздействием исторических, культурных, религиозных и мировоззренческих принципов народа (элиты), укорененного в определенное географическое пространство. Упорство, с которым владычица морей осваивала колонии и оставляла вдали от берегов туманного Альбиона форпосты, заметно и ныне — Гибралтар, Фолклендские острова, страны содружества; американский дух Фронтiera трансформировался в неустанное желание проводить демократические реформы во всем мире, а увлечение идеями Лео Штрауса (сам ученый говорил о необходимости следовать двойным стандартам) помогло американским неоконсерваторам реализовывать свои идеи на практике; иудейское мессианство позволило не только создать государство Израиль, но и вывести свою страну на мировой уровень.

Аналогично, и Индия тоже имеет свою государственную стратегию, возможно, не совсем нам понятную в силу особенностей индуистского мировоззрения, хотя в этой огромной

стране есть значительное количество не только последователей древнейшей политеистической традиции и ее ответвлений, но и представителей других культур и религий — мусульман, сикхов, буддистов, христиан различных конфессий и иудеев (известно шесть различных групп иудеев, проживающих в разных частях Индии, некоторые из них являются автохтонами и обратились в эту религию во второй половине XX в.). Взгляд из Индии на международные события и текущий анализ геополитической ситуации для отечественного читателя малоизвестен. Исключением, пожалуй, являются частые публикации бывшего индийского дипломата М.К. Бхадракумара как в англоязычной прессе, так и в переводе на русский язык.

А помимо свежей аналитики и различных доктринальных положений, понять геополитическую стратегию Индии можно через призму стратегической культуры субконтинента, которая, в определенной мере влияет на всю Юго-Восточную Азию. Почему это важно? На этот вопрос еще в конце 70-х гг. прошлого столетия дал ответ британский теоретик международных отношений, профессор Кен Бут. «Думая о рациональном поведении других, стратеги имеют тенденцию проектировать свои собственные культурные ценности..., но должно быть очевидно, что можно лишь предсказать поведение «рационального человека», если и у наблюдателя и у наблюдаемого сила и власть логически похожи. В этот процесс вмешивается этноцентрическое восприятие: это означает, что собственные ценности и смыслы по поводу приоритетов спроектированы на другого. Этим процессом этноцентризм подрывает центральное действие в стратегии, которое сначала оценивает то, как другие смотрят на мир, а затем уже происходит процесс осмысления

и действия»¹. Для индусов вполне подходит этноцентрическое видение мира, так как индуизм — это закрытая религия, ее может исповедовать только индус, и приход в эту традицию извне невозможен. Да и сикхи, представители которых занимают видные посты в правительстве, относятся к выходцам Индостана. Эта монотеистическая религия зародилась на границе соприкосновения ислама и индуизма как ответ на проблему конфликта. Особняком стоят парсы, которые сконцентрированы в Мумбаи, но, что характерно, зороастризм тоже является закрытой религией — прозелитизм среди индийских парсов не признается.

Другой британский ученый, занимавшийся вопросами геополитики, Колин Грей, по поводу связи культурных пластов и государственной стратегии отмечает: «Никто и никакое учреждение не могут действовать вне культуры», и добавляет далее, что «природа и функция стратегии являются постоянными и универсальными, и она также, в ее специфической и динамической исторической форме и содержании, неизбежно является культурной»².

Для нас Индия очень важна. Частые официальные визиты руководства России и Индии друг к другу, стратегическое партнерство, опыт многолетней дружбы и ряд возможностей, которые открывает эта страна для России, вынуждают нас более детально присмотреться к этому государству и носителям ее политического духа.

После получения Индией независимости в 1947 г. эту страну в основном представляли как форпост пацифизма

¹ Booth, Ken. Strategy and Ethnocentrism/ Ken Booth. — New York : Homes & Meier Publishers, 1979. — P 65.

² Gray, Colin. Modern strategy/Colin Gray. — New York : Oxford University Press, 1999. — P 129.

благодаря стратегии Махатмы Ганди в отношении британских колонизаторов. Непротивление злу насилием было популярно и в среде различных антивоенных движений в Западной Европе и, особенно, в США во время Вьетнамской войны. Однако, концепция Satyagraha (сила правды), применяемая Ганди как инструмент политической борьбы, была основана не на народной и массовой индуистской традиции, а на эклектическом смешении реформистского индуизма, Упанишад и философии джайнизма, проповедующей запрет на убийство любых живых существ, в том числе вредоносных насекомых. Не менее важно и постколониальное наследие. А. К. Коуль из Делийского университета в 80-х гг. говорил, что «вся концепция международного права исходила из обоснования и оправдания законности порабощения и ограбления третьего мира, который был объявлен нецивилизованным»¹. Такой критический подход предполагал поиск новых путей решения проблемы, и Коуль предложил концепцию международного права развития, направленного на решение проблем слаборазвитых государств. Его поддержал юрист международного Р.П. Ананд, отметив, что, «поскольку международное право считается применимым ко всему мировому сообществу государств, включая новые государства Азии и Африки, оно нуждается в их согласии. Оно должно быть изменено, чтобы удовлетворять новые интересы и новое сообщество»². Несмотря на довольно адекватные мысли, идеи этих ученых оказались невостребованными своей эпохой.

¹Koul A. K. The North-South Dialogue and the NIEO/A.K. Koul// New horizons of international law and developing countries. — New Delhi, 1983. — P. 171.

²Anand R. P. International law and the developing countries/R.P. Anand. — New Delhi, 1986. — P. 107.

Если посмотрим на политическую трансформацию Индии, то обнаружим, что модель Конституции была позаимствована у Соединенных Штатов, причем на нее наложились культурные особенности каждого региона (в Индии 28 штатов, 21 официальный язык и более 1600 диалектов). Традиционная кастовая система фактически сохраняется, но юридически все граждане в Индии имеют равные права и возможности, — представители низшей касты в южных штатах даже сформировали движение и политическую партию Dalit Panthers и довольно успешно борются за свои права.

В самом индийском политикуме на протяжении истории существования независимого государства тоже были заметны колебания от секуляризма до традиционализма. Несмотря на это, как отмечает Стивен Коэн, со времени правления Неру до Раджива Ганди, а далее при правлении Индийской народной партии Ваджпай, хотя и существовал антагонизм в вопросах местной культуры (предыдущий правящий Конгресс был светским, в то время как партия Ваджпай следовала по пути индийского культурного национализма — «Хиндутва»), в международной и оборонной политике сохранялась преемственность стратегического курса¹. Необходимо отметить, что Индийская народная партия (Bharatiya Janata Party), созданная в 1980 г., стоит на особом счету у американских аналитиков, так как при правлении Аталы Бихари Ваджпай произошло улучшение отношений с США. Сам период правления Джавахарлала Неру, который представлял левое крыло Индийского национального конгресса, называют курсом на достижение общества, основанного на принципе равновесия преемственности и перемен, а его политическая

¹ Cohen, Stephen. India: Emerging Power/Stephen P. Cohen. — Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2001.

программа даже получила название «нерувианизм». В двух словах, она заключалась в поддержке национального предпринимательства, его защите от иностранной конкуренции, государственном регулировании частного сектора, жестком контроле над финансовыми операциями, а в государственном секторе — в преимущественном развитии основных отраслей тяжелой промышленности и энергетики¹.

Однако, если мы говорим о стратегической культуре, то нужно обратиться и к историческому наследию героического характера, образы которого захватывают как сознание масс, так и мышление национальных лидеров. В связи с этим необходимо упомянуть центральные эпические произведения Индии — это «Махабхарата» и «Рамаяна». В первом повествуется о борьбе двух кланов и вечном круговороте событий, где многое уже предрешено, а во втором — о борьбе богов и их помощников против демонов. Вполне естественно, что в качестве памятников национальной литературы через фольклор, праздники и обычаи эти императивы были впитаны как населением, так и элитой. Кроме этого, на выработку стратегии, особенно в вопросах управления государством и ведения войны, повлиял знаменитый труд «Артасастра», написанный известным индийским мыслителем древности Каутилья (IV—III вв. до н.э.), который обслуживал интересы династии Маурья. На эту книгу ссылаются многие индийские и даже зарубежные правоведы как на образец корпуса юридических норм доримского, традиционного права.

Как отмечает американский аналитик Родни Джоунс, посвятивший немало своих трудов стратегии Индии, пытаясь расшифровать индусский код к замку международных

¹Мухаев Р. Т. Геополитика/Р. Т. Мухаев. — М. : Юнити, 2007. — С. 553.

отношений, советы Каутильи к правителям состояли в подробном описании как применять силу, шпионаж и яды (экстраполируя в современную эпоху, это может быть химическое, бактериологическое и ядерное оружие)¹. Согласно труду Каутильи, предполагается, что в этом регионе будут происходить военные конфликты, следовательно, нужно быть готовым к развитию такого сценария и, возможно, создать военные союзы с другими государствами. Естественно, в XX в. этот фактор тоже учитывался индийскими политиками.

Сам Джоунс является президентом собственной компании Policy Architects International, а до этого долгое время провел в Индии, Пакистане и Шри-Ланке, так как был сыном христианских миссионеров, отправленных в эти страны. В США до того, как создал свою фирму, Джоунс закончил Колумбийский университет и работал профессором в Канзасском государственном университете, а в середине семидесятых занимался научными исследованиями в Совете по международным отношениям и вопросами безопасности в администрации Картера. Кроме того, работал в Центре стратегических и международных исследований в Джорджтаунском университете, где занимался вопросами контроля над вооружениями. Так что, несмотря на его западное происхождение, есть смысл прислушаться к мнению этого ученого.

Джоунс выделяет ряд пунктов, которые по своей сути являются философскими и мифологическими, но тем не менее являющимися базой для стратегической культуры Индии:

1. Священное входит в индийскую идентичность.
2. Цели бесконечны и не имеют конкретного срока.

¹ Rodney W. Jones. India's Strategic Culture. — P. 5. [Electronic resource]/W. Rodney. — Access mode: http://www.stramod.ru/SP_001.html.

3. Индия получила свой статус, а не заработала.
4. Знание правды — ключ к действию и власти.
5. мироустройство является иерархическим, не эгалитарным.
7. Внешний облик Индии загадочен.
8. Личный интерес, выраженный внешне, является безличным и абсолютным.
9. Противоречия в реальном мире являются естественными и подтвержденными.
10. У силы есть свое место, но хитрость может превзойти силу.
11. У действий есть последствия, хорошее намерение не оправдывает обиды.
12. Нормы права запрещают обычный компромисс (трудно провести различия, правда не смягчается с *quid pro quo*).
13. Компромисс можно легко принять за внутреннее поражение (эфемерное, искривления правды, недостаток суверенитета).
14. Доверие является правильным знанием и действием, оно безлично, и его трудно построить или восполнить.
15. Безопасность является сидячей (она охватывает географическую обстановку и образ жизни).
16. Стратегия является ассимилирующей (внешняя сторона меняется, действительность является постоянной).

Исходя из этих положений, Джоунс и предлагает рассматривать индийскую политику, в том числе и в отношении таких категорий, как война и мир. Конфликт напрямую связан со стратегической культурой, так как

согласно одному из авторов этой концепции Элистеру Джонстону, в ее центре лежат ответы на три важных вопроса: о роли войны в международных отношениях, о природе врагов и угроз, которые они могут представлять и о применении силы¹. Джоунс пишет, что Индия, еще начиная с 60-х гг., готовилась к обороне на два фронта — против Пакистана и Китая². Автор также отмечает, что до января 2003 г. официальная политика Индии по поводу применения ядерного оружия гласила, что Индия не будет использовать его первым до тех пор, пока не подвергнется соответствующей атаке. Эта политика была основана на ядерной доктрине Индии, обнародованной в августе 1999 г. Однако после выхода в 2003 г. документа «Введение в действие ядерной доктрины Индии» было заявлено, что ядерное оружие будет использовано в случае применения против индийских войск химического или биологического оружия, и, самое главное, даже если их войска будут находиться за пределами индийской территории³. Инцидент в Мумбаи, когда исламские террористы, успешно переправившись с территории Пакистана и устроили небольшой «джихад» в экономической столице Индии, вынудил руководство страны задуматься и о других мерах сдерживания и контроля, в том числе за информационными системами.

Но с Пакистаном все более-менее понятно. Образ врага вполне укладывается в эту схему — завоеватели Индии (не

¹Johnston A. *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*/ Alastair Iain Johnston — Princeton: Princeton University Press, 1995.

²Rodney W. Jones. *Conventional Military Imbalance and Strategic Stability in South Asia*/W. Rodney// SASSU Research Paper №. 1. — March 2005. — P. 9.

³Ibid. p. 13.

мифические арийские вторжения, а вполне конкретные мусульманские армии, построившие на севере Индии империю Моголов) пришли с северо-запада — нынешних территорий Афганистана и Пакистана. С ними пришлось бороться не только последователям индуизма, но и приверженцам новой синкретической монотеистической религии сикхизма, святилище которой — Золотой храм — находится в нескольких десятках километров от границы с Пакистаном — в г. Амритсаре. Если мусульманское вторжение происходило на суше, то белые колонизаторы прибыли морем — португальцы, голландцы и британцы по очереди контролировали южный Индостан и эксплуатировали его природные богатства. С Китаем несколько сложнее. Исторически китайские императоры не беспокоили индусов из-за природной границы в виде горной цепи Гималаев и непроходимых джунглей на юге. Хотя сейчас Индия имеет спорные с Китаем территории, скорее, больше претензий именно у Китая к Индии, в том числе за приют тибетского далай-ламы, штаб-квартира которого находится в приграничном с Поднебесной штате Химачал-Прадеш. Индию же в отношениях с Китаем волнуют водные ресурсы — истоки Брахмапутры и Ганга находятся в китайском Тибете, а также рост китайского присутствия в Афганистане и Пакистане. Китай уже построил глубоководный порт Гвадар в приморском Белуджистане, и, обосновывая необходимость безопасности энерготранспортных коридоров (как по морю, так и на суше), Пекин будет увеличивать и военное присутствие вблизи границ Индии. Ряд современных аналитиков, тем не менее, выступает за активизацию связей с Китаем, чтобы давний спор по поводу границ не стал геополитическим якорем в двухсторонних отношениях. Отмечается, что с Китаем необходимы прежде всего торговые отношения, скоординированный подход к проблеме Афганистана (и Пакистана), а с Россией тесное сотрудничество.

ство в оборонной сфере. Поэтому старая идея «неприсоединения», которой руководствовалась Индия на протяжении предыдущих лет, может остаться в прошлом¹.

Но и в самой Индии существуют различные точки зрения на проблематичные отношения с соседями. Канти Баджпай отмечает, что после окончания „холодной войны“ в Индии появилось три ветви, претендующих на выработку стратегии. Он называет их нерувианизмом, неолиберализмом и гиперреализмом. Баджпай настаивает, что самый пессимистический взгляд на международные отношения у гиперреалистов. «Если нерувианисты и либералы полагают, что международные отношения могут быть преобразованы либо посредством коммуникации и контакта, либо в соответствии с экономическими реформами свободного рынка и логикой сравнительных преимуществ, то гиперреалисты усматривают в межгосударственных взаимоотношениях бесконечный цикл повторений (вообще, индуизм рассматривает время как бесконечную череду циклов, человеческая душа также претерпевает эти круговращения, постоянно перевоплощаясь из одной сущности в другую — отсюда не совсем понятная для западного человека с его линейным восприятием времени, индусская неспешность). Для них конфликты и конкуренция между государствами не могут быть преобразованы в мир и дружбу (кроме как во временный союз против общего противника), поэтому лучшими инструментами являются угрозы и применение насилия, из-за чего они считают, что самый верный способ достичь мира и стабильности — это

¹ Srinath Raghavan. Engagement sans entanglement. Srinath Raghavan, Mahesh Rangarajan// Seminar 605. — January 2010. — P. 66

накопление военной силы и готовность к ее применению»¹. Кроме того, гиперреалисты отклоняют возражения своих оппонентов по поводу безудержных расходов на вооружения, а также высказывают сомнения относительно роли институций, законов и соглашений. Для гиперреалистов в международных отношениях в счет берется только власть и сила; все остальное — иллюзия. Соответственно, для нерувианистов и необлибералов война — это всего одна из возможностей, которая может произойти между суверенными государствами. У гиперреалистов точка зрения немного иная. Брахма Челлэни отмечает, что «война наступает, когда конкурирующие государства приходят к пониманию, что другая сторона стала либо слишком сильной, либо слабой»². Поэтому подготовка к войне является ответственной и мудрой политикой прозорливости, а не какого-либо подстрекательства. Поэтому агрессию в отношении своих соседей, если вопрос касается территориальных споров или каких-либо других противоречий, гиперреалисты считают не только допустимой, но и необходимой.

Из этого можно сделать вполне понятные выводы, что индийские гиперреалисты могут использоваться внешними силами для эскалации конфликта, в то время как нерувианисты будут стараться достичь консенсуса, а неолибералы решать вопросы с прагматической (экономической) точки зрения. Россия в этом отношении имеет значительные преимущества: у нас нет общих

¹Kanti Bajpai. Indian Strategic Culture. — South Asia in 2020: Future Strategic Balances and Alliances // Strategic Studies Institute. — 2002 November — P. 245 — 305.

²Chellaney B. On the importance of national power or strength / Brahma Chellaney. Preface., in idem, ed. // Securing India's Future in the New Millennium. — New Delhi: Orient Longman Press, 1999 — P. XVIII.

границ с Индией; к нашей стране довольно хорошее отношение, что подкрепляется историческим опытом; Индия наряду с Россией входит в БРИК и готова участвовать в выработке новых международных правил; мы можем мудро взаимодействовать с представителями всех трех ветвей стратегической культуры Индии. Гиперреалисты будут крайне заинтересованы в поставках российского вооружения, программах модернизации и вообще широком спектре военного сотрудничества. При случае, Россия может использовать smart power, чтобы посредством индийских гиперреалистов послать определенные сигналы соседним странам — Пакистану и Китаю (Бангладеш и Непал не стоит брать во внимание, так как они пока не оказывают влияния на расклад сил в регионе). Подход неолибералов может быть использован с сугубо прагматической точки зрения — торгового, экономического и промышленного сотрудничества. Довольно перспективной для России может быть сфера атомной энергетики (эти интересы входят и в генеральную линию нерувианистов),¹³ информационных и высоких технологий, в том числе аэрокосмической промышленности.

Кроме того, из стратегической культуры Индии можно извлечь еще и один немаловажный урок — это их экономическая и рыночная система. Они построены таким образом, что большинство товаров и услуг ориентированы на внутреннего потребителя, поэтому любые финансовые катаклизмы, происходящие во внешней среде и действующие по принципу „домино“, для Индии не будут являться катастрофой. Если разумно подойти к этому вопросу, то такая модель рыночного устройства, основанная на принципе автаркии (самодостаточности), вполне может быть применима и для ряда регионов Российской Федерации.

Заокеанский Кавказ

В политических кругах США существуют довольно разные точки зрения на те или иные события, равно как и в отношении собственно внешней политики Вашингтона. Взгляды изоляционистов и экспансионистов, как понятно из определения этих группировок, обычно диаметрально противоположны. Небезынтересную точку зрения в отношении Северного Кавказа имеют американские новые правые.

Анализ их взглядов поможет выявить тенденции, существующие среди других политических сил США. Поскольку первые неоконсерваторы являлись этническими евреями и традиционно поддерживали государство Израиль, можно предположить, что в лице всех мусульман они видели если не врагов, то, по крайней мере, не союзников.

Сами неоконсерваторы не очень интересовались проблематикой Северного Кавказа и особо не афишировали свой интерес к этому вопросу. Их ведущее издание «Weekly Standard» освещало эту тематику лишь после известных событий в августе 2008 г., при этом четкий акцент делался на том, что у

США не может быть жизненно важных интересов за тысячи километров от национальных границ.

Однако недавно события начали развиваться по несколько по иному сценарию. После взрывов в московском метро и на Северном Кавказе эта тематика опять всплыла у неоконсерваторов, отражая общую обеспокоенность ростом радикального исламизма. Аналитический разведцентр «Стратфор» связал рост оперативности боевиков Кавказского эмирата с возможным взаимодействием с транснациональным терроризмом и даже «Аль-Каидой», не сделав при этом каких-либо выводов об американских следах.

Скотт Стюарт и Бен Вест, правда, проговорились, что «Кавказский эмират появился для того, чтобы стать зонтичной группой для многих региональных групп боевиков, действовавших во время второй чеченской войны»¹. Подобная техника создания крышующей организации, у которой в подчинении находятся различные подгруппы, давно применялась агентами США как в гражданском секторе других стран, работая по принципу мягкой власти, так и при создании марионеточных режимов.

Обличительная информация, связанная с проблематикой Северного Кавказа, просочилась в США через новых правых, поспешивших искать причины дестабилизации в своем доме, обвиняя и демократов, и неоконсерваторов в косвенной причастности в поддержке радикальных мусульман Северного Кавказа.

Специалист по России, восточноевропейским и евразийским исследованиям Стэнфордского университета Марк Хакард в своей недавней статье «Политические элиты США и Чечня», размещенной на сайте «Правая альтернатива»,

¹<http://www.geopolitica.ru/Articles/952/>.

связывает проблему конфликта на Кавказе с попытками определенных политических кругов США установить свой контроль над этим регионом и создать энерготранспортный коридор из Каспийского моря на Балканы и далее, в Европу¹.

С такими геополитическими амбициями напрямую связан проект «Американский комитет за мир в Чечне», созданный в 1999 г. и позже переформатированный в «Американский комитет за мир на Кавказе». Финансово он поддерживается небезызвестной «Фридом Хаус». Хакард отмечает, что этот комитет работает на Северном Кавказе в стиле Коминтерна, продвигая «демократию, развитие и права человека».

Кроме того, организация устно объявила о «политическом решении» в отношении вопроса регионального сепаратизма, что весьма эффективно продолжает линию Косово на Кавказе. Интересно, что председателем комитета является Збигнев Бжезинский, геостратег, продвигающий идеи Рух Американа и установления глобального правительства.

Казалось бы, неоконны не имеют отношения к этому проекту, предпочитая критику существующей социальной системы и отстаивание формата государства благоденствия. Однако, в списках основателей комитета мы обнаружим Ричарда Перле, Мишеля Ледина, Нормана Подгорец и Билла Кристола. Есть даже теолог демократического капитализма, католик Джорж Вейгель.

По мнению Марка Хакарда, такая разношерстная кампания собралась с целью установления контроля над Евразией и ее энергетическими ресурсами. А для этого нужно выполнить ряд действий, составляющих программу комитета:

- использовать мусульманских джихадистов в интересах

¹<http://www.alternativeright.com/main/blogs/exit-strategies/us-policy-elites-and-chechnya/>.

- США, что было видно со времен советской войны в Афганистане до Балканских войн и нынешнего давления на Иран;
- интенсивно продвигать «открытое общество» — секуляризм, мультикультурализм, либеральную демократию и «свободный рынок» через СМИ и политические операции, начиная от «цветных» революций, заканчивая военным вторжением;
 - проводить враждебную политику (имплицитно или открыто) по отношению к традиционному христианству и особенно к народам, исповедующим восточное православное христианство (Сербия и Россия);
 - спонсировать исламскую силу в Европе посредством создания новых суверенных государств (Босния, Косово), продолжения массовой мусульманской миграции на континент и поддержки членства в ЕС Турции;
 - размещать вооруженные силы США и НАТО на периферии России в качестве части стратегии «сдерживания»;
 - продвигать проекты трубопроводов типа Баку-Тбилисси-Джейхан и «Набукко» в целях перекачки энергоресурсов с Каспийского моря в Европу в угоду союзникам США или странам-клиентам.

Американский эксперт справедливо замечает, что Вашингтон может публично сожалеть по поводу проявления «экстремизма» в России, но подобная антитеррористическая риторика не вписывается в один ряд с политикой и полуофициальными проектами, каким, по мнению автора, и является Кавказский эмират, созданный не без помощи американских проектировщиков.

США как антигарант международного права

Лицемерная политика правительственных структур США уже давно подвергалась критике как со стороны других государств, так и со стороны американских граждан, обвинявших свои власти в нарушении тех принципов прав и свобод, ради которых и было создано государство Соединенные Штатов Америки. Последнее десятилетие все наглядней демонстрирует, насколько далеко действия властей США ушли от первоначальных принципов демократии, положенных в основу независимости страны.

Причиной тому являются не только информационные и коммуникационные технологии, способствующие утечке секретной информации, и действия отдельных личностей, разоблачающие алчную и двуличную политику государственных служб и транснациональных структур (например, откровения бывшего вице-президента и главного экономиста Всемирного банка Джозефа Стиглица и экономического «убийцы» Джона Перкинса). Во многом действия самих властей нарушают все возможные международные нормы и правовые акты, которые когда-то и были введены по инициативе самих США.

Одним из серьезнейших прецедентов нарушения норм международного права, а также ведения процесса следствия, уголовного, гражданского кодексов США и ряда международных конвенций является случай с пятью кубинцами, который уже вошел в мировую историю. В отличие от преступлений Третьего Рейха или скандально известных случаев вроде «Уотергейтского процесса» и «Подростков из Скоттсборо» (первый известен всему миру политическими манипуляциями, второй заключается в обвинении судом в 1931 году девяти негритянских подростков в изнасиловании двух белых женщин), арест пяти кубинцев, пытавшихся бороться с террористическими антикубинскими группировками в Майями, спасая как жителей Кубы, так и граждан США (из-за действий таких группировок погибло около 300 человек, и не только кубинского происхождения), показал, что действия обвинительной стороны и суда не вписываются ни в логику независимости друг от друга различных ветвей власти (что является основным показателем демократии), ни в политическую риторику руководства США, особенно после объявления войны с терроризмом¹.

12 сентября 1998 г. ФБР арестовало Херардо Эрнандеса, Рамона Лабаньино, Рене Гонсалеса, Фернандо Гонсалеса и Антонио Герреро. Кубинцы были обвинены в 26 преступлениях. Из них наиболее серьезными были: заговор с целью совершения преступлений против США, шпионаж, соучастие в умышленном убийстве 24 февраля 1996 года четырех членов террористической антикубинской организации «Hermanos al Rescate» (были сбиты кубинскими силами ПВО в воздушном пространстве Кубы).

С момента ареста и до 3 февраля 2000 г. члены «пятёрки» провели 17 месяцев в одиночном заключении. В данном

¹Hoping in Solitude. Editorial Capitan San Luis, Havana, 2008.

деле фигурировало более 800 документов, насчитывающих около 50 тысяч страниц. Суд длился на протяжении семи месяцев. Тем не менее, власти США постарались сделать все возможное, чтобы скрыть этот процесс от общества. Уже позже выяснилось, что пресса, писавшая критические статьи в адрес кубинцев (это повлияло на принятие решения судебного жюри), была нанята властями США, а это запрещено самими местными законами.

В целом, как говорится, дело оказалось «шито белыми нитками», о чем свидетельствовали показания не только адвокатов заключенных и международных юристов, но и авторитетных экспертов .

Генерал-майор и бывший заместитель главы разведки армии США Эдвард Эткинсон, присутствовавший на суде в качестве эксперта по национальной безопасности, заявил, что «кубинцы не представляют угрозы для США. И вообще, Куба не представляет ... причин для беспокойства». Кроме того, он отметил, что в материалах дела, с которыми он ознакомился, нет ничего, что представляло бы секрет или опасность для США.

Антонио Герреро, обвиненный в шпионаже на военной базе Бока Чика, никогда не имел доступа к секретной информации, каких-либо контактов и не проявлял интереса к поиску подобной информации.

В ходе процесса происходило изменение формулировок обвинительной стороны. Так как доказательства в шпионаже и организации убийства отсутствовали, то подсудимым инкриминировался заговор с целью шпионажа и убийства.

Были и ряд оговорок во время процессов, указывающих на невиновность кубинцев. Например, при вынесении приговора Рене Гонсалесу судья Джоан Ленард отметил, что подсудимый «не связан с террористами и членами организаций, кото-

рые провоцируют насилие или занимаются организованными преступлениями»¹.

Тем не менее, согласно обвинительному приговору трое кубинцев приговорены к пожизненному заключению, а двое – к 15 и 19 годам. На Кубе они стали национальными героями, ряд правительств различных стран (не только с социалистическим режимом или традиционно дружественных Кубе) выразили протест правительству США в связи с неадекватными действиями их властей.

Двадцать седьмого мая 2005 года рабочая группа в комиссии ООН по правам человека официально заявила, что «судебное разбирательство в отношении пяти кубинцев проходило в атмосфере необъективности и предубеждения в отношении подозреваемых с самого начала, способствуя формированию представления наличия вины подсудимых... Также сторона защиты имела очень ограниченный доступ к материалам, так как дело классифицировалось как относящееся к национальной безопасности..., из-за чего был подорван баланс между сторонами обвинения и защиты»².

В июне 2009 года Верховный Суд США отказался пересмотреть дело пяти кубинцев, и кубинский парламент осудил решение Верховного суда США об отказе в пересмотре дела. По мнению юристов-международников, еще остались несколько вариантов для пересмотра дела, и затягивание этого процесса свидетельствует о том, что власти США понимают свою вину и пытаются замять это дело.

¹Подробнее о нарушении процессуальных норм и прав см. Fernandez R.D. United States VS Cuban five: A Judicial cover-up. Editorial Capitan San Luis, Havana, 2006.

²Conclusion of the U.N. Working Group on Arbitrary Detentions (Human Right Comission), Opinion No. 19/2005, U.S.

Однако растущая солидарность в различных странах (профсоюзы, религиозные организации, выступления известных деятелей науки, культуры и искусства в защиту «пятерки») указывает на то, что мировая общественность планирует усилить давление на власти США.

В шестом коллоквиуме, посвященном освобождению кубинской «пятерки» и проходившем с 17 по 21 ноября 2010 г. в кубинском городе Ольгин, приняли участие более 300 делегатов из 50 стран, которые продолжают разрабатывать тактики и стратегии по освобождению кубинцев¹.

В России этот прецедент известен в основном только среди левых партий и движений, а также различных инициатив, коллективов и групп, поддерживающих кубинское государство и специалистов по праву и современным процессам в Латинской Америке. И донесение информации до широких кругов активистов будет способствовать распространению правдивых сведений о репрессивных методах властей США и работать на дело установления справедливости².

Как сказал один из участников прошедшего коллоквиума, – разоблачение лицемерной политики США – это не только дело по освобождению кубинских политзаключенных, это дело освобождения от догм лицемерного неолиберализма всего человечества.

¹Batallar mas contra el doble encierro a los Cinco. Juventud Rebelde, Año 46, No. 25, Viernes 19, Noviembre 2010.

²В интернете основные материалы по кампании размещены на www.thecuban5.org, на русском языке: <http://thecuban5.ru/>

ИНТЕРВЬЮ, БЕСЕДЫ

МЕХМЕТ ПЕРИНЧЕК: «Геноцида в отношении армян не было»

— Вы занимаетесь исследованием проблемы взаимоотношений между турками и армянами в начале прошлого века. Некоторые государства признали, что был осуществлен геноцид против армян. Но Ваша точка зрения, скорее, противоположная.

М.П.: Я занимаюсь архивными российскими материалами, на основе которых можно сделать несколько выводов. Это был не геноцид, а взаимная резня. Царская Россия и империалистические страны натравливали армян против Турции. В тот момент Турция защищала свою страну. Перед Первой мировой войной турецкие армяне — подданные Османской Империи создали добровольческие батальоны, которые воевали в российской армии, т.е. граждане Турции выступали на враждебной стороне. А империалистические страны подбивали армян создать Великую Армению. Для ее создания нужно было изменить соотношение населения на территории Турции, где проживали армяне. Поэтому армяне устроили

резню против мусульман. Даже российские царские военные суды признали этот факт. Хотя царская армия использовала армян против турок, они ужасались тому, что творили армянские дружины. Из-за этого много армянских офицеров было приговорено к смертной казни. После этого турецкая власть решила депортировать армян из тыловых частей на юг государства. Так что говорить о геноциде неправомерно. Да, взаимная резня была, геноцида не было.

Я работаю с документами царской и советской эпохи. Не только российскими, но и армянскими. Первый премьер-министр независимой Армении Ованес Качазнуни после войны признал, что они поверили империалистическим странам, но были обмануты. Он сам был дашнаком, армянским националистом и подтвердил, что ради химеры Великой Армении они пожертвовали своим народом. Он признал вину армянских националистов и подтвердил, что они были объектом воздействия империалистических стран, а не субъектом истории.

Еще в документах царские авторитеты писали, что Запад использовал армянский вопрос для разжигания войны между Россией и Турцией в пользу Запада. Тогда бы им было легче контролировать Ближний Восток и Среднюю Азию, которые являлись стратегически важными для Европы. Царские военные объяснили это стратегией Запада, чтобы лишить и Турцию и Россию союзников.

— Не так давно представители около трехсот турецких организаций подали в парламент Турции письмо с просьбой о признании геноцида турок со стороны армян.

М.П.: Это тоже неправильно. Я повторяюсь, это была взаимная резня. Вопрос в том, кто был ее организатором. А это

были империалистические страны — Англия и Франция, которые хотели разделить Турцию для своих целей. Их принцип действий — разделяй и властвуй, поэтому суть проблемы не в конфликте между армянами и турками, а между турками и империалистическими странами. А дашнаки и армянские дружины были лишь инструментом против Турции.

— *Вы упомянули проект Великой Армении.*

М.П.: Если на карте Турции провести линию от Антакии вверх к Черному морю, то правая сторона до Каспия считается армянской территорией. Но этот проект противоречил не только планам Турции, но и царской России, так как некоторые ее земли тоже должны были отойти к Великой Армении. Этот план был создан западными странами, чьи агенты и предложили армянам создать большую великую страну, но для этого нужно было заключить своего рода пакт и послужить этим странам. Конечно же, Запад понимал, что Великая Армения — это химера. Например, как и Великий Курдистан, Великая Чечня или Великий Туркестан. Такие проекты всегда актуальны, так как они используются в целях сепаратизма против различных стран Евразии. Сегодня — США, раньше Англией и Францией.

— *Термин «геноцид» был придуман в 1943 г., а в международное право введен в 1948 г. Правомочно ли использовать его в отношении событий, который состоялись раньше, ведь закон не имеет обратной силы.*

М.П.: Когда я учился на юридическом факультете на одном из занятий первого курса нас учили, что закон не имеет

обратной силы. Опять же, юридически геноцидом считается, что одно государство истребляет определенную группу населения по расовым, религиозным или этническим признакам. Но в данной ситуации депортация армян была проведена только по отношению к тем, кто жил в тылу. И еще: армяне всегда жили в Турции лучше, чем турки и курды. И мусульманская власть Османской империи никогда не имела расистских намерений по отношению к армянам. Ранее на государственной службе в Турции армяне занимали высокие посты, вплоть до визиря (типа премьер-министра).

— *Однако геноцид по отношению к представителям своего государства сейчас требуют признать многие — и президент Украины, и азербайджанцы Нагорного Карабаха.*

М.П.: Сегодня все вопросы, связанные с геноцидом, нужно рассматривать исключительно в политической плоскости. Просто определенные силы хотят заработать на этом дивиденды. Конечно, идея исходит из США. По отношению к Турции они хотят реализовать ближневосточный проект, а для этого нужно ослабить и Турцию и Россию, которые являются главными силами этого региона. Поэтому США и используют так называемые «геноциды» — украинский против России, армянский — против России и Турции, чтобы создать почву вмешательства во внутренние дела этих стран. Например, в Северном Ираке США создали марионеточную страну Курдистан, а через армянский геноцид это так называемое государство может быть расширено за счет Турции. А база США против России сегодня — Украина, и через нее Америка ведет борьбу против России политическими средствами. Исторически голодомор в Украине нельзя считать геноцидом. Но

историческая сторона сегодня особой роли не играет. Для США жертвы то ли резни, то ли голода не имеют никакого значения. Их это не интересует. Они просто используют подобные события и небольшие народы против какой-то страны исключительно в своих целях. Так что украинский и армянский «геноциды» играют одну и ту же роль. Хотя Армения и лоббирует вопрос геноцида в международных инстанциях, так же как и Украина, надо понимать, что не Армения и не Украина влияют на США и Запад в вопросе принятия таких законов. Заяц не может повлиять на льва. В этом вопросе США играют главную роль. Что касается стран, которые признали геноцид, подчеркну, что эти решения принимали парламенты, т.е. какое-то количество людей из политических структур подняло руки за принятие этого решения.

— *Некоторые украинские историки выражают мнение, что многие советские архивные материалы были сфальсифицированы. Поскольку Вы приехали со стороны и работали в других странах, каково Ваше мнение на этот счет?*

М.П.: В российских архивах хранятся документы двух эпох — царской и советской. Царская Россия была врагом Турции, соответственно ни о какой симпатии не может быть речи. Но даже в царских документах есть подтверждение тому, что геноцида не было. Множество докладов офицеров было посвящено жестоким действиям армянских добровольцев по отношению к мирному населению, и они боролись с этой проблемой. По сути, тогда армяне мешали порядку, истребляли курдов и турок. Что касается советской эпохи, тогда независимая Армения являлась буферной зоной между кемалистской Турцией и Советской Россией. Это был плацдарм Англии и США

против российской и кемальской революций. Тогда обе страны сотрудничали и провели военную операцию против дашнакской Армении. Советские лидеры очень хорошо поняли суть армянского вопроса. Было проведено много исследований и доказано, что армянский вопрос являлся инструментом Запада по расколу Турции. В любом случае можно провести экспертизу документов — поддельные они или нет.

Мехмет Перинчек — научный сотрудник Института наследия Ата-тюрка Кемаля Стамбульского университета, юрист, историк.

P.S. Помимо турков в геноциде обвинялись нацистская Германия за истребление евреев и цыган, хорваты за уничтожение сербов (Вторая мировая война), красные кхмеры за уничтожение камбоджийцев, представители племен хуту за убийство представителей другого племени тутси в Руанде. За резню в 1992 г. в городе Ходжалы Нагорного Карабаха армяне также были обвинены в геноциде. Геноцид армян признали страны ЕС, Россия, 40 из 53 штатов США. Неоднозначность такого решения показывает, что тема в действительности до конца не исследована. Одно время ООН признавала геноцид израильтян по отношению к арабам в Палестине, Ливане и Сирии. Мнение о голодоморе украинцев, конфликтах в Таджикистане, грузино-осетинском, грузино-абхазском столкновениях, Нагорном Карабахе, Чечне и Косово не является общепринятым.

АЛЬФРЕД ГАПОНЕНКО: «Нужна политическая воля!»

— Альфред Григорьевич, Вы работали заместителем начальника Главного Оперативного управления Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР до событий 1991 г., когда Союз распался. Скажите, какие настроения царили тогда в армии? Возможно, были какие-то прогнозы, хотя, конечно, большинство и предположить не могло, что возможен распад страны.

А.Г.: События 1991 г., период ГКЧП армия пережила очень тяжело. У нас были мощные вооруженные силы, мощное государство, которое создавалось веками, объединяло народы самых разных национальностей и вероисповеданий. Понятий о вражде у нас не было. Если взять принцип комплектования Советской Армии, то в подразделения и части брали представителей самых разных национальностей. И, несмотря на большие расстояния, люди прибывали из Средней Азии, Закавказья. Например, когда я начинал командовать взводом, состоящим из 30 человек, то в нем были представители 18 национальностей! А когда командовал полком, то в нем было больше полсотни!

— *Принцип имперской мозаики.*

А.Г.: Да. И никогда никакой межнациональной вражды не было. А если она где-то проявлялась, то немедленно пресекалась, и проводилась большая воспитательная работа по сплочению коллектива. Поэтому не было никаких ущемлений, оскорблений и унижений людей. В последующие годы этот принцип был утрачен.

— *При Горбачеве это начало уже активно проявляться, взять, например, всплеск национализма в странах Балтии, Нагорном Карабахе, Таджикистане. Возможно, кто-то управлял этими конфликтами?*

А.Г.: Подрывную деятельность против Советского Союза вели постоянно. Те же США, другие представители. Но мы умели противостоять этому. И сейчас, если посмотреть какую анти-российскую пропаганду на Западе развернули вокруг Южной Осетии и Грузии. Россия всегда могла противостоять этому, и я убежден, что сейчас и в дальнейшем мы сможем преодолеть такую форму внешнего воздействия.

— *А можно ли было избежать распада СССР?*

А.Г.: Да. Можно и нужно было сохранить государство, и я был сторонником его сохранения. В марте 1991 г. был проведен референдум по поводу сохранения Союза. И только Грузия тогда заявила, что они хотят выйти из Союзного договора. В то же время Абхазия и Южная Осетия сказали, что они были и должны оставаться в составе нашего общего тогда государства.

— *Представитель от Украины на совещании у Горбачева говорил тогда что-то невразумительное.*

А.Г.: Были такие националистические устремления и на Украине. Я сам родом из Запорожья. Но в подавляющем большинстве весь народ был за то, чтобы мы жили в одном государстве. К этому стремился и народ Украины, и, конечно, народ России. Ведь Украина — это Малороссия, отсюда начиналось Российское государство. И только подрывная деятельность отдельных личностей привела к тому, что Союз был разрушен. Повторюсь, я был до последнего дня сторонником сохранения государства, за что меня в течение недели после ГКЧП уволили из вооруженных сил без комиссии, без беседы, без обсуждения вопроса о моем увольнении. Нерешительность руководителей привела к тому, что государство было разрушено, а потом сговор Ельцина, Шушкевича и Кравчука привел к тому, что Союз окончательно распался. Но они не имели на это права. Их никто не уполномочил на подписание договора о разделении великого государства. Они должны были ответить за это. А деятельность нынешнего правительства я оцениваю как положительную, потому что она направлена на объединение. Правильно и то, что признали Абхазию и Южную Осетию самостоятельными государствами. Это соответствует всем положениям международного права.

— *Да, еще перед распадом Союза в окружении и Горбачева и в Верховном Совете стали появляться лица, лоббирующие интересы Запада, отстаивающие так называемые «демократические ценности», навязываемые США. Эти люди продолжают действовать и сейчас, а помимо них появились новые.*

А.Г.: К сожалению, это и сейчас продолжается. Необходимо сплочение наших народов для противостояния. Но я высоко оцениваю решительность нашего руководства, и в частности Президента, в связи с последними событиями в Осетии и Абхазии. Очень правильно поступил наш Президент. Правильно действовала армия и силы безопасности. Но информационное обеспечение, к сожалению, я оцениваю как неудовлетворительное. Потому что такой активной наступательной пропаганды и информационной работы, как на Западе, у нас в стране не было. И люди не знали правду, кто же явился агрессором в Южной Осетии, что конфликт спровоцировал преступный режим Саакшвили агрессивными действиями своих вооруженных сил.

— А каким Вы видите развитие событий во внешней политике России? Будет ли усиливаться противостояние с США?

А.Г.: Я полагаю, что нужно быть готовым ко всему. Потому что сейчас, помимо информационной борьбы, США и НАТО наращивают военный потенциал в Закавказье. Поэтому нужно быть готовым и к военному противостоянию. Но политика нашего государства правильная. Как заявил Дмитрий Медведев, мы готовы к сотрудничеству со всеми. Россия не хочет войны. И я, как военный человек, очень хорошо понимаю, что такое война и применение оружие. Это связано с большими человеческими потерями. Этого нельзя допускать. Медведев правильно сказал, что нужно сотрудничать со всеми, невзирая на политические взгляды. Но Россию должны воспринимать как суверенное государство. Мы не намерены ни на кого нападать, но если это попытаются сделать в отношении нас, то Россия найдет достаточно возможностей, чтобы этому противостоять.

— Во время осетинского конфликта Россия потеряла несколько самолетов. Существует мнение, что это произошло из-за недостаточной технической готовности. Как избежать подобных потерь в дальнейшем?

А.Г.: Боевые действия без потерь не бывают. Когда развязана война, естественно будут и потери, потому что обе стороны используют оружие. Да, сбили бомбардировщик и штурмовик. Это было в самый начальный период, когда система защиты на территории Южной Осетии не была обеспечена, так как там были лишь небольшие подразделения миротворческих сил. Применение авиации было вынужденной мерой, так как нужно было нанести удары по тем огневым точкам, которые использовала грузинская армия для нанесения ударов по нашим миротворцам и мирным объектам. А в целом, у нас хорошо развита и система ПВО и ВВС и другие рода войск. Конечно, мощь российской армии ниже, чем она была у советской, но, тем не менее, есть силы и возможности для обеспечения независимости и безопасности нашего государства.

— В зону интересов России входят и страны Азии, и Украина, и прибалтийские государства. Возможна ли интеграция с этими державами?

А.Г.: Полагаю, что интеграция со странами Центральной и Средней Азии возможна, и они стремятся и тянутся к этому. Они вошли в состав ОДКБ. В рамках этого договора развивается экономическое сотрудничество, с каждым годом наращиваются направления этого сотрудничества. Заинтересована в этом и Армения. Менее активную позицию занимает Азербайджан, но и с ними мы можем сотрудничать и проводить

интеграцию в различной форме — на двусторонней или коллективной основе. Что касается Прибалтики, то, к сожалению, положительных перспектив я там не вижу. Тем не менее, интересы народов, и наших и Прибалтики, свидетельствует о том, что мы должны отбросить все негативное и обязаны объединить наши усилия на добрых основах и тесно сотрудничать.

— *Хотите что-то добавить от себя для наших читателей?*

А.Г.: Могу выразить уверенность в том, что Россия поднимется, и реальные факторы говорят о том, что с каждым днем и каждым годом экономическая мощь и сплоченность нашего народа возрастает. Я убежден, что подавляющее большинство народов других государств, ранее входивших в состав СССР, заинтересованы в нашем единстве. Пусть это будет не в форме одного государства, а в виде объединения государств или содружества. У нас уже есть ОДКБ, СНГ, ведется работа по созданию союзного государства России и Беларуси. Мы должны активизировать работу по объединению. Говорят, что нужны годы на разработку проекта, потом еще годы на создание единого пограничного, таможенного и оборонного пространства. Потом еще годы для перехода на единую валюту. А я говорю, что нужна политическая воля. У народов есть желание быть в едином государстве и есть пример объединения Восточной и Западной Германии, когда за одну ночь убрали границу! И нам нужно проявить такую волю. Убежден, что мы придем к этому.

Альфред Гапоненко — генерал-лейтенант, бывший командующим Южной группой войск Организации Варшавского договора, академик.

ОЛЕСЬ БУЗИНА:

«С точки зрения здравого смысла такой страны быть не должно»

— Вы известны как деконструктор тех мифов, которые сложились в украинском обществе. На ваш взгляд, какие сейчас существуют мифологемы, которые следует критически осмыслить и, возможно, развенчать?

О.Б.: Существуют актуальные и неактуальные мифы. К последним относятся те, которые или уже разбиты, или они достаточно слабы. А актуальные — это те, которые находятся на пике своей формы, например, широко рекламируемый нынешним президентом Украины миф о том, что Украине полезно вступить в НАТО и что Украина вступит в НАТО. Второй миф — о вступлении Украины в ЕС, куда она якобы вступит. Третий миф — что все подлинно украинское формировалось на западе Украины, а все остальное какое-то неправильное. Вот эти три основных актуальных мифа сейчас и нуждаются в деконструкции.

— *А миф о голодоморе?*

О.Б.: Это миф, созданный на Западной Украине. На самом деле больше всего о голодоморе говорят те, кто его никогда не испытывал, потому что Западная Украина в 1930-е гг. входила в состав Польши. Как остроумно заметил еще в начале 1990-х гг. один из публицистов Александр Кривенко (редактор газеты «Пост поступ»), «голодомор на Западной Украине — это повод надеть вечерние платья, собраться в Львовском оперном театре и там славно погулять под благовидной шапкой». Но на самом деле голодомор-то был. Геноцида не было. В 1933 г. действительно умерло где-то два млн украинцев-крестьян. Это были зажиточные крестьяне, которые, по советской терминологии, назывались кулаками. В конце концов, в том году чуть не умерли мои предки. Меня бы здесь не сидело, если бы мою бабушку не забрали ее родственники. А другая часть украинцев замечательно делала карьеру в органах советской власти. В том же 1933 году заканчивалось строительство кооперативного дома для украинских советских писателей. В то время достигла пика политика украинизации, когда основная масса всех книг и средств массовой информации на Украине выходила на украинском языке. Возникает вопрос — если в это время украинцев уничтожали за то, что они были украинцами, то почему же тогда имеются совершенно противоположные факты, которые я только что назвал? Значит, это не был геноцид. Что же это тогда было? Это было продолжение общей политики борьбы с зажиточным крестьянством и утверждение колхозного строя, классоцид. Надо просто найти корректные формулировки. Трагедию нужно называть ее действительным именем. Зачем кораблекрушение на воде называть космической катастрофой? Это разные вещи.

— *Насколько сильно, по вашему мнению, сейчас расколото украинское общество? Почему это произошло?*

О.Б.: В 1990-е гг. Украина не взорвалась. Был мощнейший кризис, но в стране сохранялось спокойствие. Если сравнить с Россией, в Украине не было никаких кровавых эксцессов. 1993 г. — в Москве танки возле парламента, а в Киеве затишье. Было такое впечатление, что продолжается застой. Я тогда спрашивал об этом у социологов, ученых (иногда ученые говорят очень здравые мысли). Профессор Головаха из института социологии тогда сказал, что в Украине сложился тогда определенного рода сговор. Верхи могли делать то, что хотели, но не трогали низы, а низы тоже могли делать то, что хотели, но не трогали верхи. Какие были идеалы у верхов? Получить в собственность промышленность. Дерибанить бюджет. А у низов такого аппетита тогда не было. Они хотели джинсов, «видаков». И к 2004 г., к оранжевой революции, сложилась такая ситуация, что верхи получили свои заводы, счета в США и Швейцарии, а низы уже наелись. Шел экономический подъем, к власти пришли Ющенко и Тимошенко. И после этого началось следующее: аппетит у всех вырос, низы окрепли и захотели получить то, что уже имели верхи — собственность, точнее часть вкладов. Они говорили — «дайте хоть что-то». Так возникло радикальное противостояние между буржуазией и частью населения, относящейся к нынешним горожанам. Их трудно назвать пролетариями — он, к примеру, сидит в офисе, но его запросы достаточно высокие. И вот, верхи хотят оставить все как было, а низы захватить хотя бы что-то. В советской формулировке это попадает под определение классовой борьбы. Но, с другой стороны,

появление ультранационалиста-романтика Виктора Ющенко привело к тому, что он попытался украинизировать все в том смысле, что он сам вкладывал в понятие Украины и украинцев. В нынешнем законодательстве регистрируется только гражданство. Украинское гражданство есть, а кем человек является по национальности, даже не учитывается. И Ющенко попытался сделать так, чтобы везде: во Львове, в Киеве, в Севастополе — заговорили на одном языке, хотя в Украине всегда было двуязычие. Большая часть произведений Тараса Шевченко — три четверти — было написано на русском языке! И из этого возникла напряженность между Западом и Востоком страны, между Львовом, как крайней точкой Запада, и Севастополем, как крайней точки Востока, так как Севастополь более ультраантинационалистичен, чем Донецк или Луганск. Если рассматривать эти процессы с точки зрения раскола, нужно понимать, что в Украине люди достаточно мягкие и устраивать гражданскую войну никто не захочет. Уличные драки — это возможно, но естественно в богатой стране как Украина, где полно колбасы, хлеба и теплых квартир, оставшихся от советской власти, будет очень сложно начать все это взаимоуничтожать не понятно во имя чего. Но непонимание между двумя частями Украины уже есть, и Ющенко продолжает его усугублять.

— *Какие еще противоречия вы бы могли выделить? Одни называют присутствие Черноморского флота РФ в Крыму, другие — появление закарпатских сепаратистов, третьи — что-то еще.*

О.Б.: Я думаю, что пребывание Черноморского флота России в Севастополе — это определенная стабильность. Это как

грузило, которое висит на украинском поплавке. В России часто жалеют о даре Хрущева Украине в виде Крыма. И большинство населения Крыма — русскоговорящее — всегда относилось себя к великорусскому этносу. Но если бы этого дара не было, то Украина уже ушла бы в Западную Европу. Для Ющенко уйти в ЕС и НАТО будет не сложно, откажись он от Крыма. И для Украины, которая является внеблоковой страной и у которой стратегическими партнерами являются Россия и США, наличие русского флота в Севастополе является стабилизирующим фактором. Для меня самыми большими проблемами сейчас в Украине являются экономический кризис, отсутствие своих энергоносителей и программ для их переработки. Да, газ можно сжигать для получения никому не нужных качественных болванок, но программ для поддержания высокотехнологичных отраслей, типа космоса, авиостроения, кораблестроения и т.п., в Украине нет. И реально их развивать можно только в кооперации с Российской Федерацией. И даже танки, которые Украина поставляла Грузии, они на 40% по комплектующим были российскими! Политических амбиций много, а программ экономического развития в Украине нет.

— Какой тогда должна быть альтернативная, другая Украина, где могут быть сняты противоречия и решены эти проблемы?

О.Б.: Украина — это страна парадоксов. С точки зрения здравого смысла, с точки зрения того, как бывает, такой страны быть не должно. Тем не менее, она существует. Вот, взять Западную Украину. Если бы ее не присоединил Сталин в 1939 г., то нынешней, противоречивой, Украины вместе с Крымом,

не было бы. Украина должна быть европейской по форме и восточнославянской по сути. Ведь сейчас многие стремятся в Европу, но не признают нынешних европейских ценностей. Украина ратифицировала европейскую хартию о региональных языках, а права граждан половины Украины не признаются. Пытаются навязать культурные модели, хотя, если ты приезжаешь в Германию, откроешь газету и прочитаешь, что открыли новую мечеть, видишь, как уважительно относятся к представителям разных культур. Никто, как Ющенко, не пытается сделать единую поместную церковь. Есть католики и протестанты, но никто в окружении Мергеля не озабочен созданием единой германской поместной церкви. Германской по духу. Есть германское светское государство, а церковь — это совсем другая вещь. Она отделена от государства, и государство не должно вмешиваться в церковные дела. А нынешнее украинское государство вмешивается в свободу совести, в свободу получения информации, в права людей общаться на родном языке. И в современном понимании это далеко не европейская политика. Даже если сейчас в Украине можно иметь очень большие суммы денег, то разговаривать на русском языке или исповедовать православие в его московском варианте тоже, наверное, можно. С другой стороны, принимая европейские ценности, Украина не может не быть частью общерусского мира, частью славянской (я называю ее русской) цивилизации. В этом смысле Украина может очень положительно воздействовать на Россию, так как Россия всегда была либо монархической, либо авторитарной и, если она остается сама по себе, рано или поздно превращается в Россию Ивана Грозного, Россию опричников. Но наличие рядом мягкой, великодушной, в чем-то либеральной Украины не позволит России твердеть. Когда в XVIII–XIX вв. в верхах россий-

ского истеблишмента было много украинцев (Безбородько, Паскевич, Гоголь), это были времена мягкой империи, а стоило прийти к власти представителям кавказского клана, как империя стала жесткой, со всеми кавказскими стереотипами поведения и репрессивным аппаратом во главе. Так что наличие именно такой Украины было бы только благом.

Олесь Бузина — украинский писатель и публицист, автор бестселлеров «Вурдалак Тарас Шевченко» и «Тайная история Украины-Руси».

ДЖОН ЗЕРЗАН: «Будет только хуже»

— *Примитивные народы не обладают чувством исторического времени, постоянно оставаясь в круговороте мифических циклов. Однако, в своей книге «Конец истории», Фрэнсис Фукуяма предлагал модель будущего постмодернистского рая, секуляризированного и высокотехнологичного.*

— Люди жили в совершенно безвременном настоящем, до того как появилось сложное, разделенное общество, до того как появилась работа в качестве отдельной человеческой активности. Сейчас мы живем в искусственном, расформированном настоящем, очерченном в дали пространств технологическими системами и их устройствами. И сейчас в технокультуре, которая расползается по всей планете, это настоящее представляет собой ту работу и изнурение, которых никогда не было до этого, не говоря уже о росте уровня беспокойств, депрессии, стрессов и наркотической зависимости. Мы живем в настоящем, которое определяет Машина, нечто, что свидетельствует о разрушении и внутренней природы и внешней.

— *А соответствует ли культура потребительства самой человеческой природе и как можно стимулировать людей изменить точку зрения по отношению к потребительству?*

— По моему мнению, потребительство не имеет корней в человеческой природе. Излишки и запасы появляются лишь с domestikацией и цивилизацией — так же, как и частная собственность. Культура потребительства поэтому относительно нова. Так что, как она может быть частью нашей «человеческой природы», если люди жили без нее на протяжении более чем двух миллионов лет?

— *А как обстояли дела с насилием в примитивных обществах, существовавших до цивилизации? Какое место в нем занимали убийства?*

— Я нахожу термин «примитивный» не совсем точным. Да, можно обнаружить в «примитивных» обществах много практик, которые мы можем найти довольно отталкивающими. Например, изувечивание женских половых органов, охота за головами, человеческие жертвоприношения. Но это поведение появилось только после определенной domestikации в этих обществах. Это ключевой момент, я думаю, водоразделом была именно domestikация, и, как правило, она открыла эти типы контролируемой активности. Организованное насилие (война) — это другое дело. В обществе охотников и собирателей не было причин для ведения войн. Исключения были крайне редкими.

— *Аристотель сказал, что «человек — это политическое животное». Еще Фридрих фон Хайек вывел «закон джунглей»*

для организации государства (либеральный капитализм). У Гоббса для контроля над обществом был «Левиафан»... Какая часть животного должна присутствовать в человеческой самоорганизации и какая часть сверхчеловеческого (я имею в виду метафизику, религию, традицию)?

— Эти мыслители изначально легитимизировали мир принуждения. Они дали ему идеологический компонент, узаконили его. «Человек — это зло, и его нужно сдерживать», и тому подобные положения. В действительности «закон джунглей» не являлся политическим, потому что борющихся классов не существовало, и заявление о том, что «человек — это политическое животное», говорит только о том, что разделенное, иерархичное общество является политическим по определению. «Закон цивилизации» еще больше связан с этим. Целью, как я ее вижу, является стирание политики, и это может включать стирание ее основ. А я хотел бы видеть мир без машинной работы, без новых схем для прохождения через глобализированный, стандартизированный, разрушающий природу порядок, существующий сейчас. Я хочу видеть радикально децентрализованный мир, где все будет стоять лицом к лицу друг к другу.

— *Тогда перейдем к отчуждению. Это темная сторона особого типа западных людей или может применяться и к азиатским народам так же, как и к примитивным?*

— Социальное отчуждение функционирует в зависимости от того, насколько сложно общество. Это звучит довольно просто, но в этом тезисе мы видим достаточно распространенное соглашение в антропологической, а также этнографической

литературе, которое утверждает, что жизнь охотников и собирателей проходила в согласии, обмене и там отсутствовала иерархия. Это и есть отсутствие отчуждения и является прописной истиной базовых антропологических курсов.

— *Продолжая разговор о человеческой природе, сейчас мы видим, что она интегрирована с технологиями и постмодернистским мышлением. Здесь тебе и смена пола и имплантанты. Где же тогда грань между «старыми добрыми» рудиментами, упоминаемыми Мирча Элиаде как отголосок традиционной примитивной культуры (пирсинг, тату, прокезы) и «прогрессивными» извращениями?*

— Постмодернизм в своих основах — это приспособление к Машине, технокультуре. Технология, как утверждал Хайдеггер, заняла место мышления. «Человеческая природа», как бы то ни было, является началом технологии. Период. Я нахожу это интеллектуальной и этической трусостью. Еще это посвящение того, что широко отражает технологию: отсутствие значения, отсутствие оснований для мысли, изоляция, дисперсность, цинизм и т.д.

— *Утилизация знания является одним из путей к достижению власти, которая ведет к иерархическому обществу. Опять же, в одной руке у нас находится память как база данных с эмпирическим опытом, а в другой — если повезет — пророческое знание. И как мы его в таком случае можем описать — как проявленную энергию, исходящую из идей Платона или результат сложного цикла, который можно просчитать?*

— Пророческое знание в форме утопического мышления (понятие Блоха «все еще не») в эру постмодерна было сильно обесценено. Однако нам нужен оптимизм, который оно воплощает. Здесь, в настоящем, мало передового мышления, потому что надежды на позитивные перемены видятся как какой-то назойливый гул.

— *Как ты считаешь, где и когда возникла та точка, с которой началось искажение механизма принятия решений в обществе, что шаг за шагом привело к установлению нынешней политической системы (я имею в виду так называемую «демократическую» модель)?*

— Я думаю, что политика отражает факт неравенства и потери равновесия в обществе. Она не была нужна до того, как не наступила подобная реальность. В этом смысле некоторые называют лишь анархическое общество обществом связанным. Демократические путы во многом безуспешны, и они содержат в себе чрезмерность разделенного, контролируемого элитой общества. Точкой должно быть создание маломасштабного общества, где жизнь будет открытой, а политика, которая сама по себе излишня, не будет нужна.

— *Электоральная система... Парламентаризм выглядит довольно неэффективным для качественной и действительно демократической организации общества.*

— Электоральная политика — это фиговый листик, предназначавшийся для того, чтобы спрятать реальную систему доминирования, ту, которая продвигалась первоначальными установками, такими, как разделение труда (специализация)

и одомашнивание (доместикация труда). И политика не направлена на эти базовые установки. Современность/массовое общество просто допускает их, и эти сферы все еще могут быть возвышены или проблематизированы. До тех пор, пока эти установки будут допускаться, мы гарантируем, что все будет становиться только хуже.

Джон Зерзан — американский философ, основатель «Антицивилизационного движения», критик современности, массового общества и технокультуры. Автор книг «Elements of Refusal», «Questioning Technology», «Future Primitive», «Against Civilization», «Running On Emptiness», «Twilight of the Machines». На русском языке издана его работа «Первобытный человек будущего».

УИЛЬЯМ ЭНГДАЛЬ: «Мы являемся свидетелями смерти неолиберальной идеологии»

— В докладе американских спецслужб «Глобальные тенденции 2025» указано, что новые конфликты будут возможны из-за неадекватных поставок нефти странами, которые не являются членами ОПЕК. Не является ли это скрытой критикой в адрес России, Ирана и других стран, таких, как Венесуэла, которые не согласны с внешней политикой США?

— Оккупация США Ирака в 2003 г. четко продемонстрировала, что внешняя политика США и так называемая стратегия национальной безопасности направлены на достижение тотального военного контроля над всеми основными запасами нефти на планете. Специфической целью в этой политике является российская нефть, не только по причине второго по величине запасов месторождения в мире, но также из-за того, что уникальное геофизическое расположение и последние 50 лет независимого российского нефтяного развития ставят под угрозу возможности Вашингтона использовать нефть для контроля над конкурентами, такими, как Китай или Западная Европа.

— В последние годы на повестке дня у многих правительств стоит проблема изменения климата. Считается, что это во многом связано с добычей газа и нефти. Например, фактор сгорания побочных продуктов приводит к перепадам атмосферного давления и ухудшению погодных условий в регионе.

— Климатическая паника или то, что обычно называют «глобальным потеплением», базируется на научном мошенничестве, которым в значительной степени занимаются американские ученые-метеорологи, такие, как Джеймс Хэнзен из IPCC NASA, который, как доказали его коллеги по науке, преднамеренно сфальсифицировал или неправильно использовал статистические данные для того, чтобы показать тревожный «климатический прогноз». Нет таких компьютерных моделей климата на планете, которые могут спрогнозировать погоду в мире на ближайшие шесть дней, не говоря уже о ближайших шести десятилетиях. Это — доказуемый факт. Глобальное потепление появилось на повестке дня в 2004 г. вслед за войной в Ираке, когда Пентагон выпустил тревожное сообщение на эту тему, а СМИ покорно и быстро сделали его главной темой дня. Искусственные выбросы независимо от того, насколько они загрязнены или токсичны в локальном масштабе, в настоящее время никак не влияют на климат в макрорегионе земли, и слава Богу. Природный газ и нефть — два самых чистых и самых полезных вида топлива, которые до нынешнего времени были открыты людьми. Оба вида сырья имеются в огромном изобилии, что ваши российские ученые давно доказали в своих исследованиях, проводившихся с 1950-х гг. Теперь они наконец-то имеют возможность получить признание, что было невозможно во время эпохи холодной войны.

— *А что насчет новых технологий в энергетическом секторе?*

— Я уже упоминал об этом. Большинство того, что называют «альтернативными» источниками энергии, является шуткой. Ветер? Солнечные батареи? И самым преступным является надувательство с «биотопливом», т.к. мы выращиваем зерно и другие зерновые культуры не для того, чтобы накормить голодный и разоренный мир, а чтобы сжечь его как заменитель (между прочим, очень ядовитый и коррозионный) бензина. Организации, занимающиеся биотопливом в США и ЕС, ответственны, как показывают последние исследования Всемирного банка, за недавнее 75% повышение мировых цен на зерно прошлым летом.

— *В вашей книге «Столетие войны» МВФ упомянут как агент неолиберального влияния на территории постсоветского пространства. МВФ и Всемирный Банк сильно критиковались за их деструктивную политику в развивающихся странах. Но Россия сумела вырваться из экономической петли этих организаций, в то время как остальные постсоветские республики продолжают сотрудничать с МВФ и ВБ, применяя программы структурного регулирования. Каковы результаты ваших личных исследований деятельности МВФ и ВБ на территории Евразии и других регионов?*

— Структура Международного валютного фонда была первоначально разработана Вашингтоном, и с тех пор контроль над процессом голосования находится у Вашингтона и его союзника Великобритании. Это была часть секретного на тот момент проекта, называвшегося «War & Peace Studies» и финан-

сировавшегося Фондом Рокфеллера с 1939 г. для того, чтобы разработать генеральный план американского послевоенного геополитического господства. Было два варианта, рассматривавшихся в 1944 г. в американских кругах власти. Согласно первому предполагалось использовать Россию как «союзника», чтобы содержать Германию после войны. Второй, который Черчилль убедил принять Трумэна, должен был внезапно превратить военного союзника Америки, Советский Союз, в «империю зла», — термин, который потом любил повторять Рейган. Холодная война нагнеталась, и вначале была спровоцирована Черчиллем, который играл на страхах Сталина перед британскими проектами в Западной Европе, а затем использовалась американскими властными элитами из окружения Гарримена, Кеннана и братьев Дуллс.

При президентстве Трумэна и Эйзенхауэра на ключевых постах доминировали люди Рокфеллера, так же как и при Никсоне, Картере, Рейгане, обеих Бушах (семья Буша — это придаток политической фракции Рокфеллеров в американской элите). Семья Рокфеллеров после Второй мировой войны стала, возможно, самой сильной семьей на планете. Их контроль над американскими СМИ, мозговыми центрами, университетскими исследованиями, внешней политикой позволил им сформировать то, что издатель «Time» Генри Льюс в своей известной передовице за 1941 г., назвал «американским столетием».

Американские элиты после Первой мировой войны изучили и адаптировали британскую геополитику как свою собственную науку. Сэр Хэлфорд Макиндер был приглашен в 1943 г. для работы в журнале «Foreign Affairs», издававшемся Рокфеллеровской и влиятельной организацией из Нью-Йорка «Совет по Международным отношениям».

— *Экономический кризис показал всему миру бессилие МВФ и ВБ. Можем ли мы начать говорить о закате неолиберальной идеологии в целом? И утверждать, что неолиберальное устройство неадекватно и неприемлемо?*

— Да! Мы являемся очевидцами не только «смерти неолиберальной идеологии». Мы видим смерть долларовой системы Бреттон-Вудских соглашений 1944 г., одного из самых эффективных средств экономического империализма, когда-либо созданного на планете. Американские элиты приняли сознательное решение во время Второй мировой войны умно представить себя миру как «хороших парней» и отрицать свою фактическую имперскую повестку дня. Их пропагандистская машина объявила Америку «защитницей свободы, колониального освобождения и свободного рынка». Это была блестящая успешная стратегия, пока фонды американской экономики в результате политики глобального расширения не начали загнивать из-за своей халатности, так как американские корпорации, начиная с 1980-х гг., интересовались ростом прибыли от дешевых трудовых ресурсов за границей. Кризис, который теперь разворачивается в Соединенных Штатах, понимают лишь немногие экономисты. Это принцип действия доминирования экономики «laissez faire» (невмешательство государства в экономику — Л.С.) Мильтона Фридмана, который начали преподавать в американских университетах с начала 1970-х гг. В результате они не умеют думать, или думать могут очень немногие. Посмотрите, какую катастрофу высшие чиновники США сотворили из ситуации, которая сложилась в сентябре прошлого года с банком Goldman Sachs! Министр финансов США Генри Полсон и Президент ФРС Тим Гейтнер

решили «дать Lehman Brothers обанкротиться». Это внезапно сделало всю глобальную платежную систему не поддающейся учету. Ни один банк не доверяет другим банкам. И нет никакого ясного представления, какие банки или даже страховые компании были «слишком большими, чтобы привести к этому». Именно это вызвало массовую репатриацию капитала в доллары за последние несколько месяцев, что привело к проблемам в таких странах, как Украина, и даже в России. Проблема Украины, однако, состоит не только в неумелом экономическом руководстве. Украина, с тех пор как Вашингтон профинансировал удачную «оранжевую революцию» Ющенко в 2004 г., была приоритетным проектом стратегии Пентагона по плану окружения России, которая, тем не менее, остается единственной силой, обладающей военными возможностями противостоять американскому давлению. Если Вашингтон реализует свою цель, которая в Пентагоне называется Полным спектром доминирования, то это буквально разрушит Россию как жизнеспособное государство. Шоковая терапия МВФ в 1991 г. и «Гарвардские дети», такие, как Джеффри Сакс, были первой фазой разрушения экономических систем России и СНГ. Эти программы никогда не были направлены на создание устойчивых, функционирующих государств. Слишком многие в России и Украине, по моему мнению, были наивны в вопросах побуждений Запада, особенно Вашингтона, независимо от того, кто его представлял — Буш старший, Клинтон или Буш младший. Американское жизненное пространство и контроль над миром — их единственное беспокойство.

— Но у нас еще довольно много групп, базирующихся на не-либеральных принципах. Представительства Совета по

международным отношениям, PНАМ и различные параллельные структуры находятся в России и Европе. Что нам нужно для того, чтобы прекратить иностранное влияние — политическая воля лидеров государств или более практические интеллектуальные исследования экспертов и независимых мозговых центров?

— По моему мнению, нам срочно нужно и то и другое. В настоящее время мы переживаем такой исторический момент, когда заканчивается столетняя, или даже еще более длинная эпоха англо-американского глобального господства. То, что важно для различных правительственных лидеров во всем мире, — это иметь смелость встать и указать пальцем на Вашингтон и, не питая никаких иллюзий насчет того, что внешняя политика Обамы будет или может быть немного отличной от проводимой Бушем-Чейни, сказать им: «А король-то голый!», как в известной сказке Г. Х. Андерсена.

Мои различные работы, которые размещены на международных вебсайтах и блогах, таких, как и ваш, являются скромной попыткой пролить свет на темные стороны политики, которые слишком мало поняты. У других тоже должна быть храбрость поступать так же.

— *А в американском истеблишменте все еще придерживаются доктрины «Предопределенной судьбы» (Manifest destiny) и исторической миссии?*

— Вы сами прекрасно знаете, что все это существует. С тех пор как американский империалистический историк Фредерик Джексон Тернер развил свой тезис «Предопределенной судьбы» Америки в 1890-е гг., Брукс Адамс из президентской

семьи расширил эту концепцию на весь остальной мир как данное Богом право Америки. Как и Великобритания, начиная с королевы Елизаветы I, элиты Соединенных Штатов развивали концепцию «Предопределенной судьбы» как псевдо-религиозное прикрытие для их тупой имперской повестки дня. Она осталась и сегодня, достаточно посмотреть на Афганистан и Ирак. Кто может серьезно полагать, что американские войска находятся в Кабуле для того, чтобы найти Осаму бин Ладена? Или в Ираке, чтобы ликвидировать угрозу, исходящую от оружия массового поражения Саддама Хусейна, о чем говорил Джордж Буш незадолго до того. Я нахожу это определенной структурой масонской или мистической веры, которая позволяет американским властным элитам оправдать свой грубый экспансионизм.

— *Вы также являетесь автором книги про ГМО и сети транснациональных корпораций. Могли бы вы рассказать о фактах ротации глобальной элиты во властных и корпоративных кругах Запада?*

— Например, есть связь между генералами Пентагона и военно-промышленным комплексом, куда отставные генералы или адмиралы уходят работать в качестве высокооплачиваемых лоббистов ведущих оборонных предприятий, и они возвращаются, чтобы защищать своих новых клиентов в вопросах оборонных проектов. Та же самая коррупция распространена и в пищевой промышленности, когда американские правительственные чиновники из администрации Food & Drugs или департамента по сельскому хозяйству покидают Вашингтон, чтобы занять посты ведущих управленцев в таких компаниях, как Monsanto. Частная промышленность

в числе основных 500 компаний фактически разрушила необходимую независимую функцию сторожевых псов американских правительственных агентств, что стало заметно при правительстве Рейгана, которое с 1980-х гг. стало «прекращать регулирование».

— *Мистер Энгдаль, вы недавно вернулись из Азии. Могли бы вы рассказать о геополитических сдвигах, а также социально-политических тенденциях, имеющих место в этом регионе?*

— Мои переговоры в Пекине и других городах Китая дают мне возможность понять, что существует серьезный пересмотр прежних мнений, происходящий на высшем уровне в правительстве и академических кругах Китая. Я постоянно излагал предельно ясно свое мнение о том, что для благополучия более безопасного и спокойного мира, независимо от прошлых исторических трений, для Китая будет иметь важное значение стратегическая реализация более тесного сотрудничества во всех областях с Россией. Мир нуждается в силе, которая сгруппируется для уравнивания слишком односторонней единственной супердержавы США, и, например, Шанхайская организация сотрудничества является потенциальным зародышем такой евразийской структуры, кстати, и худшим из кошмаров для геополитиков Великобритании и американских мыслителей, таких, как Киссинджер или Бжезинский.

— *Да, в одной из своих последних статей вы писали об интересах Китая по отношению к Африке, а также об американских военных структурах на этом континенте. Если*

принять во внимание историю управляемых конфликтов из-за минеральных ресурсов (колтан и алмазы, например) в этом регионе, какие еще могут быть схемы влияния агентов и действий акторов?

— От Дарфура до Конго и дальше в Африке США начали разворачивать свои структуры для того, чтобы подрезать довольно умную экономическую дипломатию Китая в стиле «не-МВФ» в Африке, ведь Китаю жизненно необходимо стратегическое сырье, такое, как нефть, колтан, медь и др. Вашингтон был разъярен, когда понял, что Пекин игнорировал МВФ и что он с помощью прямых двусторонних льготных кредитов обеспечивает себя ресурсами. Вашингтон расценивал Африку как гигантскую американскую колонию, которая при желании будет эксплуатироваться посредством «условий» МВФ и т.п., а тут появляется китайский выскочка и делает успехи за успехами. Пентагон только что принял план, предложенный, что интересно, новым советником Обамы по национальной безопасности, генералом Джеймсом Джоунсом, по созданию особо новых сил USAFRICOR. Причина этому — Китай.

Уильям Энгдаль — специалист по глобальной экономике, независимый журналист, проживающий в Германии, автор книг «Семена разрушения», «Столетие войны» и «Полный спектр доминирования».

ДЖУЛЬЕТТО КЪЕЗА: «Есть люди, сознательно идущие к Армагеддону»

— Вы являетесь автором книги «Zero», в которой проводите расследование так называемых терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001. Вы, как и многие другие исследователи, приходите к выводу, что это сделало руководство США, для того чтобы стабилизировать свою экономическую систему. Исходя из нового наступившего кризиса, какие могут быть у администрации США попытки его решения — продолжение линии военного кейнсианства или нечто новое?

— Несмотря на признаки того, что внутри элиты США произошел некий поворот (есть силы, которые понимают невозможность продолжения предыдущего курса, я считаю, что их более-менее представляет Обама), альтернативная теория развития Америки в их представлении состоит в том, что рано или поздно США опять смогут прийти к лидерству над миром и что образ их жизни и мысли будет распространен на весь мир. И эти взгляды имеют место даже среди самых прогрессивных слоев американского населения. Конечно, я рас-

суждаю реалистически. Если есть силы, которые в любом случае хотят выйти из нынешнего кризиса, мы должны их поддерживать. Это политическое решение — поддерживать тех, кто хочет избежать столкновений и военного кризиса. Но в Америке, и не только там, есть силы, которые думают в стратегически противоположном направлении. Эти люди очень опасны. Это, по существу, те же персоны, которые придумали 11 сентября. Хотелось бы добавить один пункт, над которым все должны поразмышлять, так как я замечаю постоянную ошибку и наших, западных, и ваших, российских, комментаторов. Она состоит в том, что мы в отношениях со второй частью американской (и не только) элиты, которую я называю «суперкланом», мировой группой, которая установила Вашингтонский консенсус и продолжала управлять миром последние 25 лет, не можем иметь никаких дел на базе политкорректности. Когда мы анализируем их поведение, то совершаем техническую ошибку. Если рассуждать разумно, то нельзя придумать ни 11 сентября, ни мировой кризис, ни мировую войну, потому что это сумасшедшие планы. Но есть люди, которые рассуждают по-сумасшедшему, поэтому с ними нельзя разговаривать политкорректно, так как это приведет к ошибкам. К примеру, посмотрите на руководство Израиля. Они ведут себя как сумасшедшие, потому что у них есть религиозные побуждения. Они считают, что эта земля принадлежит им как дар Бога. Люди, которые рассуждают подобным образом, никогда не будут способны на диалог с палестинцами. У них, по сионистской теории, есть только два варианта: или уничтожить, или выгнать всех палестинцев. Поэтому, это, по существу, религиозный разговор. И если я думаю, что смогу сесть за стол переговоров, то я ошибаюсь и просто потеряю время. А эта трагедия будет продолжаться.

Здесь еще нужно понимать, что израильское руководство, к сожалению, имеет полную поддержку всего израильского народа, и выход возможен в том случае, если будет очень сильное внешнее давление против этого народа и его властей. Я не призываю к войне с Израилем, но ведь можно ограничить поставки вооружений в эту страну, установить торговое эмбарго, научный бойкот и т.д.

Есть люди, сознательно идущие к Армагеддону, считающие, что они смогут выжить за счет остальных. И если анализировать их поведение с точки зрения политкорректности, мы их не поймем, потому что это сумасшествие. Мы имеем дело с криминальными группами, которыми управляют криминальные и религиозные убеждения и которым нет места за столом политических переговоров. Я заявлял, что США готовят атаку против Ирана, а люди, которые размышляют в рамках политкорректности, говорят, что это невозможно, так как США заняты в Ираке и Афганистане. Как может случиться, что США могут развязать еще одну войну? Так рассуждают логически мыслящие люди. Но это ошибка, потому что в США думают иначе. Они полагают, что обладают ядерным оружием и монополией на силу и если они потеряют эту монополию силы, то для них это будет очень опасно. Так оно и есть. А вот можно предположить, что, вдруг, Обама идет на переговоры и перемирие с Ираном, и тогда это будет самой большой опасностью для Израиля. Они уже готовы к атаке. И как только Обама начнет думать, что возможно примирение с Ираном на базе стратегических интересов, Израиль совершит нападение. Это реальность. За три дня до нападения на Сектор Газы Израиль попросил разрешения на удар по ядерным объектам Ирана. Это было опубликовано в газете «Нью-Йорк Таймс». Нападение готовилось. В тот раз Буш не разрешил им совершить нападение по разным причинам,

но война уже подготовлена. Поэтому эти вещи надо анализировать так, какими они являются — есть криминальные и сумасшедшие группы, которые являются частью суперклана, и они готовы на все. Опасность для нашего существования очень высока, но ее практически не видно. Та всеобщая тревога, которая сегодня наблюдается, относится к производству, энергии, климату и т.д., но тревоги по поводу войны нет, хотя мысли о ней присутствуют в определенных кругах мировой элиты.

— *Говоря о религиозных кругах, вы имели ввиду эсхатологические протестантские секты из американского руководства?*

— Да, эта проблема давно изучена. Неоконсерваторы в США, исходя из протестантских убеждений, тесно связаны с определенными сионистскими кругами. Они считают, что рано или поздно еврейский народ нужно конвертировать в христианскую религию. Конечно, это тоже сумасшествие, но, читая знаменитые документы организации Project for the New American Century, можно увидеть, что это по настоящему ненормальные люди, которые готовы на все, лишь бы осуществить этот план. Согласно этому плану альянс между представителями этого христианства и еврейства приведет к новому мировому порядку, созданному на базе американских ценностей.

Только люди, которые потеряли все убеждения и веру, могут думать, что XXI век может быть американским. Американский век означает войну, войну против всего остального мира. Это элементарно как дважды два. Этот документ, созданный фанатичными силами, показывает, что самый большой фундаментализм (в негативном выражении) исходит оттуда, а не из мусульманского мира. Нам предлагают нынешнюю версию мира как всеобщую борьбу против исламского

терроризма, когда это на самом деле является проектированием протестантских устремлений на мусульманский мир.

— Вы являетесь депутатом Европарламента, поэтому хотелось бы узнать ситуацию изнутри ЕС — как изменилось отношение европейских политиков и рядовых граждан к военному присутствию США в Европе, ведь там находятся их крупнейшие военные базы — в Германии, Португалии, Средиземноморский флот размещен в Италии?

— Постепенно, но очень медленно набирает силу тенденция осознания, что интересы США не совпадают с интересами Европы. Это очевидно даже среди кругов крупного бизнеса и корпораций. Но мы имеем 50-летнее наследие «холодной войны». И группы антирусского направления формировались в эту эпоху. В течение 50-ти лет работала целая армия пропагандистов против Советского Союза и России. Было видно антисоветское направление, но так как Советского Союза уже нет, это по инерции было перенесено на Россию. А идеи России так же, как, например, идеи Китая, просто не доходят до Европы. Мы живем в информационном поле, которое уже умерло, но инерция от него сохранилась. Ваш вопрос очень важный. Когда я наблюдаю атмосферу в Европарламенте, то замечаю, что пока еще преобладают сильные антирусские настроения. Но иногда проявляется и реализм. Когда я говорю, что наши интересы (Европы и России) совпадают, то люди соглашаются с этим, они ведь не слепые. Но вместе с этим продолжают работать старые клише. Это, очевидно, переходный момент.

Я хотел бы сказать, что Россия должна помочь ускорить этот переходный процесс. Но из России до сих пор в Европу

информация не поступает, связи не развиваются... А это капиталовложения, которые стратегически будут чрезвычайно важными. По моей оценке, последние 15 лет Россия замкнута в себе. Это случилось после шока экономических реформ, я это понимаю, вы понимаете еще лучше. Но российские идеи могут распространяться и в Европе. Ведь там сохранилось старое мышление, а противопоставить ему нечего. А Европе нужны новые идеи. Ваш историк как-то сказал, что Россия — это мир миров. И для Европы было бы интересно получить этот вклад. Европа тоже мир миров, но вместе эти страны представляют огромное количество разных культур, и необходимо только организовать этот контакт. Конечно, все произойдет спонтанно, но это будет происходить долго. Реально можно сделать много совместных вещей, и для этого есть простор для действия. Нужно, чтобы не только российские политические элиты, но и культурные нашли способ поговорить с Европой.

— *Европа, в принципе, открыта для диалога?*

— Общественное мнение, безусловно, открыто для диалога. Препятствий нет. Там широкий простор и для научной и для другой деятельности. Такие инициативы не будут встречать сопротивления. Наоборот. Политические арены еще определенным образом закрыты, но это — одно, а общество — это другое. Есть изменения, поэтому их нужно использовать, нужно действовать.

Джульетто Къеза — депутат Европарламента, автор ряда бестселлеров и независимый публицист, президент ассоциации «МегаЧип».

МИШЕЛЬ ЧОССУДОВСКИ: «Количество необеспеченных денег будет только нарастать»

— *Насколько зависят экономики Канады и Латинской Америки от обязательств в рамках договора НАФТА и ВТО? Какие последствия они могут вызвать?*

— Что касается НАФТА, то Канада, Мексика и США, имеют в рамках этой организации специфическое торговое соглашение. Я думаю, что главная черта этого соглашения состоит в том, что торговая составляющая в нем не является основной. Это соглашение позволяет американским и канадским компаниям переносить производство в Мексику, где зарплаты существенно ниже, чем в Канаде и США. Мексика становится главной территорией для инвестиций и индустриального производства. Другой аспект состоит в том, что в 1980-е гг., еще до подписания соглашения в Мексике, на американо-мексиканской границе была создана зона свободной торговли, т.н. «макила», где зарплаты на предприятиях были самые низкие. Благодаря этому был обеспечен экспорт дешевых товаров в США. Создание торгового Совета было ключевым и решающим событием для

выведения основных производственных мощностей из Канады в такие страны, как Мексика и Бразилия. Торговое соглашение ускорило перевод производства на другие территории, так называемую «делокализацию». Продажа прав интеллектуальной собственности за пределы развитых стран позволила НАФТА и ВТО перейти к сотрудничеству на более высоком уровне. Торговые соглашения привели к тому, что контроль над сектором финансовых услуг был ослаблен. По моему мнению, это особенно быстро происходило в последние три года в банковской сфере США и Канады. Другой важный экономический проект в рамках НАФТА — это АТАА (Программа помощи в альтернативном торговом регулировании) в зоне свободной торговли, которая была направлена на содействие лицам, потерявшим работу из-за увеличения импорта продукции в США. Этот проект, созданный в 1992 г. для того, чтобы расширить рамки НАФТА, провалился из-за сопротивления некоторых латиноамериканских стран. С другой стороны, у США есть много двусторонних соглашений с этими странами. Опять же, я думаю, вопрос совместной торговли не является ключевым аспектом. Главное для Канады — это открытость экономик для инвестиций из других стран (США, Бразилия) и интеграция финансовых учреждений (банков и т.д.).

Другой аспект — проникновение иностранных инвестиций в неэкономические сферы — различные секторы обслуживания и образование. Например, на Карибских островах возникают частные университеты. На Ямайке открылся Американский университет. По соглашению в рамках ВТО он имеет право получать субсидии от государства.

— Г-н Чоссудовский, как Вы оцениваете возможность введения новой валюты — амеро — в США и Североамериканском регионе?

— Перспектива этого вполне реальна, хотя никаких официальных заявлений на этот счет не делалось. По сообщениям прессы, готовится соглашение между США, Канадой и Мексикой. Это явилось бы логичным продолжением экономической интеграции, которая завершилась бы созданием Североамериканского финансового союза. Это не только экономический, но и стратегический и военный проект. Продолжением интеграции было бы создание региональной финансовой системы безопасности, но я никогда не слышал каких-либо заявлений со стороны правительственных чиновников по этому поводу. На нашем сайте есть несколько докладов и статей на эту тему. Недавно мы опубликовали очередную доклад с прогнозом о создании единой североамериканской валюты.

— *То есть Вы считаете, что это возможно?*

— Да! Падение доллара США может в реальности привести к этому. Это будет механизм избавления от необеспеченных ценных бумаг, которые накопились у многих стран, особенно у Китая и Японии. Эта программа интеграции не будет похожа на тот проект создания единой валюты, которым руководствовался Европейский Союз. Финансовые системы Мексики и Канады настолько завязли в долларовой паутине, что любые масштабные перемены в финансовой системе США не могут на них не отразиться. Федеральная резервная система США располагает двенадцатью резервными банками. В Канаде у нас тоже есть банки, которые интегрированы в Резервную систему. В Мексике тоже есть тринадцать или четырнадцать подобных банков. Это поможет в создании новой валюты. Я усматриваю такую возможность еще из-за слабости доллара.

— Как Вы думаете, возможны ли масштабные перемены в американской финансовой политике в период правления администрации Обамы или дальнейшее развитие американской экономики будет происходить в русле «военного кейнсианства»?

Я считаю, что экономическая команда Обамы, пришедшая к управлению экономикой, состоит из людей, которые были архитекторами финансовой глобализации в 1990-х гг. Включая Лорена Саммерса, Роберта Рубина, Пола Бернанке, который был руководителем ФРС в администрации Рейгана. Эти люди фактически руководили дерегуляцией финансовой системы. При них происходила интеграция коммерческих банков, бирж ценных бумаг и держателей крупных пакетов акций. Эти люди постепенно ликвидировали основы финансового регулирования, введенные при администрации Рузвельта. И это позволило американским коммерческим банкам проникнуть на финансовый рынок и начать свои спекулятивные стратегии. Люди, которые были архитекторами этой структуры, архитекторами кризиса, были призваны Обамой для того, чтобы этот кризис разрешить. Решение кризиса, которое они предлагают, — это закачка миллиардов и миллиардов долларов в банки. В результате финансовые учреждения получают сектор реальной экономики. Финансовые компании в экономической системе США уже полностью поглотили и затенили сектор реальной экономики. Из-за этого начинают разваливаться даже такие крупные компании, как «Дженерал Моторс».

— Вы думаете, что те деньги, которые Обама закачивает в банки, тоже ничем не обеспечены?

— Я думаю, что количество необеспеченных денег будет только нарастать, как это было при администрации Буша. Мы говорим о сумме между 700 млрд и 1 трлн долларов. Но эти деньги предоставлены банкам, они не будут иметь никакого влияния на реальную экономику и не создадут новых рабочих мест. По такой схеме банки не будут доступны для промышленных компаний и эти суммы не внесут никакого вклада в реальную экономику. К тому же откуда они возьмут эту сумму, если прогнозируемый бюджетный дефицит — 1,75 трлн долл., 12% ВВП США? Это на 40% больше, чем общая сумма кредитов, выданных американским гражданам. Сумма наличности в ФРС США — 1,45 трлн долл., что существенно меньше потерь от кризиса.

— *Возможно ли появление в развитых странах Запада новой мобилизационной экономики, которая заставит граждан развитых стран отказаться от привычно высокого уровня жизни?*

— В принципе, я считаю это возможным, но правящие группы, которые стоят у власти в западных странах на это в ближайшее время не пойдут, так как не готовы к такому повороту событий. Данный шаг противоречит так называемому «вашингтонскому консенсусу». Они отрицательно относятся к таким возможным мерам, как снижение зарплат и т.д. Определенные бизнес-круги, однако, на данный момент заинтересованы, скорее, в централизации и концентрации финансового могущества в пределах мировой экономической системы, нежели в дальнейшей либерализации и дерегуляции. Чтобы избежать длительной рецессии в эпоху нынешнего финансового кризиса, они готовы перевести экономику

на военные рельсы. Это позволит создать новые рабочие места в ВПК и т.д. В этом заинтересованы нефтяные компании и крупные производители вооружения. Вы в России должны чувствовать эту приближающуюся милитаризацию по расширению НАТО на Восток в районе Черного моря и Прибалтики, по попыткам окружения России. Может наступить доминирование военной системы, направленное на контроль над территориями и природными ресурсами.

— *Как Вы оценивает возможности, открывающиеся перед Китаем и Россией в период кризиса, принять участие в «Большой игре» и повлиять на мировую геополитическую ситуацию?*

— Думаю, было бы очень важно, чтобы Россия и Китай сохранили свой экономический и политический суверенитет. Однако, во-первых, на сегодняшний день Китай — промышленная колония развитых стран. Во-вторых, финансовая система Китая и России зависит от финансовых учреждений Запада. Функция Китая сейчас состоит в экспорте дешевых товаров на мировой рынок. Давайте поинтересуемся, какой социальный строй существует сейчас в Китае, — отсутствие социальных гарантий, высокий уровень безработицы. Это не социалистическая экономика. Китайская экономика больше построена на угнетении. На мой взгляд, было бы очень важно, если бы Китай или Россия сформировали альтернативную современному капитализму социально-экономическую модель. Данная модель основывалась бы на уважении к простым людям. Эта новая система включала бы в себя черты кейнсианского проекта. У Вас в России есть хорошие шансы создания

такой модели, с учетом прежнего советского опыта. Такая модель предусматривала бы усиление роли государства, социальный контроль над экономикой, социальную ориентированность промышленности и сельского хозяйства.

(совместно с Александром Кузнецовым)

Мишель Чоссудовски — профессор экономики Оттавского университета, директор Центра исследования глобализации.

АЛЕКСАНДР АГЕЕВ: «Нужно развивать свой социальный капитал, создать общество солидарности»

— Россия, как известно, страна парадоксов: с одной стороны, вроде бы хорошо функционирует государственный сектор экономики, а с другой — страдают регионы. Как можно выправить такое искривление?

— Если «гений — парадоксов друг», то сомнений нет: Россия — парадоксальная страна. Еще Черчилль заметил, что страна наша — тайна, упакованная в секреты. Да, Россия — страна неожиданностей, сюрпризов, страна невероятных, часто — вопиющих — разрывов по всем параметрам. Но аршином общим, прав Тютчев, ее не измерить. С одной стороны, колоссальные национальные богатства, уникальные возможности, невероятный опыт созидания государственности и межнационального векового общения, выжившие в войнах святыни и память о подвигах известных и неизвестных героев, а с другой — в прошлом — трагедии, утраты, отступления от идеалов, «слезы несбывшихся надежд», в настоящем — позорные пропорции распределения богатства, очаги немыслимой нищеты и предельно

заниженные ожидания. С третьей — невероятно терпеливое население, которое, правда, «долго запрягает», а потом срывается в «бессмысленный и беспощадный...». Словом, большая, очень большая во всех смыслах страна. Отсюда и парадоксы. Отсюда и непрекращающаяся гражданская война, если не на плацдармах, то на идеологических полях.

С одной стороны, полюс с экстравысоким доходом на душу населения — Москва, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский округа, а с другой стороны — в целом ряде регионов ужаснейшие условия жизни. Это раньше называлось диспропорциями территориального, социального, экономического, отраслевого развития. У нас есть места с чудовищной экологией, где жить невозможно, и есть удивительные девственные заповедники. В этом и других разнообразиях и наша сила, и, безусловно, слабость.

За последние 20 лет диспропорции значительно усилились. Такую большую страну нельзя отдавать на растерзание стихии рынка. Нельзя, например, вводить в метро рыночные цены, потому что доход от работы метро не сводится к доходу метрополитена. Доход получает весь город, вся страна. То же самое относится к воздушному сообщению. Почему-то Франция с ее вполне рыночной экономикой позволяет своим гражданам летать в колониальные территории по предельно низким ценам — так обеспечивается территориальное единство страны, а у нас авиабилет на Дальний Восток стоит дороже, чем авиабилет до Вены. Подобные рыночные дефекты надо устранять, учитывая социальные эффекты.

— *В конце 2008 года мы столкнулись с таким явлением, как глобальный финансовый кризис. Какой, на Ваш взгляд, есть выход у России в этой ситуации?*

— В действительности наш кризис начался в августе, а мировой в конце 2007 года. Тот клубок событий и процессов, который так легко и чересчур расширительно маркируется термином «кризис», надолго. Кризис — это не только сдувание «финансовых пузырей» (делеверидж, списание токсичных активов, восстановление регуляторов и т.п.). Более серьезный пласт кризисной эпохи — переход к новому технологическому укладу. Он никогда не происходил безболезненно. У кризиса есть свое вполне рукотворное измерение. Так, вхождение США, а вслед за ними всего мира, в фазу обострения кризиса осенью 2008 года не было только лишь сбоем глобальных и национальных рыночных институтов. Очень серьезные мотивы форсирования определенными кругами кризисных напряжений связаны с американо-китайским соперничеством. Но нити кризиса тянутся, в конечном счете, к борьбе культовых субстанций. За потребительским обществом скрывается весьма древний набычившийся идол. Кризисные метастазы во многом обязаны его влияниям.

Что касается выхода России из собственного и глобального кризиса, то он, как ни странно, весьма очевиден. Но вопрос не в обрисовке пути, а в способности им пройти. Для этого необходимы просвещенная воля и беззаветное служение стране ее лидеров, без преувеличения геройские и обязательно компетентные усилия по целому спектру проектов, массовый всеобуч. Необходимо всеми доступными средствами повысить эмоционально-психологическую устойчивость нации и укрепить позитивные творческие установки и ценности.

Кризис — это важный жизненный урок. Наша задача состоит в том, чтобы учиться, и при этом не отчаиваться. Человеку не так много нужно, чтобы выжить. Иногда достаточно лишь провести переоценку самого себя, своих возможностей. Кроме того, нужно развивать свой социальный

капитал, создать общество солидарности. Словом, кризис в персональном измерении — это вопрос переоценки самих себя. Нужно быть универсально подготовленным «спецназовцем» жизни.

В конкретном плане стоит вспомнить, как наши предки разрешали проблемы и посерьезнее. Например, как перебазировали тысячи предприятий на Восток в 1941. Или как власти поощряли ярмарки выходного дня, чтобы ликвидировать всевозможные административные и криминальные препятствия на пути товара первой необходимости от производителя к потребителю. Есть и другие антикризисные рецепты: предоставление различных кредитов, в конце концов, даже выпуск суррогатных денег, например. Многое может сделать местная власть, не дожидаясь получения субсидий или одобрительных кивков от центра. Особое значение имеет общение. Любой кризис представляет собой «разрыв коммуникаций» разных сторон и, как следствие, — утрату доверия. Поэтому необходим диалог, прежде всего властей и общества, контур обратной связи в системах управления и самоуправления.

— *Россия — поликонфессиональная страна. У нас есть ислам, христианство, буддизм, цудаизм, и в рамках каждой из этих конфессий существует свое представление о принципах функционирования экономики. Например, в исламе запрещено брать проценты, в христианстве имеется понятие десятины и т.д. Может быть, имеет смысл к ним внимательней присмотреться?*

— Давно пора.

— *И каким образом можно ввести в экономическую модель такие традиционные формы?*

— Мы не первые и не последние на этом свете. Так, еще в начале XIX века в Швейцарии был создан «союз нулевых денег». Он существует до сих пор, выдавая своим членам беспроцентные кредиты, оказывая иную поддержку. Он не зависит, в частности, от мародерства банков. Вспомним потребительскую или жилищную кооперацию. Ведь у нас и в мире нарабатан колоссальный опыт социальной самоорганизации. Интернет дал ей новые возможности. Во многих малых городах активно складываются деполитизированные и некриминальные группы, общины по интересам, в том числе в плоскости взаимопомощи. Органы власти, СМИ, крупный бизнес могли бы активнее содействовать этому процессу.

Вокруг традиционных конфессий продолжает складываться круг духовно окормляемых ими предпринимателей и хозяйств. Он гораздо больше, чем может зафиксировать статистика.

— *В мире существует ряд закрытых мондиалистских клубов. Насколько, на Ваш взгляд, сильно их влияние на элиту России?*

— Система мирового управления, с одной стороны, сильно демонизирована. С другой стороны, если обратиться к философии русского космизма, то там легко обнаружить отзывчивость русского народа на события, происходящие во всемирном масштабе. Наш народ в своей трансцендентной устремленности не ограничивался местным горизонтом. Нынешний процесс обытовления, когда человек живет своим маленьким мирком и не интересуется ничем остальным — это очень нерусская тенденция. Широта русской души, наверное,

наиболее ярко проявилось в войне с Османской Империей в 1877–1878 гг. Когда страна, находящаяся в большей степени рабства и имевшая меньшее благосостояние, нежели болгарский народ, потеряла 66 тысяч жизней, чтобы принести свободу.

Что касается упомянутых Вами мондиалистских организаций, то они занимаются осмыслением мировых проблем и пытаются более или менее успешно управлять некоторыми глобальными процессами, исходя, разумеется, из своего понимания сути бытия. С экспертами из этих организаций мне приходилось общаться, в частности, в Санта-Фе, в Институте сложности, основанном лауреатом Нобелевской премии Мюреем Гелманом. Он физик-ядерщик, но создал уникальный институт, занявшийся в более свобододлюбивых, нежели в Лос-Аламосе, и комплексных — гуманитарных и естественно-научных форматах осмыслением современного мира. Два принципа Санта-Фе стоит упомянуть — «от сложности к простоте» и «интеллект, овеванный совестью».

К чему я веду? Мир сложен, такова современная парадигма восприятия мира. И многое из того, что нам кажется злом, может оказаться благом. Приведу пример из нашей собственной истории. Мы знаем, что Троцкий был отнюдь не авантюрист-одиночка. За ним стояли силы, которые финансировали его деятельность. Или взять полковника Хауза, который был близок к ведущим управленцам мирового класса той эпохи. И у всех были определенные задачи. И за Лениным стоял отнюдь не только немецкий генштаб. Это был очень сложный процесс, который для кого-то предстал «форс-мажором», для кого-то захватывающим проектом. Но не надо думать, что страну можно так просто поджечь — это было бы презрением к собственному народу. Если

народ пошел за большевиками, то, очевидно, он сделал это, имея какие-то свои внутренние матрицы. Как сказал Михаил Михайлович Пришвин: «Революция — это месть за мечту». Мечту массовую. Народные массы пребывали в турбулентном состоянии. Как мог народ с такими фонетически непривычными словами как «аннексия» и «экспроприация» совершить тот колоссальный жест или вывих в своей истории? Это было турбулентное состояние, сделавшее возможным от головокращения и помешательство в массовых масштабах.

В жизни все гораздо сложнее и не все планы разных центров срабатывают. Есть резервный план, различные другие варианты. В этой стихии жизни определенные игроки контролировали или пытались влиять на важные параметры российского взбунтовавшегося по всем азимутам социума. Но параллельно имели свою динамику и потенциал свободные ниши, в которые прорывалось творчество масс.

Иными словами, речь не идет о том, чтобы Дэвид Рокфеллер, например, руководил каждым мэром в России, ему это не нужно в принципе. Есть другие вопросы, которые интересуют его с коллегами. В прошедшем в мае 2009 г. форуме Бильдербергского клуба в Греции участвовали 150 человек, суммарно, наверное, самых влиятельных фигур в современном мире. Но по просочившимся данным, у них общая серьезная озабоченность ситуацией, «вышедшей из-под контроля».

Не будем ни преувеличивать значимость России в упомянутой и других организациях, ни преуменьшать. Зачастую ее там просто нет. Однако ведь и нам нет дела до многих проблем современного мира. Участие в любых экспертных и решающих структурах мира неотделимо от ответственности и требует соответствия требованиям этих структур. Мы сами

наделали много ошибок в тех сферах, на контроль над которыми никто не мог и покуситься. Сами — это очень важно. Не очень продуктивно искать виноватых на стороне, или приписывать все наши беды репрессиям и ошибкам Ивана Грозного, Петра Великого, Сталина, Хрущева, Берии, империализму, мондиализму, терроризму и так далее. Начинать надо с мира в собственной душе и понимания своего места и роли в доступных тебе пространствах.

В так называемых мондиалистских организациях тысячи людей занимаются осмыслением глобальных проблем, и мы для них, во всех смыслах, не на первом месте. Хотя зачастую мы склонны льстить себе, преувеличивая свое значение в контекстах мировых драм. Верно, однако, и утверждение о нашей массовой недооценке своей исторической миссии в мире.

Возвращаясь к Вашему вопросу, подчеркну, что и российское, и американское руководство с несомненным интересом и уважением относится к деятельности и Бжезинского, и Киссинджера, и многих других деятелей. Но это не значит, что российский или американский президент всего лишь конспектирует указания Генри Киссинджера, к примеру, и берет под козырек. Так думать было бы чрезмерным упрощением действительности. Например, во время гражданской войны Дальний Восток остался нашим благодаря американцам. Возникли такие коалиции интересов, которые привели к тому, что эгоистические интересы китайцев и японцев вступили в противоречие с интересами американцев. Нужно относиться к этому мудро, понимая, что есть проблемы, которые неразрешимы в принципе, а есть те, которые могут быть решены в долгосрочной перспективе. Есть важные вещи, а есть не очень.

У нас, конечно, есть и ярые враги, никуда они не делись, но в любом случае нужно помнить, что жизнь сложна, а природа мудра.

Для полноты картины, пожалуй, надо отметить и факт присутствия в ткани нашего общества такой породы людей, которая исследуется с времен Иуды Искарриота. Ее называют иногда «пятой колонной», «агентурой влияния» и т.п. При строгом взгляде на вещи мы найдем эту битву в пространствах и временах Духа. Идет война в высшем культурном смысле. По сравнению с нею даже т.н. «антитеррористическая война» вторична.

— *Каким же выглядит глобальное будущее?*

— Мы уже давно разработали образ будущего по пяти сценариям из девяти факторов и каждый год отслеживаем, как развиваются события в мире. Эти возможные сценарии варьируются в диапазоне от жесткой глобализации до разных вариантов регионализации, когда укрепятся новые более или менее мощные центры силы и произойдет деглобализация по многим параметрам. Есть также сценарий хаоса, который, между прочим, уже реализуется в отдельных регионах — сомалийские пираты, ситуация в Судане, Пакистане, Северной Корее и т.д. В общем, много неприятностей в мире. Хаос имеет место и на территории бывшего Советского Союза. Очень много «горчичников на щупальцах Москвы» (сейчас у нас не «рука Москвы», а скорее щупальца, очень острые и стыдливые, иногда воровитые).

По основным факторам стратегической матрицы — народонаселение, природные ресурсы, территориальный статус страны, вооруженные силы, экономика, наука, образование, религия и культура, система управления — также есть

разные варианты сценариев. Что касается народонаселения, то тут у нас выбор весьма сложный, главный риск — дальнейшее падение, вплоть до 100 миллионов человек в 2050 году. Если не случится более жесткого обрушения мирового населения вообще.

Есть горячие головы, которые говорят о массированном привлечении большого количества мигрантов. Имеются также глобальные сценарии, которые рассматривают Россию как ковчег — в случае стихийных бедствий все население Земли ринется сюда как на Ноев ковчег. На территории России может жить шесть миллиардов человек. Здоровье населения стремительно ухудшается, мы каждый год теряем более миллиона человек потому, что не можем быстро и качественно предоставить медицинскую помощь. Это лишние смерти. Если 140 миллионов человек могут еще рассматривать эту территорию своей суверенной территорией, то под силу ли такое 100 миллионам? Это большой вопрос. Из ста миллионов можно не набрать нужное количество футболистов, хоккеистов, космонавтов, спецназовцев и просто хороших работников. Здесь работают законы больших чисел. Сценарий внешней политики предусматривает возможности развития России как суверенного центра силы, который сам определяет свою судьбу. Но есть и сценарии, в соответствии с которыми она превратится во внешнеполитического карлика.

Но главное не в том, чтобы представить диапазон будущих сценариев. Будущее непосредственно зависит от творческой силы нашего общества. Будущее будет таким, каким мы сможем его спроектировать, учтя и опыт последних попыток.

— *Вы ввели термин «стратегическая матрица». Механизмы стратегической матрицы предусматривают длительный прогноз?*

— Это аппарат анализа, прогнозирования и поддержки управленческих решений. Если вы, принимая решение, полагаетесь на мнение случайно подобранных экспертов, то становитесь заложником информационной неполноты, концептуальных и эмоциональных пристрастий. Стратегическая матрица позволяет четко выявлять национальные интересы любой страны, которые выражены в доктринах, в конституциях, в речах национальных лидеров и так далее. Есть интересы явные и неявные, но нет ничего неявного, что не стало бы явным.

Методология стратегической матрицы представляет собой комплексный подход к социальным явлениям с учетом новейших достижений естественных и гуманитарных наук и математики. Ее применение к исследованию динамики развития России и еще 100 стран дало весьма убедительные результаты как в отношении текущего положения дел в этих странах, так и прогнозного и ретроспективного.

— Существуют различные индексные агентства и фонды, которые занимаются прогнозами и иногда манипулируют данными, что влияет на биржевые колебания, на инвестиции в определенные сферы экономики в разных странах. Можно ли как-то проанализировать эту ситуацию и отделить зерна от плевел в зависимости от того, какая именно компания делает прогнозы, какие эксперты в ней работают?

— Есть три категории рейтинговых оценок. Первое — закрытые оценки, которые никогда не публикуются. Это то, чем занимается Агентство национальной безопасности, ЦРУ и все основные специальные экспертные службы США и других ве-

дущих стран, которые выводят академические обобщения, а на основе этих оценок создаются мобилизационные планы. Вторая категория — широкой круг престижных рейтинговых оценок или оценок общепризнанных, принимаемых в расчет всеми мировыми инвестиционными игроками. К ним относятся, прежде всего, оценки ВТО, Центра глобальных индустрий, Всемирного экономического форума и ведущих рейтинговых агентств, Давосовские оценки — это рейтинг конкурентоспособности стран, и многие постсоветские государства ставят в качестве национальной задачи — войти в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. Проект, которым занимаемся мы, — международный, он, на мой взгляд, идет гораздо дальше своих зарубежных конкурентов. Наш коллектив с участием ведущих немецких, британских, французских ученых фактически бросил вызов монополизации подобных оценок. Сегодня идет открытая борьба рейтингов, научная борьба, ее даже можно назвать конкуренцией методологий. При рейтинговании имеет значение выявление каждого параметра, определение веса каждого фактора. Если начнется война, что будет важно? Что у нас есть тысяча с лишним ракет или что мы можем перекрыть подачу газа? Такие вещи важны для понимания интегральной мощи стран. И третья категория — это оценки множества организаций, очень часто ангажированных. Например, рейтинг демократии, где мы будем на 150-м месте, или рейтинг прав человека и прочее, и прочее. Тут идет борьба, неотделимая от пропаганды и спекуляций. Но в любом случае надо четко понимать, что мы занимаем первые места по количеству самоубийств, проституток на душу населения и самые последние места по уровню жизни стариков. Да, есть у нас прекрасные музыканты, дирижеры, хоккеисты и даже неплохие футболи-

сты. Но разрывы в образе жизни безобразны. Поэтому не в реформах дело, а в способности нас всех вместе и каждого в отдельности — преобразиться.

Александр Агеев — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, генеральный директор Института экономических стратегий РАН и главный редактор журнала «Экономические стратегии».

АЛЕН ДЕ БЕНУА: «Пробуждение Европы зависит от того, какой завтра станет Россия»

— В Вашей новой книге уделяется много внимания критике либерализма как одной из главенствующих идеологий. После начала мирового финансового кризиса в Европе произошла определенная переоценка либеральных идей. Каковы шансы у европейского общества на адекватное переосмысление либеральных концепций? И возможен ли уход от западноевропейского логоцентризма?

— Экономический кризис, который разразился в Соединенных Штатах осенью 2008 г. и быстро затронул весь остальной мир, несомненно, произвел некоторые изменения в коллективном сознании людей, но я не уверен, что он заставил их «переоценить либеральные идеи», как минимум по двум причинам. Первая состоит в том, что связь, существующая между либерализмом, понятым в политическом и философском смысле и капитализмом пока еще ясно не осознается. Вторая состоит в том, что общественное мнение еще не до конца понимает природу данного кризиса. Многие придержива-

ются официального объяснения: кризис имеет-де преходящий характер и связан он с недостаточным регулированием финансовых рынков и большой задолженностью американских домохозяйств по кредитам (т.н. subprimes). Это объяснение не является ложным, но затрагивает лишь те причины кризиса, которые лежат на поверхности. Оно маскирует системный характер данного кризиса, затрагивающий общую структуру капитализма в том виде, в котором она складывалась в течение последних двух десятилетий. Нынешний кризис, который гораздо сильнее кризиса 1929 г. и который вовсе не закончился вопреки ряду утверждений, не является только финансовым кризисом. Его истоки находятся в той модели турбокапитализма, который сложился в конце XX века. Под ним я понимаю «постфордистский» капитализм, ведущий к снижению реальной заработной платы. Он оказывает давление на трудящихся двумя способами: с помощью акционирования и с помощью делокализации производств (это, в свою очередь, становится возможным благодаря глобализации) и тем самым снижает оплату труда, вызывая тяжелые социальные последствия.

Сегодня господствующая идея состоит в том, что нужно исправлять «эксцессы» последних лет для того, чтобы машина капитализма снова заработала в исправном состоянии. Можно привести сравнение: яблоко находится в корзине, но, чтобы сохранить яблоко, нужно, как считают некоторые, также сохранить корзину. На самом деле больна сама система. Мы не вылечим систему, ни снижая бонусы трейдеров, ни закрывая «фискальные парадизы» (оффшорные зоны). Нужно подвергнуть сомнению всю систему, непрерывно производящую патологии, а вот это как раз и отказываются делать.

Не забывайте, что капитализм, как блестяще показал Карл Маркс, не сводится только к рыночным отношениям. Это режим накопления и сверхнакопления, состоящий из совокупности социальных отношений, в числе которых товарно-денежные отношения, отношения заработной платы, опредмечивание (*Verdinglichung*) социальных отношений, вызванное фетишизмом товара. Сегодня доминирует не «слепота во время катастрофы» (Хайман Минский), а попытка отвлечь обывателя от истинных целей виновников кризиса. Сюда входят и призывы к морали («нужно сделать капитализм более моральным»), и зрелищное использование «развлечений» с тем, чтобы отвлечь массы. Социальный наркоз, однако, носит временный характер. Индивидуумы не освободятся от товарного отчуждения до тех пор, пока получают от него выгоду. Но что будет, когда они эту выгоду перестанут получать?

— *Что Вы думаете о попытках выработки новой политической теории? Например, четвертой, концепцию которой предложил А. Дугин?*

— Я с большой симпатией отношусь к идее «четвертой теории». Либерализм родился в XVIII веке, коммунизм в XIX-м, фашизм в XX-м. Исторические формы этих идеологий показали их пределы. Кажется логичным, что XXI век станет толчком к рождению четвертой теории. Нужно, однако, определить ее содержание. На мой взгляд, эта теория должна обладать некой двойственностью. Во-первых, она должна быть адаптирована к реальности современного мира и не должна основываться на ностальгических грезах, неактуальной аналитике и устаревшем концептуальном инструментарии. Мы

живем не в эпоху национальных государств, которые были великими акторами эпохи модерна, но в период «постмодерна», т.е. общин, сетей и континентальных империй. С другой стороны, четвертая теория должна превзойти три предыдущие в гегелевском смысле *Aufhebung* (снятия), в том смысле, что снятие означает одновременно синтез всех здоровых элементов, присутствующих в прошлых теориях.

— *И как вам видится дальнейшая трансформация институций власти в Европе? В ответ на изменения происходит соответствующая когнитивная рефлексия — появляется множество терминов — нетократия, плюрархия...*

— Я отдаю предпочтение политической конструкции объединенной Европы, т.к. полагаю, что национальные государства уже не в силах справиться с теми вызовами, которые выдвигает современный мир. Модель национального государства оказалась в кризисе еще до Второй мировой войны. Она уже не производит социальность. Впрочем, я являюсь сторонником федерализма, т.к. только федеративное устройство Европы может обеспечить необходимое сочетание единства наверху и разнообразия внизу.

К сожалению, строительство Евросоюза с самого начала осуществлялось в неверном направлении. Вместо того, чтобы начать с усиления политических и культурных связей, во главу угла поместили экономику и торговлю в надежде, что «экономическое гражданство» само по себе приведет к появлению гражданства политического. Этого не произошло. Новую Европу захотели построить сверху, исходя из Европейской комиссии, технократической и функциональной, не избранной согласно демократическим процедурам, снизу,

начиная с общин и регионов, взаимодополняющих друг друга. При проведении этого строительства мнение народа никогда не учитывалось. Все это привело к многим несуразностям. Например, обсуждают европейскую конституцию, в которой не прописано, какие органы будут осуществлять власть в объединенной Европе. После падения берлинской стены началось ускоренное расширение Европы за счет стран и народов, плохо подготовленных к тому, чтобы в нее войти. Европейские настроения некоторых из них весьма сомнительны, т.к. для них было важнее не объединение с другими европейскими нациями и укрепление европейских структур, но сближение с США и НАТО. Наконец, объединители не позаботились ни о будущем языке объединенной Европы (ясно, что им не может быть английский), ни о европейских границах (отсюда дебаты о целесообразности включения Турции в ЕС), ни о целях европейского объединения.

Хотят ли сделать из Европы простое пространство свободного обмена, интегрированное в атлантический ансамбль, или построить на ее месте могущественную державу, которая станет настоящим плавильным тиглем и очагом цивилизации и культуры? В этом весь вопрос.

Сегодня дефицит демократии в европейских институтах более чем очевиден. Доминирующей является идея «управления» (фран. *gouvernance*. — Прим. пер.), по образцу управления предприятием (корпоративного управления), которое сводится к господству экспертов. В то же время не перестает углубляться пропасть между новым правящим классом и народными массами. Становятся более понятными взгляды Карла Шмитта, считавшего понятие «либеральная демократия» оксюмороном, т.к. демократический принцип несочетаем с либеральной философией. Либеральные демократии, чья легитимность зиждется на

парламентском правлении, к нашему времени превратились в олигархии, находящиеся на службе у Капитала.

— С политическим тесно связано такое понятие, как граница, чему немало уделяли внимание Карл Шмитт, Фредерик Дж. Тернер и др. Но границы одновременно сближают и разделяют, в то же время отмечая конкретные пределы места, наделяя его строгими смыслами. При этом, если раньше происходило освящение места, то в эпоху модерна наоборот — его десаκραлизация. Можно ли говорить о новой модели топоса вместо у-топии и локуса, ведь объектам и местам приписываются смыслы и они наделяются ролями, которые обретают объективную достоверность после того, как была проделана какая — то операция. В контексте постмодерна можем ли мы говорить о постместе?

— Авторы, которых Вы цитируете, имели основания сближать понятие «политического» и понятие «границы». Политическая жизнь не может разворачиваться иначе, как на определенной территории, а эта территория подразумевает существование границы. Политическое действие всегда мобилизует «нас» на противостояние «другим». В «универсальном» государстве политика быстро испаряется, в то время как внешние войны становятся войнами гражданскими. Те, кто хотят быть «гражданами мира», совершают двойную ошибку. Прежде всего, они забывают, что «гражданство» является понятием политическим. Можно быть гражданином определенной общины или политического сообщества, но не абстрактного мира. К тому же, если они хотят быть космополитами, то тогда не понятно, с какого места исходит их дискурс. Желать быть повсюду означает желать быть нигде.

Граница в наше время изменила свой смысл. В эпоху Модерна граница означала материальный предел и материальную защиту. Они также поддерживали длительное существование коллективных идентичностей. Они, разумеется, не были непроницаемыми, но играли роль своего рода фильтров (их можно было сравнить со шлюзами на пути волн). Сегодня границы более не останавливают ни людей, ни товары, ни экспансию технологий, ни распространение образов и символов. Глобализация ведет к гомогенизации культур и образов жизни. В то же время общее место, место обще-жития, ассоциирующееся с социальной связью (французская игра слов «место» — lieu, «связь» — lien) остается сущностным элементом человеческой жизни не только как «среда» этой жизни, но и как важный элемент, определяющий становление и метаморфозы народов. С этой точки зрения я являюсь сторонником понятия «месторазвитие», введенного в оборот русскими евразийцами Петром Савицким и Львом Гумилевым. Оно обозначает идею места, топоса, но в то же время подразумевает развитие народов. Эта идея рассматривает пространство как судьбу. Если обратиться к классической оппозиции между Сушей и Морем, то эта идея со всей очевидностью отсылает к логике Суши. Ведь только на твердой почве возможно появление границ и определение территорий, в то время как Море знает только волны, бесформенные приливы и отливы.

— *Гастон Башляр говорил, что месту приписывается кажущийся опыт, а объективная реальность менее важна. Как, на Ваш взгляд, происходит поэтический процесс осознания мест (если таковой имеется), который приводит к рациональному и эмоциональному смыслу?*

— Я думаю, что уже ответил на этот вопрос. Реальность, которую мы можем схватить, неотделима от места, от пространства, в котором происходит это схватывание. Так же как любая «объективная» реальность неотделима от видения мира, в котором ее воспринимают, факты не могут быть оторваны от их интерпретации, а всякая феноменология ведет к герменевтике. Феноменология — это наука непосредственного восприятия «феноменов», т.е. в этимологическом смысле того, что показывает нам себя, дает себя схватить. Она позволяет не только объяснить (чем ограничиваются точные науки), но и понять феномены. Такое понимание зависит от пространства, в котором мы находимся. Здесь можно увидеть поэтический процесс, если понимать поэзию, исходя из пойнэсиса в противоположность праксису, беря эти древнегреческие философские категории в том смысле, какой они получили в фундаментальной онтологии Хайдеггера.

— *Продолжая рассматривать идеи Башляра, можно ли говорить о существовании коллективной мечты о Новой Франции, Новой Европе, Новой России? Хайдеггер в отношении России говорил: «Die Geschichte der Erde der Zukunft ist aufbehalten im noch nicht zu sich befreiten Wesen des Russentums»...*

— Изначальным деянием любой великой эпохи является территориальное присвоение большого масштаба. Присвоение здесь идентично тому, что древние греки называли номосом, т.е. разделу, но также конкретному фундаментальному порядку и, следовательно, закону. Карл Шмитт много писал про «Номос Земли», т.е. свойственную для каждого большого периода организацию раздела Земли и порядок междуна-

ных отношений. Он писал также про то, что Земля к нашему времени знала три сменяющих друг друга номоса.

Первый продолжался с момента начала человеческой истории до открытия Нового Света. Второй продолжался до Второй мировой войны и заключался в разделе планеты между европейскими державами. Третий (1945—1989 гг.) соответствовал двухполярному (советско-американскому) порядку эпохи «холодной войны». После падения берлинской стены и краха советской системы мы вошли в переходный период. На сегодняшний день все более остро встает вопрос: «Каким будет новый номос Земли?». Идем ли мы к однополярному миру, в котором доминирует главная сверхдержава современности — США? Или, как я бы этого хотел, к многополярности, в рамках которой большие континентальные ансамбли, великие пространства цивилизации и культуры устанавливали бы новую диалектику отношений и играли роль регуляторов глобализации? Будет ли установление «четвертого Номоса Земли» идти рука об руку с установлением «четвертой политической теории»?

Такое вопрошание неотделимо от проблематики Суша/Море, о которой я уже говорил. В рамках многополярного мира политическая и территориальная логика Суши обречена на невиданное до того противостояние с финансовой и коммерческой логикой Моря. Принципиальное противоречие сейчас проходит между США и великим Евразийским континентом. Если Новой России суждено состояться, как я этого желал бы, то она должна стать имперско-федеральным ансамблем, способным играть роль Хартлэнда Евразии. Россия сейчас является главной целью силовых энергий современности, центром той проблематики, с которой мы сталкиваемся. Что касается Европы, то она составляет отдельную от

России целостность, но ее судьба неразрывно связана с Россией. Существует политическая, стратегическая, промышленная, технологическая комплиментарность между Россией и Европой. Но этого мало. По определенным причинам Европа сегодня блокирована, парализована, беспомощна. Она лишена энергии. Институты, которые ею руководят, не видят для нее другого будущего, кроме как быть частью «атлантического» пространства, быть накрепко привязанной к Америке, что является геополитическим абсурдом. Таким образом, пробуждение Европы зависит в первую очередь от того, какой завтра станет Россия. Взгляды европейцев должны быть направлены не на Запад, а на Восток.

— *Если топос связан с человеком, то как Вы определите нынешний антропологический статус человека в зависимости от его места (человек Запада, Востока, других регионов)?*

— В настоящее время в западных странах доминирует антропологический статус либерального индивидуализма. Это статус производителя-потребителя, осмысление которого возможно в рамках хайдеггеровской концепции о поставе (Gestell), устремленном в дурную бесконечность. Было бы большой ошибкой полагать, что капитализм является только экономической системой. Это также система антропологических оснований. Она приводит к появлению особого человеческого типа, эгоиста, постоянно ищущего возможность извлечь из всего максимальный частный интерес. Утверждение такого человеческого типа идет рука об руку с господством рыночных ценностей над остальными: все в рыночном обществе поддается подсчету и оценке. Сегодня Homo occidentalis (человек западный) совпадает с Homo

оесопотамус (человеком экономическим). Такому типу человека противостоят все формы культуры и сакральности, отказывающиеся подчиниться иссушающему рационализму, духу прибыли и идеологии прогресса. Для России вопрос стоит следующим образом: прельстится ли она в очередной раз сладким голосом сирен Запада или найдет в себе силы вернуться к своей истории и к своей тысячелетней вере и выработать другой тип человека, противостоящий тому, который господствует в настоящее время. Может быть, будущее мира зависит от ответа на этот вопрос, который можно сформулировать следующим образом: что победит в конце концов — общность бытия или диалектика обладания (быть или иметь)?

— *Наряду с пространством другой важной философской, социальной и политической категорией является время. Если стало возможно говорить о наличии альтернативных пространств (социальных, виртуальных), какова, на Ваш взгляд, сущностная специфика нового времени?*

— Вы правы, когда настаиваете на важности понятия времени. Именно ясное осознание темпоральности, т.е. конечности человеческого бытия обосновывает способность постижения истории, ту самую историчность, которая отличает человека от животного. Однако само собой существуют разные концепции темпоральности. Я не разделяю линейную концепцию времени, берущую начало в христианской теологии, но затем секуляризованную и выродившуюся в конце концов в обоснование теории прогресса. Согласно линейной концепции времени человечество направляется из абсолютного начала в абсолютный конец. Всем народам

по этой логике суждено пройти одну и ту же дорогу и преодолеть одни и те же этапы. В такой оптике прошлое обязательно теряет ценность: архаика больше не подразумевает смысла архэ (начала — древнегреч.). Каждое последующее мгновение представляет собой прогресс по отношению к предыдущему, а новое ценится больше лишь потому, что оно новее. Я, наоборот, считаю, что исторический ход времени не имеет направления: история открыта, и, как говорил Ницше, сфера бытия может в любой момент совершить вращение в любом направлении. При таком взгляде прошлое невозможно определить как то, что имело место только один раз в истории и для всех, и будущее как то, что ожидает нас только один раз. Прошлое, настоящее и будущее не являются радикально отличными друг от друга моментами одного и того же континуума, точками на одной и той же прямой. Прошлое, настоящее и будущее являются измерениями вечного настоящего и могут рассматриваться как чередующиеся времена только в рамках мгновения. Только при такой концепции времени можно понять, каким образом Постмодерн связан с Премодерном, обгоняя его.

Ален де Бенуа — современный французский философ. Автор более 50 книг, посвящённых вопросам политики, культуры и истории, переведённых на многие европейские языки. Редактор журналов *Nouvelle École*, *Éléments*, *Krisis*. Основатель движения «новых правых» и «Группы изучения европейской цивилизации» (GRECE).

Доклады, выступления

Революция невозможная, неизбежная

Революция этимологически означает «возвращение». Возвращение к истокам после прохождения определенной фазы сущностной деградации общества. Попытками такого возвращения были революции модерна. Резкий скачок, в котором открывалась политическая воля субъектов революции и устанавливалась вертикаль по отношению к исторической инерции.

То, что революция суть возвращение, подтверждается работами Ж.-Ж. Руссо, который в революционной демократии видел преодоление процесса отчуждения, сформулировав тезис «Назад, к природе». Прогресс виделся им как социальное зло, усиливающее пороки нарождающегося буржуазного общества. Однако сам социализм футуристичен и направлен скорее на качественное изменение существующего строя, чем на возврат к «золотому веку».

Консервативная революция настаивает на полном разрыве с современностью и провозглашает иррациональные принципы, сакральность власти, иерархичность. Субъект консервативной революции действует вопреки существующей политкорректности и несмотря ни на что. Устанавливается независимость от позитивистских моделей, а существующий порядок, навязанный современностью, в расчет не берется. В качестве примеров (определенно радикального характера) можно привести смены режимов в мусульманских странах – от Иранской революции до правления муллы Омара в Афганистане и государства тамиллов на Шри-Ланке.

Ни одна из известных революций не обошлась без кровопролития. Кровь – это субстанция, которая влияет на наши чувства, мысли, действия. Не вдаваясь в метафизику, отметим, что любая революция только тогда претендует на свою значимость (независимо от того, насколько сильно отчуждение и бюрократизм проникли в сам революционный процесс), когда есть жертвы.

Революция мирового масштаба, свершившаяся на Ближнем Востоке около 2000 лет назад, была следствием пролитой крови самого Бога. Жертвы мучеников, последовавшие после этого, только усугубляли изменение массового сознания и неизбежно вели к падению существующей системы. «Не умерев, семя не дает плода», – говорили первые христиане, акцентируя внимание на необходимости жертвы.

Можно с уверенностью сказать, что в государствах, где остались рудименты Традиции, пролитая кровь остается символом революции. Как сказал президент Ирана Махмуд Ахмадинежад в своем первом заявлении после выборов, «исламская революция произошла благодаря пролитой крови мучеников, которые за одну ночь преодолели расстоя-

ние в сто лет, и, если будет на то воля Господа, она искоренит несправедливость в мире».

Если насилие в революции – это один из необходимых аспектов, то второй важный атрибут – это языковая сфера. Изменение лингвистического поля субъектов власти предполагает революционные изменения. Например, в период Октябрьской революции и Гражданской войны в России произошли определенные отклонения от норм литературного языка, которые изменили значения слов и закрепились в последующем дискурсе. Естественно, это повлияло на изменение социальной среды и привело к новшествам.

О неизбежных пертурбациях в сфере лингвистики, происходящих параллельно с социальными изменениями, наглядно свидетельствуют языковые реформы Луначарского и Кемаля Ататюрка. Более подробный материал об аспектах революции языка можно найти в работах французских символистов, постструктуралистов и «новых левых». Заметим, что «новые левые» видят в иерархии и власти воплощение зла и в качестве революционной борьбы предлагают хаотизировать все сферы человеческой деятельности – от децентрализации и гендерной борьбы до умышленного искажения речи (по Барту).

Нынешнее время характеризуется сменой парадигм. В широком контексте время идеологий прошло. Его сменило время технологий.

Средствами возможной революции становятся привлечение внимания, радикальная тактика, которая всегда бы оказывалась пригодной, ну и упрощенный социальный анализ. Попытка возврата людей к осознанию того, что происходит, не всегда приводит к нужному результату. При всевозрастающей власти общества зрелищ ретрансляторы образов

единолично монополизируют право на инициативу и принятие решений.

Достижение состояния критической массы для возможного социального бунта связано с различными факторами, такими, как изменение смыслового поля, наличие социальной усталости, эффективность репрессивного аппарата, желание возможных лидеров актуализировать свой потенциал, наличие международных соглашений.

А идеология в пространстве образов и знаков при социальном отчуждении может сыграть двоякую роль. Например, патриотизм при определенных условиях превращает любовь к месту развития в покорный культ государства. А экономический кризис вместо того, чтобы побудить массы к революционным действиям, т.к. от этого будет зависеть их жизнь, при умелом управлении может обратить народ к поискам средств для собственного выживания.

Еще один эффект, производимый так называемыми революциями, – это психологическое освобождение. После событий 1968 г. во Франции психоаналитики жаловались, что у них стало меньше работы. По мнению украинских психологов, события осени 2004 г. помогли некоторым представителям украинской молодежи осознать свое «я». Мы не будем давать оценку умозаключениям психологов; явно то, что Майдан был местом отработки психотехнологий, а в итоге народные массы предпочли гарантированное выживание реальной жизни. Собственно, «оранжевая революция» – это всего лишь риторическая формула, за которой стоят действия различных экономических сил и усилия референтных групп.

Нам более интересны иррациональные аспекты, которые и указывают на наличие подлинно революционного духа. Немецкий философ Герд Бергфлет в своей теории восстания

пишет, что действия восстающего невозможны, рационально неоправдываемы, но именно такая «невозможность превращает жест восстающего в единственный абсолютно необходимый для спасения жизни». Аристотель писал, что человек – это политическое животное. Но, возможно, человека от животного отличает то, что ему свойственно восставать. Если исходить из этого посыла, то истинное бытие человека является революционным, которое подавляется системой – экономическим принуждением, классовыми разделениями, технократией, репрессивным аппаратом. Но Бергфлет противопоставляет восстание революции, ссылаясь на исторические прецеденты, что революционные группы, устанавливая новую форму правления, прибегают к подавлению иных групп, превращая революционных практиков в рабов новой постреволюционной реальности. Собственно, революции (как социокультурный феномен) просто приводят к новому экономическому и геополитическому порядку, оставаясь в общей системе глобального контроля. Поэтому Бергфлет предлагает восстание против революции, которое разобьет власть технократии, системы смерти и отчуждения.

Если Бергфлет прав насчет человеческого бытия, тогда данные условия существования загнаны в рамки жесткой тоталитарной системы. Социально-политические изменения, насколько бы они ни были радикальны, не смогут привести к освобождению человека, ибо не оперируют такими понятиями как онтология и вечность, скатываясь в догматы о классовой борьбе, эксплуатации и манипуляции. Восстание против реальности – такова истинная Революция.

На наш взгляд, тотальный революционизм присущ религиозной идее. Согласно христианскому учению на Земле есть церковь воинствующая, а ее представители, будучи

в этом мире, сами не от мира сего. Если бы подобное понимание смысла жизни и истории распространилось на людей, отождествляющих себя с христианством, то межличностные отношения претерпели бы существенные изменения, разрушив бы социальные продукты греха – общественные институты. Но такая революция с низов невозможна, ибо она неизбежна в эсхатологическом плане.

Второе пришествие Христа явится той онтологической Революцией, которая восстановит все утраченные пропорции, подвергнутые искажению. Для христианина только такой порядок есть истинный порядок и только такая неизбежная революция является истинной.

Текст доклада на международной конференции «Перспективы революции. Идеологические, методологические, религиозные аспекты», Киев, 25 ноября 2006 г.

Россия – Украина – Польша: геополитические императивы

На сегодняшний день вопросы евроинтеграции сложны и неоднозначны. Сторонники и противники этого процесса находятся по обе стороны границы. Причем, аргументы обеих сторон подчас бывают вескими и обоснованными. Это в первую очередь зависит от того, приверженцем каких идеи или механизма государственного устройства являются аргументаторы.

Мы же предлагаем рассмотреть процесс евроинтеграции через призму геополитики – системы наук, предполагающей многосторонний подход и учитывающей культурные, политические, исторические, демографические, религиозные и многие другие аспекты. Причем основным императивом при этом является дуализм цивилизационных типов и деление континента на Срединную землю, Береговую зону и буферные зоны.

Основными объектами нашего внимания будут Польша, Россия и Украина.

Некогда Русь, различные княжества, Московская Русь, Польское королевство. Не нужно совершать длительного экскурса в историю, чтобы показать, что некогда часть

польских подданных были православными, так же как и этнические украинцы западных земель. В 1385 г. в результате Кревской унии началось массовое окатоличивание как православного русско-литовского населения, так и местного языческого. Пассионарная на тот момент держава стремилась к европейскому господству, и именно ягеллонское государство стало причиной того, что связи между Московской Русью и Европой оказались прерванными. В этот момент, называемый Львом Гумилевым, акматической фазой, произошло отражение «натиска на восток». Таким образом, Речь Посполита превратилась не в новую геополитическую реальность, а скорее, в санитарный кордон, лимитрофное пространство. И спустя столетия предки православных там имели уже другой цивилизационный код, а католическая экспансия продолжилась, что выразилось в создании униатства на Украине и смены там ценностных ориентиров. Но снижение пассионарности дало о себе знать. Произошли войны между украинским казачеством и польским шляхетством, раскол Речи Посполитой, появились новые европейские лидеры.

Здесь необходимо сделать небольшую ремарку в отношении цивилизационных типов и политического деления на друзей и врагов, введенного немецким юристом Карлом Шмиттом. Согласно его теории, в политическом мире существуют враги и друзья. И это противоречие не снимаемо в принципе.

Это замечательно подтверждается тем, что, несмотря на различное вероисповедание, русские в делах державных охотнее и нередко шли на контакт с представителями мусульманских держав, чем с католическими правителями.

К этому добавим евроцентричность Польши, склонность к западноевропейскому высокомерию, ориентировку на Ватикан как на истину в последней инстанции. Призна-

ние всего европейского как правильного, а всего остального как отсталого привело к появлению гносеологического расизма. И это проблема не только Польши, но и всего западного мира. И по сей день тенденции гносеологического расизма довольно часто проявляются западнее линии Керзона.

Как пишет польский славист Александр Качоровский, «в Польше русофобия – то есть страх перед русскими, вкупе с убежденностью в их чуждости и цивилизационной неполноценности по отношению к нам – явление всеобщее»¹.

Новое смутное время Первой и Второй мировых войн, вместе с травматической религиозной трансформацией привели к противостоянию СССР и Западной Европы. И здесь Польше опять досталась роль санитарного кордона. Однако Польша теперь была уже не Европой, а Восточной Европой, той частью, с которой она на протяжении длительного времени вела войны. Подобная судьба постигла и Украину. Новые же вызовы современности распорядились так, что Польша стала частью, пусть пока еще неполноценной, но Европейского Содружества. И ЕС заинтересовано использовать её с наибольшим эффектом для содружества. Но хочет ли этого Польша? Во-первых, Польша считает себя неполноценным участником ЕС, учитывая численность своего населения и экономический потенциал. Однако попытки польских политиков направлены не только на отстаивание социально-экономических интересов своих граждан, но и на германо-российские отношения, где затронуты глобальные экономические интересы, связанные с энергетическими коридорами. Ей вторит и Украина, инициируя конфликтные ситуации по поводу трубопроводов с энергетическими носителями. Отдельно стоят и вопросы

¹Качоровский А. Впустим Россию в Европу! / А. Качоровский // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.elecprom.ru/news/detail.php?ID=14021>

атомной энергетики. Не получив от Евросоюза обещанной помощи на ликвидацию последствий ЧАЭС, Украина с его же помощью намерена строить одиннадцать новых атомных энергоблоков. Если с ядерной энергией предельно ясно – транзит дешевого электричества в недалеком будущем в Европу, то в чем интерес Украины по отношению к германским, т.е. европейским интересам? Кому выгодна политика конфликтов?

Обратимся к исследованию известного американского стратега Збигнева Бжезинского. «Польша и Украина – геополитические центры, значение которых вытекает не из силы и мотивации государств, а их важного местоположения»¹. Бжезинский отмечает далее, что наличие такого центра может иметь серьезные политические и культурные последствия для более активных соседствующих геостратегических действующих лиц. Именно Польша, а с недавнего времени и Украина являются основным направлением британо-американской геополитики в Европе. Поэтому и Польша и Украина могут играть роль лимитрофа, быть зоной дисбаланса, мешающей интеграции России и Европы. Эта роль вполне вписывается в американский сценарий великой игры на евразийской шахматной доске. Части «Новой Европы» отведена та же участь – страны Прибалтики, Болгария, Румыния и далее кавказские страны – по плану Вашингтона должны составить санитарный кордон вокруг России.

Похоже, Польша этого не скрывает. «Наша восточная политика должна быть по форме европейской, а по содержанию ягеллонской», – пишет газета «Rzeczpospolita» (16 мая 2005 г.)².

¹Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 2002. – С. 256.

²Карпец В. Восточная Европа: накануне битвы / В. Карпец // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=print&sid=2618>

Если роль лимитрофа устраивает Польшу, устроит ли подобная участь Украину? Пойдет ли наш народ по пути оскотеневшей в социально-историческом развитии Польши, выбравшей участь фукуямовского «Конца истории»? Это один из вариантов. Быть лимитрофом, стать барьером для российских энергоресурсов в Европу, сидеть на «дотациях» как новых членов ЕС, так и США, принять цивилизационный код западного образца. Есть и другой путь. Преодоление комплексов исторических обид, сохранение традиционного вероисповедания, модернизация без вестернизации, использование российских ресурсов на льготных условиях, интеграция в ЕвразЭС. И на эти оба пути указывает электоральная диспозиция Украины.

Возможно, Польшу также устраивает «общество зрелищ», разыгравшееся ныне и на Украине, где симулякры политиков, культурных и общественных деятелей обещают «жить как в Европе». Но украинский Восток еще не потерял свой цивилизационный код и нуждается не только в зрелищах, но и в хлебе. В хлебе духовном и насущном. Как сказал один известный российский философ по поводу последствий «оранжевого шоу»: «Украина станет глубокой и нищей периферией, ее скорее всего ни в какую Европу и не возьмут, так что «оранжевые» фанаты будут смиренно пить оставшийся от великой советской эпохи вагонный денатурат»¹.

Такой «денатурат» сейчас пьют в Польше, где регионы имеют неоднородное экономическое развитие и очаги социального напряжения, например, Силезия. Плюс разочарованность реформами, о чем свидетельствует приход к власти консерваторов.

¹Дугин А. Украина обречена / А. Дугин // Панорама. – 2005. – № 1.

Для Украины может быть важен этот польский опыт, так как у нас тоже есть и отсталые, и демографически концентрированные регионы, и Крым, который, подобно Косово, в любой момент может послужить дополнительным козырем определенных сил для эскалации напряженности.

Об эскалации такой напряженности и подготовке к цветным революциям открыто говорят польские политики.

«Rzeczpospolita», 16 мая 2005 г., Мачей Лентовский: «Новое правительство и Президент должны стимулировать неправительственные организации к тому, чтобы те приглашали в Варшаву российских демократов, налаживали контакты с общественными организациями на Востоке... Сегодня важной задачей нашей восточной политики является укрепление свежей независимости Киева. Следующей будет подготовка почвы для оранжевой революции в Минске. Потому что Россия без Белоруссии – лучше, чем Россия с Белоруссией... Так что будем делать все, что в наших силах, чтобы приблизить день, когда оранжевая революция победит и в Москве»¹. Все сказано довольно ясно. В России после украинских событий и в преддверии выборов руководство страны считает угрозу цветной революции реальной. Как в Грузии и Украине, под фасадом демократических преобразований там возможны варианты установления проамериканского режима и даже сепаратизма. И поэтому понятна позиция белорусского руководства, когда оно не допустило в страну польских эмиссаров. Оранжевая Беларусь еще больше урежет геополитическое пространство Срединной земли, отодвинет границы России от своего Калининградского анклава. Это понимают и в Беларуси и в России.

¹Карпец В. Восточная Европа: накануне битвы / В. Карпец // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=print&sid=2618>

А само навязывание ярлыка (Кондолиза Райс назвала Беларусь «последней диктатурой Европы») свидетельствует о желании США сделать акцент на якобы существующих очагах нестабильности в Европе. Если ЕС всячески стремится иметь безопасных соседей, то США старается найти в этих соседях потенциально опасные страны. Либо создать таковые. Но, прежде чем соглашаться с риторикой американских политиков, нужно обратиться к статистике. Желательно к статистике атлантистских организаций, чтобы нас не упрекнули в необъективности. Согласно отчету Всемирного Банка, уровень бедности в Польше на данный момент составляет 12%. Между тем в соседней Беларуси произошло резкое снижение уровня бедности и экономический рост, от которого получили выгоду широкие слои населения. Аналогичная ситуация и в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике. По сравнению с Молдовой, где около 30% жителей находится за границей с целью заработка, в Приднестровье работают предприятия, страна имеет свою валюту.

Нелестные характеристики со стороны Вашингтона получает и Россия, именуемая Бжезинским не иначе как «черной дырой» с потенциальными внутренними конфликтами. Но Россия – страна не европейская, а евразийская. Для европейцев важно, чтобы Россия подражала Европе, а не шла по собственному пути развития. Отсюда и желание поляков поскорее европеизировать Украину и неправомерные претензии государств-лимитрофов.

С вашингтонским инструктажем Польша и Украина задают дерзкий тон в стратегических отношениях реальных игроков – Франции, Германии и России. Возможно, они посчитали себя геополитическими субъектами, хотя таковыми не являются.

Но вернемся к нашим «европейским баранам». Что представляет собой ЕС? Это содружество очень напоминает конфедерацию, которую планировал создать рейхканцлер СС Гиммлер из оккупированных Германией территорий. Только у власти сейчас в ЕС как еврокоммунисты, так и бывшие члены СС и «Гитлерюгенд» (принц Альберт, Папа Римский). Демографически состарившаяся Европа одно время делала ставку на выходцев из Азии, Африки, Тихоокеанского региона. Последние события во Франции наглядно продемонстрировали, что решения ЕС, выработанные по отношению к мигрантам и этническим меньшинствам, показали свою несостоятельность. Выходцы из стран Африки и Ближнего Востока не приняли ни ассимиляцию, ни интеграцию, а начали создавать своё гетто в европейских городах. Системы безопасности также не смогли предотвратить погромов. Введение новшеств в странах ЕС по передаче информации с личными данными, систем слежения и наблюдения лишь усугубляют ситуацию и позволяют общественно-политическим движениям левого крыла этих стран еще жестче критиковать государственную систему. Во многих странах к власти приходят правые. В той же Польше новая власть подвергла критике Европу за пренебрежение к католическим корням. И в этом вопросе вполне применимыми могут оказаться опыт России и новейшая концепция прав народов. Не прав человека, где индивидуум является статистической единицей, к которой применяется либерально-буржуазная схема всеобщего права, а прав, где персона ответственна перед своим народом с учетом культурно-исторического его развития. Причем к гражданскому и уголовному кодексу применяется дифференцированный подход в зависимости от регионального контекста. Это задание. Пока же в Европе царит данность социального

напряжения и обеспокоенности. Некоторые польские политики пытаются переложить собственные неудачи от вступления в ЕС и на Россию.

«Rzeczpospolita», 16 мая 2005 г. Мачей Лентовский. «Москва слезам не верит»: «Российская политика представляет собой угрозу польским интересам и является вызовом для польской политики. Наши враги – это не россияне и не новая, федеративная Россия. Тем, что нам угрожает с той стороны, является идея империи, ибо идеи в России имеют порой практические последствия»¹.

В этом «российском комплексе» лидируют поляки. «В этом выражается наша несвободная ментальность бывших подданных империи,» – считает Качоровский². Увы, это так. А свобода ментальности может иметь место и выражаться в создании нового евроазиатского содружества. Без покорного служения американским интересам. Это начинают понимать и поляки. По словам Леха Валенсы, выступившего 24 ноября 2005 г. на съезде лауреатов Нобелевской премии мира, «осталась только одна сверхдержава, но она не является ни моральным, ни политическим лидером». Ибо германо-российская ось истории существует. Будет существовать, независимо от лимитрофных государств, которые, служа проводником американских интересов, могут привести к угрозе социального коллапса (как пример достаточно привести заявления руководства российского «Газпрома» о повышении

¹Карпец В. Восточная Европа: накануне битвы / В. Карпец // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=print&sid=2618>

²Качоровский А. Впустим Россию в Европу! / А. Качоровский // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eleprom.ru/news/detail.php?ID=14021>

тарифов почти втрое! И это не простой экономический интерес, это параллельная дипломатия. Это произошло вследствие возникшего конфликта между Россией и Украиной по поводу желания последней как можно скорее вступить в ЕС и НАТО). Даже британская газета «Times» отреагировала на то, что курс Украины на евроинтеграцию с атлантическим вектором может нанести значительный ущерб Европе, поскольку жизненно важные для Западной Европы поставки российского газа оказались, таким образом, под угрозой. США, хоть и далеко, но до нынешнего момента им удается сохранять положение наиболее могущественного государства, одновременно создавая дисбаланс посредством лимитрофных образований. Поэтому Украине и Польше нужно не оставаться вассалом Штатов, утешая себя ролью «европейской державы», а помочь, с одной стороны, России, а с другой – Германии и Франции – направить «имперские импульсы» в конструктивное русло. В этом выражается геополитический симбиоз этих стран. Созидание мощнейшего межгосударственного образования на территории Евразии.

*Текст доклада на международной научно-практической конференции «Украина в контексте евроинтеграции»,
Сумы, 2 декабря 2006 г.*

Геополитические приоритеты на Балканах

Если рассматривать положение Балкан, и в частности Югославии, то этот регион с давних времен являлся, используя геополитическую терминологию, Римландом, береговой зоной, где происходил интенсивный диалог культур и цивилизаций. Балканы омываются несколькими морями и являются связующим звеном между Европой, Азией и Африкой. За контроль над ними велась непрерывная борьба, в процессе которой проходил постоянный передел сфер влияния на Балканах (после Берлинского конгресса 1878 г. получивший название «балканизация»).

Напомним, что наука геополитика настаивает на неснимаемом противоречии двух типов цивилизаций – цивилизации Суши и цивилизации Моря, а прибрежная зона может тяготеть как к одной, так и к другой. Кроме того, тип мировоззрения (религиозный фактор, еще наличие племенных отношений между народами) напрямую влияет на

выбор государствами, входящих в Римланд, своих союзников из числа геополитических полюсов. До XX столетия карта Европы неоднократно перекраивалась, Империи, которые устремлялись над Римландом стратегическое влияние, распались, а после Ялтинских соглашений была создана Республика Югославия, которая территориально являлась западным окончанием Внутреннего полумесяца Евразии и входила, по выражению американских экспертов, в дугу нестабильности. В чем заключается смысл этой дуги нестабильности? Это последовательная реализация плана американских стратегов, именуемого в военных кругах «кольцом анаконды», в академических – линкажем (термин введен Генри Киссинджером, который предложил самыми различными способами связывать сателлиты США в Южной части Евразии, чтобы предотвратить возможность выхода Советского Союза, а потом России с союзниками к теплым морям). В федеративное устройство Югославии изначально был заложен капсюль дестабилизации, который начал детонировать еще в 1963 г., когда Косово был предоставлен статус автономии. Однако Югославия находилась между блоком НАТО и странами Варшавского договора, которые представляли собой сдерживающие силы. И лишь после распада СССР этнические конфликты разгорелись на протяжении всей дуги нестабильности. Аналитические центры США связывают это с исламским фактором, пытаясь создать видимость своего невмешательства в геополитическую ситуацию региона, хотя всем известен факт прямой поддержки США и афганских талибов, и режима Саддама Хусейна, и установления марионеточного правительства в Иране, не говоря уже о мягком вмешательстве (Soft Power), путем деятельности различных НПО, фондов, продвижения демократии и организации цветных революций.

И до настоящего времени Балканы представляют собой зону стратегического контроля, уже осуществившегося, либо, как в случае с Сербией, активно навязываемого. Если совершить небольшой экскурс в историю, то можно убедиться, что США в свое время удалось достичь ангажированности западноевропейских стран в блок НАТО, сделав их своими послушными союзниками. После окончания «холодной войны» государства Центральной и Восточной Европы стали выбирать разные пути интеграции. В той же бывшей Югославии Хорватия и Босния предпочли евроатлантическое направление, в то время как Сербия предпочла Россию. Болгария и Румыния, входившие ранее в Восточный блок, так же, как Польша и бывшие советские республики на Балтийском побережье, вошли в североатлантический альянс. Впрочем, это еще не означает, что этим странам гарантирована безопасность. Оставим в стороне вопросы военного вмешательства сил НАТО во внутренние дела стран Азии и проблемы угрозы терроризма. До сих пор во французском истеблишменте сохраняется мнение, что Германия является угрозой европейской безопасности (сама Франция попыталась предотвратить возможные конфликты путем создания собственного ядерного оружия, тесной экономической интеграции с Германией и неудачной попытки создания Средиземноморского Союза). Членство в НАТО не избавило Турцию от интриг спецслужб США с террористической организацией Рабочая партия Курдистана, нейтралитет Македонии не смог обеспечить ей эффективную защиту своих границ от посягательств боевиков из Армии освобождения Косово при поддержке инструкторов ЦРУ, а проект создания тайных армий НАТО в Европе неоднократно приводил к социально-политическим потрясениям и человеческим жертвам во многих странах. Другими

словами, за кулисой разговоров о демократии и стабильности в Европе прячется обоснованная незаинтересованность США в процветании как европейских, так и азиатских государств. Безусловно, признание независимости Косово было напрямую связано с желаниями Вашингтона протянуть дугу нестабильности во времени и пространстве, усилив ее санитарным кордоном из таких стран, как Украина, Молдова и Грузия, с ближневосточным комплексом проблем. Вполне показательным является то, что именно Турция выступает посредником в переговорах по урегулированию ближневосточного кризиса между Ливаном, Израилем, Сирией, Хезбаллой и Хамасом, которая, как геополитический центр, заинтересована в стабильности этого региона. США же, напротив, хотят перекроить этот мультиэтнический и мультикультурный ландшафт вместе с границами 23 государств, назвав его проектом Великого Ближнего Востока. Появление Великого Курдистана, наряду с Великим Израилем, Великой Албанией и другими химерными образованиями (например, Великий татарский Крым или Великая Армения) будут являться практическим воплощением стратегии линкажа Киссинджера во внутреннем полумесяце Евразии.

Нестабильность может поддерживаться также с помощью внутригосударственных манипуляций, что особенно ярко проявилось в странах, где прошли так называемые цветные революции, финансируемые США. И в Украине, и в Грузии, и в Сербии за прошедшие пять лет страны сталкивались с серьезными кризисами. Во всех трех государствах происходили досрочные выборы, и некоторыми марионеточными политиками велась конкретная русофобская пропаганда и агитация за западные ценности, в первую очередь — за вступление в блок НАТО. Фактор электоральной геополитики и

выборных манипуляций нельзя недооценивать. В Украине он привел к расколу страны на два цивилизационных типа, которые находятся в конфронтации. Это привело к противоборству политических кланов и потере российского влияния на местах. Сербия лишилась Черногории и выхода к Адриатическому побережью. Стратегические предприятия обеих стран приватизированы иностранным капиталом, внутри работают такие агенты, как Всемирный банк и МВФ, ряд транснациональных корпораций и фондов, что закреплено на законодательном уровне народными избранниками, однако, по мнению экспертов, они представляют угрозу национальной безопасности данных государств.

С точки зрения юридических норм международного права, страны Балкан, а также Европы и Азии могут быть ввержены в хаос. Кроме самопровозглашенных государств, которые будут пытаться использовать прецедент с Косово в свою пользу, проблемы ожидают многонациональные государства или страны, где есть этнические меньшинства.

Что касается России и ее интересов на Балканах. Безусловно, во времена и первого и второго югославских конфликтов Российская Федерация находилась в очень тяжелом положении и не могла взять на себя роль активного игрока на Балканах. Теперь же, с наличием партнерских связей как в Европе, так и в Азии, Россия должна отстаивать свои стратегические и экономические интересы. Даже все имеющиеся, пусть и немногочисленные, базы должны рассматриваться как авангард геополитической экспансии на юг, так как с геополитической точки зрения наличие береговых полос, не подконтрольных Хартланду, т.е. России, является постоянной угрозой сокращения тех территорий, которые на данный момент имеют прочные связи. Примером может являться и Украина, где еще

пять лет назад были возможны серьезные разговоры об интеграции с Россией и упоминавшийся выход Черногории из состава Союзной республики Сербии и Черногории.

В первую очередь, для поддержания стабильности в Сербии России необходимо вернуть туда свой миротворческий контингент, наличие которого резко сократит риск вспышки этнического насилия. Приоритетным будет являться создание военных баз как в Сербии, так и в Черногории. Это вполне отвечает задачам вооруженных сил Российской Федерации, а именно: задача обеспечения безопасности граждан России в зонах вооруженных конфликтов и политической или иной нестабильности; осуществление миротворческих операций по мандату ООН или СНГ по сценариям поддержания мира или принуждения к миру в составе коалиций, созданных в рамках международных организаций, в которых Россия состоит, или на временной основе, так же как и осуществление операций в регионах жизненно важных экономических и политических интересов РФ, которыми безусловно являются и Сербия и Черногория, где находятся значительные российские капиталы. Следует добавить, что такой зоной будет являться маршрут трубопровода Южный поток, который протянется на Балканы. Этот фактор следует учесть для увеличения присутствия России и в Болгарии и в Греции при попытке создать противовес и НАТО и ЕС. Также было бы желательно участие России в дальнейших средиземноморско-африканских транспортных проектах, которые теоретически разрабатывались с 30-х гг. прошлого столетия, но так и не были воплощены в реальность.

Возвращаясь к вопросам международного права, следует отметить, что резолюцией ООН № 1244 от 10 июня 1999 г., подтверждалась «приверженность всех государств-членов

суверенитету и территориальной целостности Союзной Республики Югославии». До настоящего момента Совет безопасности ООН не изменил данный документ, а российская армия имеет право на силовое обеспечение режима международных санкций, введенных на основании решения СБ ООН.

Безусловно, остаются еще сферы культурно-духовная и социальная, которые требуют тщательного анализа с точки зрения новых вызовов современности и глобальных сдвигов в мышлении общества. Для этого необходимо взаимодействие сетей всех уровней – дипломатических, культурных, научных, военных, экономических для быстрого интерактивного обмена информацией, разработки программ совместных действий и их постоянной корректировки в зависимости от специфики региона или ситуации.

Если элита США в отстаивании своих интересов последовательна и, зачастую, безупречна, и их целью является глобальная власть, глобальная досягаемость и глобальная бдительность, то России следует быть последовательной в отстаивании многополярности не только на словах, но и на деле, учитывая, что мир глобализирован, а с помощью глобальных сетей можно противодействовать всем устремлениям США на благо многополярного мира.

Возможно, это покажется нереальным, но, как сказал один человек, будьте реалистами, требуйте невозможного.

Текст доклада на международной конференции «Моноцентричная модель глобализации и её деструктивная роль на Балканах и во всём мире», Москва, 30–31 мая 2008 г.

Политическая идентичность русинов в контексте государственности Украины и ЕС

Русины, как и другие европейские народы, на протяжении столетий испытывали на себе действие неумолимых законов геополитики, причем как народность, укорененная в землю и находившаяся на пересечении интересов различных держав, Подкарпатская Русь долгое время была своего рода лимитрофом и буфером одновременно. Лимитрофом, поскольку являлась источником подпитки для метрополии в лице Австро-Венгрии, Российской Империи, позже СССР, ныне Украины. Кордоном, так как являлась стратегически важным местом, обладая которым, можно было контролировать рубежи. Хотя буферная политика в дискурсе международных отношений зачастую имеет уничижительный оттенок, она связана и с рядом конструктивных примеров, где небольшие страны умело управляют энергией давления двух и более государств. Это Швейцария с четырьмя языками и 26 кантонами, Люксембург, Бельгия и др.

На протяжении последнего столетия русины Прикарпатья несколько раз меняли свою гражданскую принадлежность – до Первой мировой войны были подданными империй, затем оказались в составе новосозданных республик, потом вошли в состав СССР, а после 1991 г. внезапно оказались в составе Украины. Причем после распада Австро-Венгерской и Российской империй, после известных трагедий Терезина и Талергофа русины были во главе ряда общественно-политических процессов. Во-первых, в июне 1918 г. съезд русинов-эмигрантов принял решение об идентификации южнокарпатских русинов (рутэнов) как русинов по национальности. После дебатов о будущей государственности, где было три мнения (права автономии в составе Венгрии, присоединение к Украине и суверенитет), было принято решение присоединиться Подкарпатской Русью к новосозданной республике чехов и словаков. Кроме того, парламент Венгрии принял закон об автономии русинской нации (Закон № 10 от 22 декабря 1918 г.), из названия которого уже ясно, что русины были признаны национальностью в Венгрии. А в Конституции Чехословакии, принятой в феврале 1920 г. было узаконено название Подкарпатская Русь. Однако ни постимперское, ни постгялтинское мироустройство не принесли русинам долгожданной государственности или статуса субъекта политической нации на правах автономии. Отметим также, что за Версальским мирным договором, в результате которого появились новые европейские государства, стояла концепция санитарного кордона Хэлфорда МакКиндера, предложившего создать цепь разделяющих государств между континентальной Германией и Советской Россией, что отвечало стратегическим интересам Британии.

В связи с украинской государственностью, с наличием у Украины суверенитета хочется добавить, что русинские объединения того времени являлись организациями, выступающими за национальную, политическую и культурную идентичность русинов так же, как товариство «Просвита», ОУН и др., которые общепринято считать стоявшими у истоков украинской государственности. Но, как говорил русинский юрист Жаткович, «мы писали свою историю, отличную от истории украинцев, хотя между нами и существует языковое сходство. Мы хотим стать автономным государством».

Несмотря на наличие политической воли, против русинов выступали другие факторы: горный раздел, стратегическая важность региона, появление новых идеологических составляющих у стран-соседей, которые являлись фундаментальными для их государственной деятельности того времени. С востока шло давление большевизма и коммунизма, с запада – национального социализма и фашизма в разных формах проявления (Словакия, Венгрия и Румыния являлись союзниками стран оси). Еще одним немаловажным фактором на наш взгляд является элемент трайб-политики, характерной для некоторых народностей, проживающих в районах гор и пустынь. Классическим примером следствия недостаточности изученности этого вопроса со стороны государственных и международных структур являются всплески политической активности народов, у которых еще сохранились трайбовые отношения, отличающиеся другим уровнем солидарности внутри этноса, а между тем эти народы уже вовлечены в международную деятельность. Это израильско-палестинский конфликт, не утихающий уже более половины столетия, попытки создания так называемой республики

Ичкерия, возникновение Косова и протекторат этого квази-государства со стороны США, афгано-пакистанское сопротивление.

Мы предлагаем рассмотреть русинский вопрос с точки зрения таких близких друг к другу критериев, как политика и право, исследуя их в контексте ЕС и Украины.

Здесь самой важной оказывается проблема национально-политической идентификации русинов. Русинская народность имеет все сущностные признаки национальности: общность сферы обитания, происхождения, расы, языка, нравов и обычаев, общность истории, общий правовой порядок в виде религиозных установлений¹. Причем, основным показателями являются кровное родство и язык, что не требует особых доказательств. Язык служит зеркалом нации, отражающим ее темперамент, и одновременно он является орудием политической борьбы за свои права. Вспомним Ницше, который говорил, что филолог – это человек, который контролирует язык, следовательно, он контролирует и смыслы и идеологии. Язык – это власть, филолог – это правитель.

Следующий уровень – это связь народа со своей землей. Живая работа с землей, прежде всего последовательная работа поколений, повышающая ее ценность, – вот что составляет моральное основание права собственности на данную территорию. Немецкий геополитик Фридрих Ратцель отмечал, что области обладают разной политической ценностью², что очень легко доказать на примере Украины. Крым имеет статус автономной республики, так как позднее всего вошел в состав Украины. Промышленный Донбасс определенно оп-

¹Рудольф Челлен. Государство как форма жизни / Рудольф Челлен. – М. : Роспэн, 2008. – С. 159.

²Рудольф Челлен. Государство как форма жизни / Рудольф Челлен. – М. : Роспэн, 2008. – С. 111-112.

позиционен экономически депрессивной Волыни, а культурная палитра Новороссии отличается от Галиции. Но иногда, оценивая отдельные территории, государство часто забывает о народе, его населяющем, и нередко легко идет на человеческие потери. Кусок безлюдной земли для политиков иногда значит больше, чем тысячи людей, навсегда покидающие территорию страны. Хотя Украина юридически обозначила, что она заботится о правах и свободах своих граждан, на деле происходит почти всё наоборот.

Чтобы понять концепцию заботы о гражданах в Украине и ее отличие от европейской, нужно прежде всего рассмотреть концепцию гражданства. Гражданство в Украине является правовой принадлежностью (правовая связь между физическим лицом и государством)¹, тогда как в ЕС само «гражданство обозначает политическую принадлежность, участие в государственном устройстве»².

В этом мы видим фундаментальное противоречие между концепциями демократии и гражданства, которые лишь юридически на Украине представляют собой клон западно-европейского образца. Ведь, если в нынешней западноевропейской концепции государственности сохраняется хоть какая-то преемственность синтеза демократии, прав человека и верховенства права, а в последнее время там наблюдаются попытки устранить наличие политико-юридических искривлений, то в Украине, о чем свидетельствуют события последних лет, очевидна невозможность защиты и отстаивания прав и свобод как отдельных граждан, так и народностей.

¹Конституция Украины. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/content/constitution.html>.

²Massimo La Torre. European identity and citizenship. // Reflections on European Identity. Thomas Jansen (ed.) Working Paper, 1999, [Electronic Resource]. — Access mode: http://europa.eu.int/comm/cdp/working-paper/european_identity_en.pdf.

В качестве подтверждения сказанного можно привести также нормы международного права, которые обязались исполнять Украина как член в ООН. Как отмечал верховный комиссар ООН по правам человека Джулиан Бургер, «в двух ключевых международно-правовых документах, в которых конкретно рассматриваются вопросы защиты коренных народов, признается, что защита прав коренных народов на землю предполагает, среди прочего, следующие области:

- защиту культур и самобытности коренных народов;
- право собственности, владения, использования и передачи земель и территорий;
- право на эффективное средство правовой защиты;
- право коренных народов на развитие в соответствии с их собственными потребностями и приоритетами;
- право коренных народов на природные ресурсы;
- право коренных народов на самоопределение.

Право коренных народов пользоваться своими землями и территориями также подразумевает наличие позитивного обязательства государства содействовать демилитаризации их земель и территорий, а также проведение постоянных консультаций с коренными народами по поводу использования их земель или территорий для военной деятельности, как это подчеркивается в статье 30 Декларации ООН о правах коренных народов.

В Конвенции 169 МОТ признается, что коренные народы имеют право решать вопрос о выборе собственных приоритетов для процесса развития (статья 7).

В праве на самоопределение, воплощенное в статье 1, которая является общей для двух международных пактов, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году, довольно четко обозначено, что:

- коренные народы имеют право свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие (Декларация ООН, статья 3);
- коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам (Декларация ООН, статья 4);
- коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право располагать путями и средствами финансирования их автономных функций (Декларация ООН, статья 4)¹.

Как собирается Украина защищать права и свободы своих граждан и коренных народностей, а также реализовывать положения статей ООН, неизвестно. Тем более, что гражданство в Украине относится к правовой концепции, а защита прав и свобод правовым путем не только в Украине, а и в Европе практически невозможна, и для этого нужны глубоко политические механизмы. Обычно государство опекает своих граждан даже за рубежом до тех пор, пока они сами не порвут своих связей с государством. В Украине происходит наоборот. Государство привыкло терять своих граждан и спокойно смотрит, как демографический баланс ухудшается. И дело не только в русинах и других малых народностях. Согласно прогнозу отдела экономических и социальных проблем ООН в Украине предвидится резкое падение численности населения от 46 млн до 26 млн человек (т.е. почти вдвое).

¹Бургер Джулиан. Коренные народы в индустриализированном мире: права, вызовы и политика – опыт России и ЕС. Тезисы выступления 6.02.2008./Джулиан Бургер [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unic.ru/news_inf/viewer.php?uid=28.

С этим связаны проблемы рождаемости и высокой смертности, в том числе ее высокий уровень в детском возрасте. Второе – трудовая миграция. По данным Института социологии, за пределами Украины работает 2,8 млн человек, а по данным омбудсмена Нины Карпачевой – не менее 7 млн. Чтобы улучшить демографическую ситуацию, Совет по изучению производительных сил НАН Украины предлагает положительно решить вопрос с миграцией выходцев из Афроазиатского региона, за счет которых увеличится рождаемость. В противном случае Украина сохранит тенденцию к вымиранию¹. С другой стороны, концепция ЕС об увеличении рабочих квот и снижении требований для граждан стран – нечленов ЕС, в первую очередь для стран-соседей Восточной Европы, еще более усугубляет демографическое положение Украины, особенно ее приграничных областей. И в этом отношении есть определенный риск для русинов, чья миграция из Прикарпатья может способствовать размыванию их идентичности. Так что за русинской проблемой кроется еще целый ряд проблем организационно-правового, демографического и политического характера.

Возвращаясь к данной теме, следует отметить, что Украина не признает такой этнос, как русины, несмотря на его многочисленность. По данным последней официальной переписи, в Закарпатской области проживает 1010 тыс. украинцев. Венгры, румыны, русские, цыгане, словаки и немцы составляют остальное население². Но Украина среди более ста

¹Украину ждет демографическая катастрофа? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://experts.in.ua/baza/analytic/index.php?ELEMENT_ID=10949&print=Y.

²Официальный сайт Государственного Комитета Статистики Украины. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

этносов, проживающих на ее землях, признает существование такой народности, как, например, караимы и ряд других народностей, для которых территория современной Украины не является исконной родиной, а по численности они далеко уступают численности русинов.

И еще несколько пассажей по поводу политической самоорганизации. Адам Мюллер говорил, что государство – это альянс между прошлыми и будущими поколениями. И вот он, парадокс – мы видим такой альянс у русинов, в то время как у остального большинства подданных Украины преемственность поколений разорвана, причем по целому ряду признаков – идеологическому, религиозному, электоральному, классовому, этническому, и между сторонниками той или иной позиции происходят постоянные конфликты. Несмотря на то, что долгое время русины были лояльны по отношению к украинской власти, «для самого русинского движения характерна ориентация на экзо-этническое восприятие украинства и противопоставление украинства русинству¹. Эта формулировка довольно близка к Декларации о европейской идентичности, которая осознается на основе общих интересов, обязанностей и наследия, а также через отношения с внешним.

Тем не менее, некоторые государственные деятели Украины пытаются поставить в один ряд культурное понятие украинскости, гражданство, что, как мы отметили, является правовой концепцией, политическую составляющую, государственность и националистический проект (именно искусственную химеру – национализм сверху), русинство ими противопоставляется украинству именно как деструктивное

¹Неменский Олег. Русскость и русинскость / Олег Неменский // Русин. – 2007. – № 3. – С. 93.

движение, что неверно. Скорее, мы согласимся с формулировкой Олега Неменского, который назвал вызов русинского проекта революционным¹, добавив, что он одновременно является еще и консервативным. Нельзя не коснуться и темы русофильства русинов. Большие государства, как и физические тела, всегда обладают силой притяжения по отношению к малым. Например, Эмиль Деккер отмечал подобный феномен в отношении США к странам-соседям и России в отношении к странам Азии и славянским народам Европы, где влияние на последних во многом гасилось культурными импульсами Запада. А в русофобской позиции украинской государственной элиты можно обнаружить один интересный факт. Пытаясь взвалить все мыслимые и немыслимые грехи и преступления СССР на Россию, так как она взяла на себя ответственность по правопреимственности Советского Союза, целесообразно рассмотреть передачу Чехословакией Подкарпатской Руси в состав Советской Украины с точки зрения легитимности умаления статуса Подкарпатской Руси в нынешней Украине и юридического вмешательства приемницы СССР – России в этот вопрос.

Теперь давайте вернемся к сравнительным характеристикам ЕС и Украины.

Если вопросы европейского гражданства и национальной идентичности более не рассматриваются в исключительно правовой сфере (хотя и вышли из римского права), а являются более широкой концепцией, настаивающей на политико-философском поле, в Украине видны попытки стирания гражданства и этнической принадлежности, характерной для эпохи модерна. Поэтому довольно парадоксальными

¹Неменский Олег. Русскость и русинскость / Олег Неменский // Русин. – 2007. – № 3. – С. 94.

выглядят правовые реформы в Украине, копируемые с ЕС, где официально задекларирована политика мультикультурализма и возможности нескольких идентичностей, тогда как в политической среде Украины очень сильны тенденции создания штрих-нации.

Однако тенденции глобализации и мультикультурализма в ЕС также имеют негативные последствия, среди которых – отсутствие у национальных государств исключительных прав на исполнение прав и обязанностей в отношении своих граждан (т.к. созданы наднациональные структуры, такие, как Совет Европы, Европейский парламент, институт омбудсмена и пр.).

Есть несколько пунктов, которые сближают Украину и ЕС. Первое – между элитой и народом в Западной Европе существует пропасть непонимания, так как действующая бюрократия там пришла к власти не через демократическую легитимацию. Нечто похожее наблюдается и в Украине, хотя имеет свою специфику. Второе – это традиции политического либерализма, которые в Европе и Украине понимаются по-разному. Третье – это проблемы с демографией, о механизмах решения которых мы уже упоминали и взгляды на решение которых в ЕС и Украине различны.

Теперь перейдем к интеграционным процессам. По социологическим данным Евробарометра, интеграционные процессы в ЕС способствуют всплеску национализма и усилению регионалистских тенденций¹. В связи с этим будут интересны попытки прогноза в отношении подобных про-

¹Лукша Николай. Гражданство Европейского Союза: содержание, проблемы, тенденции развития./Николай Лукша [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://loukcha.at.tut.by/stati-europe-3.html>.

цессов на Украине. Ведь руководство этой страны постоянно заявляет и законодательно закрепляет инициативы по евроинтеграции (т.е. отказ от собственной идентичности и стремление стать одним целым). Если в последние годы политические процессы привели к росту эрзац-национализма, который основан на противопоставлении, произойдут ли позднее всплески малого национализма? Как показывает опыт других стран, кроме этнического национализма, на него может накладываться религиозный (Ирландия), лингвистический (баски, фризы), культурный (Шотландия, Каталония) и социально-экономический (Фландрия). Однако в трансформации ЕС заметна очень негативная тенденция – формирование граждан Европы, а не укрепление идентичности народов, что является очередным этапом либерализма. В этом нельзя не согласиться с немецким политическим деятелем А.М. Ван дер Бруком, который еще в начале прошлого века сказал, что «либерализм убивает народы»¹.

Кроме того, интеграция еще может умять национальный суверенитет, показательным примером чего является существование блока НАТО и отказ ряда стран ЕС от своей национальной валюты.

Опыт государств, особенно национальных меньшинств ЕС и политико-правовые искривления на Украине нужно учесть русинам в борьбе за свои культурные, национальные и политические права.

В подобной борьбе история всегда требует от нации воли, силы и решимости действовать любой ценой. Именно это оказывает решающее влияние на суд общественности.

¹Алан де Бенуа. Тезисы к четвертой теории / Алан де Бенуа // Профиль. – 2008. – № 47/15 декабря. – С. 29.

Возможно, вызов небольшого народа, такого, как русины, напомнит Украине о взятых на себя обязательствах и, наконец, позволит остальному народу этой страны, к какому бы этносу они ни принадлежали, полноценно участвовать в своей судьбе.

Текст доклада на международной научно-практической конференции «Геноцид и культурный этноцид русинов Карпатской Руси (конец XIX — начало XXI вв.)», Ростов-на-Дону, 19 декабря, 2008 г.

Возможные сценарии конфликтов и текущие вызовы в зоне действия ОДКБ

Эскалация замороженных конфликтов и появление новых, выход на мировую арену новых геополитических игроков, прогнозы аналитических центров, посвященные различным угрозам, а также глобализационные процессы вынуждают Россию и ее региональных партнеров по вопросам безопасности пересмотреть свою стратегическую позицию и просчитать возможные сценарии конфликтов – от силовых до неконвенционных.

В первую очередь, особую тревогу вызывает текущая ситуация в Черноморско-Каспийском регионе, который представляет сложный и проблемный участок, где пересекаются интересы ряда региональных держав, в частности Турции-члена НАТО, России, Ирана и других государств. К нему относятся ряд замороженных конфликтов – абхазский, югоосетинский и карабахский. В частности, особое беспокойство вызывает интерес США к Армении и взаимодействие этой

страны с Азербайджаном через посредничество Турции. Согласно заявлениям представителей администрации Обамы, США заинтересованы в скорейшем урегулировании карабахского конфликта, что может привести к его размораживанию и эскалации напряжения в регионе.

Также под вопросом остается правовой статус Каспийского моря, где противоречия и спорные вопросы между прикаспийскими государствами до сих пор не решены. Как известно, сведения о запасах углеводородных ресурсов сильно преувеличены, сам Каспий имеет больше не экономическое, а геополитическое значение. США направленно работают со всеми странами региона под видом лоббирования их интересов в прокладывании энергетических магистралей (то же относится и к Карабаху, который расположен в зоне проектируемых путепроводов) и стремятся усилить свое влияние. Не могут не вызывать беспокойство неоднократные заявления от американского военного командования о готовности помочь Туркмении и Казахстану в укреплении военного флота, что в перспективе может привести к созданию американских военных баз на Каспии.

Все это указывает на целенаправленную стратегию США в отношении Кавказского и Прикаспийского регионов. На данный момент у России и ОДКБ такой стратегии нет, и она нуждается в разработке.

Кроме того, эскалация конфликта в Средней Азии – военные действия США в Афганистане, который граничит с Узбекистаном и Таджикистаном, членами ОДКБ, может привести к дестабилизации на границах этих государств. Радикальные исламистские группировки и наркокартели являются дополнительными дестабилизирующими и опасными факторами. Назначение американского неоконсерватора Залмая

Халилзада, одного из разработчиков операции «Буря в пустыне» против Ирака на высшую должность в правительстве Афганистана, и планируемое увеличение военного контингента США в этой стране свидетельствует о жесткой стратегии Барака Обамы по отношению к Средней Азии, где, скорее всего, США форсируют отстаивание своих целей силовым путем.

В этом контексте следует обратить внимание на факты наращивания военного потенциала США – значительное увеличение бюджета Пентагона (в первую очередь на нужды разведки), создание новых видов вооружения и проведение боевых операций, в том числе относящихся к разряду Net-centric warfare (сетевых войн). Созданы новые виды войск – кибервойска, спецкоманды по сетевым операциям, продолжается развертывание вооруженных сил на приграничных территориях с зоной действия ОДКБ – от проведения маневров НАТО в Черноморском регионе (Румыния, Болгария, Грузия) до размещения новых баз (в первую очередь строительство новой базы в турецком Трабзоне).

Также мало уделяется внимания Дальнему Востоку. Значительная удаленность от центра, слабые коммуникационные системы, отсутствие надлежащей инфраструктуры, ухудшение демографической ситуации на фоне малозаселенности этого огромного пространства и наличие залежей ценных природных ресурсов в этом и соседних регионах делает его потенциально уязвимым. Согласно доктрине Китая по национальной безопасности, Россия по определенным причинам находится в пятерке стран, представляющих угрозу для этой республики. В отношении КНР можно отметить, что с их стороны сохраняется возможность ведения торговых войн, эскалации миграционных потоков в Сибирь, на Дальний Восток и в Казахстан, а также использования экономико-политических рычагов в борьбе за энергоресурсы.

Отдельным дестабилизирующим фактором является спорный вопрос РФ с Японией по поводу Курильских островов. Кроме того, Россию через Берингов пролив отделяет менее 100 км от основного геополитического оппонента – США, где на Аляске находятся базы ВМС, ВМФ и ПРО.

Согласно сценариям компьютерного моделирования, проведенного некоторыми отечественными и зарубежными аналитическими центрами и учитывающими ряд политико-социально-экономических показателей, при снижении уровня обороноспособности Российской Федерации и невозможности справиться с внутренними конфликтами Дальний Восток и Сибирь могут быть оккупированы США, Японией и Китаем (к списку регионов, претендующих на отпадение, относятся также и Северный Кавказ).

Следует упомянуть усиление роли атомной энергетики в мире, из-за чего наличие разработок месторождений урана, центры по его обогащению и атомные реакторы в странах-членах ОДКБ потенциально могут попасть в списки целей террористических группировок.

Поэтому, помимо разработки долгосрочной стратегии Российской Федерации по отношению к зоне своих стратегических интересов, следует поставить вопрос об оборонной модернизации, направленной на повышение эффективности вооруженных сил РФ и ее союзников, в том числе и в неконвенционных конфликтах (сетевые войны с использованием этнического, социального, религиозного и других факторов, кибер-атаки и т.п.).

Что касается возможного сценария дальнейшей работы ОДКБ, то, учитывая характер работы Североатлантического альянса с различными странами, в том числе с Россией и другими участниками ОДКБ, существует негативный, а точ-

нее неприемлемый для ОДКБ вариант, по которому взаимодействие ряда стран-членов ОДКБ с НАТО будет всесторонне развиваться, тем самым саботируя непосредственно работу внутри ОДКБ. Принимая во внимание оказание военной помощи стран НАТО и США ряду государств Черноморско-Каспийского региона, а также переговорные процессы, включая третьи юридические лица, стратегия по блокированию действий ОДКБ в ближайшей перспективе может превратиться в реальность.

В связи с вышесказанным принципиально важное значение будет иметь выход РФ из двустороннего формата отношений с НАТО и переход к партнерству ОДКБ-НАТО (что соответствует ст. 4 Устава организации). Это позволит повысить статус ОДКБ на мировой арене, сам процесс будет проходить в рамках международного права, а действия ОДКБ в зоне своих интересов не будут ограничены внутренними противоречиями. Кроме того, подобный формат взаимоотношений будет полностью соответствовать стратегии руководства РФ и, надо полагать, руководства других государств-членов ОДКБ, позволит формировать свои правила игры и быть активно действующим субъектом, а не объектом геополитических процессов.

Текст доклада на седьмом заседании Научно-экспертного Совета ОДКБ по вопросам развития военно-политической обстановки в зоне действия Договора о коллективной безопасности и прилегающих регионах., Москва, 22 мая 2009 г.

Глобализация во благо народов. Перспективы четвертой политической теории

Тема глобализации, которую начали активно исследовать с 90-х гг. прошлого столетия, продолжает оставаться актуальной, свидетельством чего являются события, происходящие на мировой арене. За попытками транснациональных корпораций и различными мондиалистскими проектами обнаруживается не просто жажда наживы, контроля и мирового господства. Источником является политическая философия, которая берет свои истоки в Древней Греции, где первоначально были сформированы установки, впоследствии воспринятые и истолкованные как неоспоримые. Целью данного доклада не является попытка создания альтернативной истории. Полностью соглашаясь с рядом аргументов Жака Дерриды по поводу того, что «идеальный или эйфорический образ глобализации как процесса открытия границ, делающего мир более гомогенным, надо оспорить с абсолютной серьезностью и бдительностью. Не только потому, что указанная гомогенизация там, где она произведена в действительности или

предположении, имеет как лицевую, так и оборотную стороны (ужасающий риск, слишком очевидный, чтобы тратить время на его описание), но также и потому, что видимая гомогенизация часто скрывает за собой старые или новые формы социального неравенства или гегемонии (то, что я называю гомогегемонизацией), которые мы должны знать, чтобы распознать в новых обличиях и бороться с ними»¹, мы лишь вскользь отметим некоторые вехи истории, непосредственно связанные с вопросами глобализации.

Первая волна глобализации связана с эпохой великих открытий до начала Первой мировой войны. Вторая волна – от 1947 до 1991 гг. – это время постъялтинского мира и «холодной войны». Третья волна началась в 90-х гг. и продолжается до нынешнего момента, породив множество эффектов, таких как виртуализация экономики, реколонизация, появление обществ сетевого типа. Хотя американский историк Гопкинс, вместе с редактором издания «Foreign Policy» Моисеем Наимом утверждают, что глобализация началась еще во времена премодерна, когда началась миграция народов², это заявление с учетом того значения традиций, обрядов и религий, которое было у людей премодерна, выглядит не слишком убедительно. Как справедливо заметил Люк Мартелл, рассматривая весь спектр образов глобализации и связанных с нею новых школ и учений, в историческом контексте глобализация не является интернационализацией³. Сейчас, как отмечает ряд исследователей, наблюдается обратная

¹Деррида Ж. Глобализация, мир и космополитизм. /Ж. Деррида – Космополитис. – 2004. № 2 (8).

²Naim M. Think Again: Globalization/M. Naim// Foreign Policy. – March – April 2009.

³Martell L. The Third Wave in the Globalisation Theory./L. Martell // International Studies Review, 9, 2, Summer 2007.

волна глобализации, исходящая из развивающихся стран, которая способствует экономическим изменениям в этих регионах, приводя к дисбалансу субъектов международной политики, и, если эта тенденция сохранится, это может привести к непредсказуемым последствиям. Возможно, со мной не согласятся сторонники теории хаоса, обосновав такие изменения как внутренне присущие комплексной динамической системе, которой, безусловно, является любое государство и, тем более, блоки и союзы¹. Однако, управляемый хаос может использоваться как один из инструментов глобализации, используемый стратегами Запада в своих интересах².

Для нас упоминание трех волн глобализации было необходимым для того, чтобы провести определенное сравнение с тремя политическими теориями. В тот или иной период господствовали определенные идеологии, построенные не только на революционном насилии, но, прежде всего на философско-политической платформе. В прошлом веке мы наблюдали, как три основные идеологии боролись друг с другом на исключительность и доминирование. Первым появился либерализм, который рассматривает субъектом истории индивидуума, оторванного от комплекса культурного наследия и межсоциальных связей. Как реакция на буржуазно-капиталистическую систему, выражением которой был либерализм, появился коммунизм или марксизм. Позже всех возник фашизм и национал-социализм как одна из его версий, но исчезли они самыми первыми. В 1991 г. мир признал поражение второй теории и на какое-то время воцарилось торжество либерализма³.

¹Mann S. Theory of Chaos and Strategic Thought/Steven Mann// Parameters, Vol. XXII, – Autumn 1992, p.62.

²Федотова В. Управляемый хаос./Федотова В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=146>.

³Дугин А. Четвертая политическая теория/А. Дугин. – СПб. : Амфора, 2009. – С. 10 -11.

Три волны глобализации и три политические теории, последние из которых угасают на наших глазах напоминают о трех типах общества — традиции, модерна и постмодерна, а также экономических моделей – натуральный обмен, монеты\банкноты, безналичные расчеты и турбокапитализм.

Поскольку мы столкнулись с третьей волной глобализации, связанной с либерализмом, утверждающим примат экономики над другими сферами, было бы логично коснуться некоторых альтернативных экономических моделей и тех плоскостей, которые лежат по ту сторону экономики, но во многом ее преопределяют.

Определенно, существует связь между поведенческими и экономическими моделями. Этнос определенного народа, связанный с мировоззренческими установками, влияет на формирование моделей общественного поведения и хозяйственного уклада. Например, исламская экономика отрицает процентный рост, что отмечал русский философ Вл. Соловьев, говоря о «здоровом и трудовом» начале в исламе. В православии экономика – это, прежде всего домострой. Даже если люди после грехопадения и вынуждены трудиться в поте лица своего, они все же «сорботают творцу», не сомневаясь в его воле. Подобные воззрения были уже искажены в протестантизме, и Макс Вебер убедительно показал, что во многом современная либерально-рыночная экономика построена на протестантской этике¹. Совершенно уникальную доктрину «буддистской экономики» разработал ученый Эрнст Шумахер, предложив новые принципы отношения к труду и справедливо отметив, что «экономисты, как и многие другие

¹Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма/ М. Вебер. – Ивано-Франковск : Ист-Вью, 2002.

специалисты, страдают метафизической слепотой»¹. Даже если абстрагироваться от различных вероисповеданий, против которых боролись представители некоторых политических идеологий, то архетипы и коллективное бессознательное остаются. Карл Густав Юнг вполне созвучен с Максом Вебером в своей критике либерализма, но уже с позиций психолога. «Десимволизованный мир протестанта привел сначала к нездоровой сентиментальности, а потом к обострению моральных конфликтов»². Вопрос не только в сексуальных и психологических расстройствах, которые анализировал швейцарский ученый. Архетипы и символы вполне вписываются в экономический паттерн. Американский исследователь Бернар Лиэтар утверждает, что нынешняя мировая монетаристская и финансовая системы основаны на патриархальном архетипе, при котором деньги являются средством для накопления³. При этом остальные архетипы уже длительное время находятся в подавленном состоянии, и из-за такого дисбаланса происходят финансовые бумы, банкротства, биржевые обвалы и прочие катаклизмы. Однако в истории были случаи, когда работал другой архетип, основанный на матрифокальном принципе – Древний Египет, высокое Средневековье и др., где локальные деньги действовали по принципу демереджа и являлись средством обмена. Пока отсутствуют широкие исследования, связанные с влиянием архетипов на гетеродоксальные экономические теории, разработанные в 19-20 вв. и представляющие собой альтернативу

¹Schumacher E.F., *Small Is Beautiful: Economics as if People Mattered*/ E.F. Schumacher. – London: Anthony Blond Ltd., 1973.

²Юнг К. Г.; Фуко М. Матрица безумия/К. Г. Юнг. – М. : Эксмо, 2007. – С. 99.

³Лиэтар Б. Душа денег/Бернар Лиэтар. – М. : Олимп : АСТ : Астрель, 2007.

существующей центральной системе, укорененной в политический проект. Ряд этих теорий был подкреплен практическими экспериментами, например, проект региональных денег Сильвио Гезеля, давший колоссальный эффект, который оказывал прямое влияние на благосостояние общин.

Условные «денежные» системы LETS, Time Dollar, WIR, представляющие собой инструменты взаимного кредитования и, что естественно, являющиеся беспроцентными, – прекрасный образец экономической солидарности внутри общества до сих пор. В Японии есть так называемая «валюта здравоохранения», измеряемая в часах работы, которую можно применять в государственных программах здравоохранения. Эффективность подобных систем отмечалась и современными отечественными исследователями¹. Даже при применении классических экономических и банковских механизмов в мире есть немало примеров такого подхода к распределению средств и инвестиций, который не вписывается в либеральные схемы. Например, такие организации, как Triodos Bank (Нидерланды), Cultura Bank (Норвегия), La Nef (Франция) и др. руководствуются в своей работе очень четкими этическими принципами, которые в двух словах можно выразить фразой, часто употребляемой антиглобалистами: «Люди важнее прибыли». Более того, ряд специалистов и аналитиков предложили немало различных схем экономической стабилизации, основанной на принципах прямой демократии. Например, ведущий аналитик Бангкокского института Focus on Global South предлагает следующие пути преодоления глобализации через экономику:

¹ Чернецов Василий. Эмиссия: товарищество на доверии / Василий Чернецов. // Русский Журнал. — 8.07.1998.

1. Производство на внутреннем рынке вместо экспортного направления должно снова стать центром гравитации экономики.
2. Принцип субсидиарности должен присутствовать в экономике.
3. Политика торговли должна защищать локальную экономику от разрушительного действия корпоративных структур и низких тарифов.
4. Промышленная политика должна возродить и укрепить сектор мануфактуры.
5. Долгосрочные мероприятия по справедливому распределению доходов могут создать энергичный внутренний рынок, который будет выступать в роли экономического якоря и создавать местные финансовые ресурсы для инвестиций.
6. Коррекция экономического роста будет повышать качество жизни, а максимизация объективного подхода уменьшит дисбаланс, связанный с окружающей средой.
7. Разработка и распространение благоприятных экологических технологий в промышленности и сельском хозяйстве должны поощряться.
8. Роль принятия стратегических экономических решений не может быть отведена лишь технократам или рыночникам. Наоборот, должны быть созданы возможности демократического принятия решений в экономике, чтобы такие вопросы, как развитие промышленности, пропорции правительственного бюджета в участии аграрного сектора и т.д., стали темой демократических дискуссий и выбора.
9. Гражданское общество должно постоянно мониторить и наблюдать за частным сектором и государством. Этот процесс должен быть институционализирован.

- ю. Комплекс собственности должен быть трансформирован в «смешанную экономику», которая включает в себя коммунальные кооперативы, частный бизнес, государственные компании и исключает транснациональные корпорации.
- ii. Централизованные глобальные организации типа МВФ и Всемирного банка должны быть замещены региональными, построенными не на принципе свободной торговли и мобильности капитала, а на принципах кооперации, которая, по мнению Уго Чавеса о проекте ALBA, «превосходит логику капитализма»¹.

К глобализации также важно применить и социальный анализ. Методология Бодрийяра позволяет проследить, как финансовизм и спекулятивные рынки привели к созданию экономических симулякров, подрывающих жизнедеятельность социальных систем². Не менее интересна модель Жоржа Батая, демонстрирующая, как экономическая конкуренция, характерная для либерального уклада, напрямую связана с риском войны. Французский социолог указывает, что излишняя энергия, переходящая в богатство должна быть потрачена на развитие системы. Если не происходит своевременного отвода энергии посредством траты, то она неизбежно расходуется путем катастроф. Кроме того, попытки уничтожать продукты труда при перепроизводстве (которое Карл Маркс отмечал как один из атрибутов капиталистической системы) является признаком бессилия, а увеличение третьего сектора экономики неизбежно приводит к войне³.

¹ Walden B. The Virtues of Deglobalization/ B. Walden // [Electronic Resource]. — Access mode: <http://www.fpif.org/fpiftxt/6399>.

² См. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака/ Жан Бодрийяр. — М. : Библион, 2004; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть/ Жан Бодрийяр. — Томск : Добросвет, 2009.

³ Батай Ж. Проклятая часть/ Жорж Бабай. — М.: Ладомир, 2006, — С. 116–118.

Архетипы, война и экономика тесно взаимосвязаны между собой. Не случайно теория игр применяется для математического моделирования в экономике и военном деле. К исследуемой теме нужно добавить, что, по мнению энтузиастов глобализации из США и стран Западной Европы, тесное взаимодействие стран и народов, чему будут способствовать глобализационные процессы унификации стандартов и гомогенизации культур, должен был привести к уменьшению вероятности конфликтов, однако появление новых моделей общества привело к новым формам войн. Иррегулярные войны и неконвенциональные конфликты накрыла громадная тень сетевой или сетецентричной войны, принятая на вооружение Пентагоном. По замыслу их архитекторов такие войны ведутся во время конфликта, кризиса и мира и влияют на поведение врага, союзника и нейтральных сторон¹. То есть из чисто военного применения они перешли в сферу социально-культурную, экономическую, дипломатическую и др., а время их начала и завершения крайне неопределенно, активным же субъектом выступают не только государства, но и транснациональные корпорации, НПО, религиозные объединения, преступные группировки и политические партии. Другими словами, сетевые войны ведутся всегда и против всех. *Bellum omnium contra omnes* Гоббса распространилась на весь мир, в котором функции Абсолютного государства — Левиафана хотят исполнять США.

Ключевым моментом в таких войнах является информация, точнее ее своевременное получение, обработка и прокачка по каналам коммуникации, что позволяет создавать эффект своевременной и надлежащей осведомленности среди своих и перекрытие доступа к информации для чу-

¹ Alberts, Davis; Gartska, John; Stein Frederic. *Network Centric Warfare*, CCRP, 2000.

жих (классический принцип пары друг – враг по Шмитту). Кроме того, наделение того или иного послания акцентами и манипулирование знаками, о чем писали исследователи информационных войн и технологий, позволяют создавать особый дискурс, который в качестве инструмента применяется в международной политике. С другой стороны, выключенность ряда регионов из всемирной информационной сети и создаёт определенные риски вследствие наличия у ряда стран и народов другого паттерна мышления, чем у центра мировой глобализации¹.

Поскольку когнитивная сфера является наиболее существенным аспектом сетецентричных войн и все сильнее влияет на международные процессы (об этом свидетельствует появление таких терминов, как глоттополитика и ноополитика), необходимо качественно новое осознание, способствующее пониманию исходящих угроз извне, их причин, а также моделей мышления (включая архетипы) других народов. Предыдущие бихевиористские подходы и ведение информационных войн велось в основном со стороны правительства США в отношении всех остальных народов. При нынешнем кризисе либеральной системы и инициативе некоторых стран переформатировать международный порядок следует изменить подход и к наукам, которые влияют на формирование мировоззрения будущей элиты, и к социокультурным практикам, которые, несмотря на всю свою важность, долгое время оставались вне поля зрения большой политики. Сдвиг мышления должен быть комплексным, с задействованием архетипических пластов, который позволит болезненно отмереть старым мемам и заложить основы для

¹ Barnett, Thomas. *Pentagon's New Map: War and Peace in Twenty-First Century*/Thomas Barnett. – Putnam Publishing Group, 2004.

нового миропорядка, где в цветущей сложности будут гармонично соразвиваться общества устойчивого изобилия.

Как было указано в начале статьи, ряд философских установок задал определенное направление развитию наук, которые были приняты как нечто жестко фиксированное и не подлежащее критике. Можно также учесть тот факт, что корпус древнегреческой философии попал в Западную Европу посредством арабского мира и подвергался определенным искажениям. Но переосмыслить фундаментальные основы бытия рискнули немногие. В этом плане показательно наследие Мартина Хайдеггера, чьи работы, несмотря на определенную сложность, могут быть хорошим подспорьем для разработки новой теории. Также этот процесс должен проходить в оптике деконструкции, чтобы отсеять спекулятивные наслоения и отжившие свой век механизмы социально-политического конструирования.

Подводя итог, можно сказать, что после трех политических теорий (либерализм, марксизм и фашизм), которые показали свою несостоятельность, и трех волн глобализации (смена трех обществ — традиции, модерна и постмодерна, а также экономических моделей) необходима выработка новой политической теории, которая сформирует четвертую волну, качественно отличную от трех предыдущих, и где основным действующим субъектом, как уже было сказано, будут народы. При этом, важно не формирование оппозиции и движений по принципу «анти», а выработка конструктивного контркредо, которое по мнению З. Бжезинского сможет разрушить глобальное доминирование США¹. В данной теории или, как ее назвал французский философ Ален де

¹Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство/ Збигнев Бжезинский. – М. : Международные отношения, 2004. – С.198

Бенуа, Четвертом Номосе Земли¹, субъектом истории должны быть народы в процессе своего чистого бытия, со всем богатством межкультурных связей, традиций, этнических особенностей и мировоззренческих установок. Тогда альтернативные модели и попытки многих аналитиков, специалистов и противников глобализации Запада смогут найти свое широкое применение.

Текст доклада на международной конференции «Земля, живи! От вражды к сотрудничеству цивилизаций», г. Москва, 4 декабря 2009 г.

¹Бенуа А. Против либерализма. К четвертой политической теории / А. Бенуа. – СПб.: Амфора, 2009.

Научные основы политических систем: к необходимости выработки новой модели

В основу таких категорий, как безопасность, международные отношения и военное дело, имплицитно заложена философская проблематика и определенные идеологемы, которые скрытно или напрямую влияют на выработку долгосрочной политической стратегии. Рассматривая перспективы сотрудничества России и стран Средней Азии, необходимо учесть один немаловажный момент – это причины, предшествующие ухудшению отношений между этими странами, а если говорить точнее, распад СССР. Как ни странно, возможность будущего тесного взаимодействия между странами региона тесно связана с событиями 90-х гг, так как то, что послужило толчком к краху Союза, одновременно служит основой будущей кооперации. Это либерализм. Если двадцать лет назад стагнация марксистской идеологии привела к тому, что был принят либеральный путь развития, сейчас стало очевидно, что данная политико-идеологическая мо-

дель не приемлема. Причем, не только для региона центральной Евразии, но и для всего мира. Свидетельством этого является мировой финансовый кризис. Он обнажил те скрытые противоречия, которые были заложены в либерализме – рыночная свобода, права человека, ликвидность капитала, новая экономика и все остальное, что выдавалось за необходимые блага, оказалось лишь набором фраз, прикрывающих те разрушительные механизмы, которые подтачивали социальные системы в разных уголках земного шара.

Безусловно, латиноамериканская версия марксизма весьма интересна, и, как показывают события последних лет, весьма эффективна в противодействии неолиберальному влиянию США. Однако для России эта идеология, даже с корректировкой на нынешние реалии, вряд ли будет приемлемой. Во-первых, распад СССР в какой-то мере показал несостоятельность марксизма, во-вторых, у нас другая историческая, культурная, геополитическая и цивилизационная база, которая не коррелируется даже с успешными латиноамериканскими политическими моделями.

Также есть интересные гетеродоксальные региональные политические проекты – Хукумат Исламия, Ливийская Джамахирия и др., но все они не выходят за рамки одной государственной системы. В истории также были попытки создать альтернативу существующему мейнстриму, известные как Третий путь, но они оказались раздавлены коммунизмом и фашизмом.

Единственное, что остается – это выработка новой политической теории, которая была бы действенной для нашего геокультурного пространства. И, возможно, она станет тем маяком, который подвигнет остальные страны активно включиться в создание многополярного мира.

Первый вопрос, который возникает, – в чем будет ее отличие от предшествующих теорий? С философской точки зрения, – в том, как относятся государства и народ ко времени. Нам известно, что марксизм был футуристичен – говорилось о грядущей победе коммунизма через неопределенное время. Эта победа не наступила. Национал-социализм и фашизм, наоборот, пытались воссоздать Золотой век изобилия, но уже с лицом модернизма. Это были своего рода попытки установить новый временной цикл (отсюда – тысячетелный Райх). Все это тоже закончилось провалом. Либерализм же говорил о конце истории, что ярче всего описано у Фрэнсиса Фукуямы (Конец истории и последний человек). Этого тоже не произошло. Вместо обещанных апологетами либерализма номадического информационного общества эгоистов-индивидуумов, потребляющих плоды технокультуры, мы имеем серьезные экономические коллапсы по всему миру, конфликты от локальных бунтов до многолетних войн с участием множества действующих лиц, и социальное разочарование.

Какое же отношение ко времени должно быть у практиков новой политической теории? По нашему убеждению, это должен быть союз с вечностью, о котором говорил Артур Меллер ван дер Брук. Если человек будет рассматривать себя и народ не как нечто преходящее и сиюминутное, а как часть вечности, тогда у него будут кардинально отличные от либерального подхода и ценности и интересы, когда индивидуум рассматривается как действующее лицо в определенный отрезок времени. Такой подход является одновременно консервативным и настаивает на созидании новых ценностей.

Кроме того, стоит отметить, что у всех трех предыдущих политических теорий была единая научная парадигма,

построенная на механицистской теории, которая тоже определенным образом влияла на формирование политической идеологии. Можно сказать, что эпоха Просвещения посредством унификации научной мысли принесла плоды в виде марксизма, либерализма и фашизма, хотя вполне могли быть использованы и другие научные модели. Альтернативные научные парадигмы появились позднее, в XX в. Тогда новые открытия позволили заговорить о теории суперструн, о холистском подходе к науке, о теории хаоса. Последняя, по мнению Стивена Манна, вполне адекватна для международных отношений. В своей статье, которая уже является классикой современной дипломатии, он сравнивает эксперименты, связанные с прикладной физикой, с социальными процессами. Имеется груда песка, и, когда ее высота доходит до определенной точки, он рассыпается и снова приходит в устойчивость. Но если песок влажный, то шансов сконструировать более высокую пирамиду больше. В обществе подобный эффект он называет социальной сплоченностью, которая делает государственные основы более устойчивым. Другой его пример связан с внешней политикой США. Манн критиковал вмешательство в дела других государств, которые следовали идеологии, отличной от их собственной. Однако он отметил, что самый простой способ менять программы в компьютере извне – это хакерское проникновение. Таким образом, идеологию он сравнил с программой, а людей – с самими системными блоками, и предложил менять программы в чужих компьютерах, незаметно их взламывая, т.е. поступательно насаждая американские ценности и культурный образ жизни. Можно продолжить ряд примеров того, как применяются новые научные открытия и подходы в международных отношениях, конфликтах, идеологических группах.

Все это говорит о необходимости ревизии тех основ, на которых держится современное мироустройство. Это призыв ко всему научному сообществу активней включаться в разработку новой, эффективной модели, которая была бы эффективной не только для стран Европы и Азии, но и для граждан государств других континентов.

Текст доклада на международной научно-практической конференции «Россия и Центральная Азия: партнерство в XXI веке», г. Екатеринбург, 11 февраля 2010 г.

Пересмотр античных категорий. К государству вопрошания без страха

Поскольку формирование известных политических теорий началось задолго до их появления на мировой арене, необходим исторический анализ предпосылок для выявления тех ключевых моментов, которые привели к выработке этих моделей.

Корни европейской политической философии уходят в Древнюю Грецию – в первую очередь, в учения Платона и Аристотеля о государственном устройстве. Мы знаем, что на зарождение схоластической школы Западной Европы повлияли именно тексты Аристотеля и ряда других авторов. Однако если проанализировать тот процесс, в течение которого эти идеи инсталлировались в западноевропейское сознание, мы обнаружим, что имело место искажение первоначальных смыслов, если подходить с точки зрения социальной лингвофилософии. Известно, что любой перевод не может адекватно передать смысл определенного выражения, так как на

языковой аппарат накладывают отпечаток глубинные структуры сознания, предопределяемые месторазвитием, религиозными идеями и культурными традициями носителя языка.

Можно привести банальный пример: по-испански «Добрый вечер» звучит как *Buones tardes*, эта фраза произносится начиная с полудня. Какой вечер может быть в 12 часов дня? Но если мы проанализируем этимологию данного выражения, обнаружится, что корень этого слова такой же, как у глагола *tardar* – медлить, опаздывать, катиться вниз. Теперь представьте себе знойную Испанию в разгар солнцепека, когда природа замирает и всякая тварь прячется в тень. И, вместе с этим, солнце после полудня начинает клониться к горизонту. Аналогично обстоит и с арабскими текстами. Этноисторически ислам складывался в пустыне, что формировало определенную культуру и язык этой культуры. Кочевой образ жизни определенно повлиял и на идеи распространения ислама на внешний мир. Тексты Аристотеля, Эвклида и других авторов были переведены на арабский в IX в., а до этого сохранялись на Ближнем Востоке у еретиков-несториан на сирийском языке. Лишь после таких филологических изменений они попали в Европу.

Перевод античных текстов был институционализирован в XII в. благодаря аббату из Ключни Петру Достопочтенному, причем их необходимость обосновывалось им как, в первую очередь, интеллектуальная борьба против мусульманства. Еретики или иноверцы, говорил он, неважно, как их называть, но для того чтобы с ними грамотно бороться, мы должны понимать, как они думают, при этом Петр из Ключни отмечал отсутствие должных для этого знаний в среде западноевропейских «ученых». А так как латиняне уже не знали древних языков, то потребность создания команд переводчиков и средневековых аналитических центров выдвигалась

лась на первый план. При этом помогали им сами мусульмане, иудеи и христиане-монофизиты, привнесшие изюминку своих религиозно-этнических рудиментов. Но не следует забывать, что и католики, которые являются одной из отколовшихся ветвей Восточной христианской церкви, при переводах на латынь тоже в свою очередь переосмысливали и трактовали корпус античных текстов. А вместе с монахами на интеллектуальной ниве тогда трудились и бродяжничающие философы-голиарды, которым была свойственна выраженная антипапская направленность. При этом большое значение придавалось софистике как одному из методов диалектики. Поэтому вполне последовательно на этой почве появились работы Канта, Гегеля, Фихте, Гоббса и других философов государства, которые привнесли свои домыслы и обоснования, но уже были далеки от первоначального смысла аристотелевских и неоплатонических текстов. Хотя тексты этих авторов и повлияли на становление трех предыдущих политических теорий, но при их анализе и деконструкции можно обнаружить ряд противоречивых положений и пунктов, по которым вполне обоснованно есть все основания высказать принципиальное несогласие.

Даже если не принимать во внимание пересмотр философских взглядов из-за смены политического режима, что хотел сказать Гегель своим заявлением о том, что «именно дух я могу совершенно сделать своим»? Конечно же, эпоха Просвещения тоже сделала свое дело, подвергнув комплексные понятия дефрагментации и выхолащивая из них глубинные смыслы античного наследия. Не случайно еще ранее Бернارد Шартрский говорил, что «мы – карлики, забравшиеся на плечи гигантов» в отношении средневековой науки, базирующейся во многом на наследии предыдущих эпох. Только насчет того,

что видно лучше и дальше, можно поспорить, так как из-за сбоев сознания были нарушены механизмы активизации глубинных структур порождающих правил, определяющих человеческое бытие.

При этом главное состоит в том, что ставится под сомнение, – сам субъект, это позволило Лакану выдвинуть тезис о его расколотости, Пёше заговорить о эффект-субъекте и появиться традиции Смерти субъекта. Ведь понимая субъект буквально как «брошенное под» с плеч великанов античности, это брошенное исчезает где-то внизу, за облаками эпистемы Просвещения, ускользая от нашего взгляда. Мартин Хайдеггер отметил этот феномен как отсутствие почвы под ногами, постоянное проседание грунта и наше зависание над бездной, когда в потрясении этого провала остается только наше чистое присутствие или как мост, растущий между небом и землей только, когда мы по нему идем. Отсюда и появление ужаса, который имплицитно присутствует во всех политических идеологиях. Гоббс об этом говорил более открыто, заявляя о необходимости создания полицейского аппарата, в фашизме это было завуалировано важностью создания государства-корпорации, защищающего свой народ от внешних врагов (национал-социализм возник во многом благодаря ресентиманту, которым была обильно удобрена почва), а в марксизме это был социальный страх, позаимствованный у предшественников атеистов, говоривших о страхе перед силами природы. Более того, предыдущие системы были утверждающими, если подойти к ним с точки зрения языка как коммуникации – в таком качестве, как известно, язык существует лишь в двух аспектах – утверждающем и вопрошающем.

Каковы могут быть пути преодоления этого отчуждения от субъекта? Продолжать сидеть на плечах античных великанов, чьи основы подточены постмодернистскими инструментами, пытаясь произвести замеры грунта или высматривая где-то впереди вершины надежды?

Помимо такой неконструктивной позиции есть еще два пути – совершить прыжок в бездну или аккуратно, последовательно спускаться вниз, тщательно осматривая и перепроверяя наследие предыдущих эпох на прочность. А пересмотрев корпус античных текстов уже с новой позиции и спустившись на землю, необходимо провести глубинное исследование доплатонических и доаристотелевских пластов философии, еще не парализованных логоцентризмом. Тогда, возможно, мы сможем излечиться от того метафизического головокружения, которое вызывает в нашем сознании страх, инстинктивно толкавший на созидание защитных государственных систем. Более того, для этого необходимо провести операцию, сходную с дерридовской деконструкцией, но в данном случае по отношению ко времени — промыслить весь исторический процесс одномоментно, сжав весь линейный ход истории в мгновение, но одновременно соразмывая его с вечностью.

Часто, говоря о политической идеологии, связанной с вечностью, вспоминают слова Артура Мёллера ван ден Брука, однако есть не менее значимая фигура консервативно-революционной мысли – Эрнст Юнгер, который высказал не менее замечательную фразу о том, что чем меньше в революционную фазу, когда идет проверка нас самих на существование, ты соотносишься со временем, тем чистый mentor (мерило) в качестве оружия действует все острее. Тогда исчезнет

и сам страх, и даже потрясающие движения становления, неподвластные человеческому рассудку, будут вызывать лишь новые вопросы к истоку.

Текст доклада на Вторых Международных чтениях по четвертой политической теории Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова «Политическая модель будущего. Актуальность 4 политической теории как парадигмы национальной модернизации», г. Москва, 17 марта 2010 г.

Структурный социальный анализ и управление гражданскими процессами

При попытке проанализировать причинно следственные связи терроризма и экстремизма на Северном Кавказе мы неизбежно столкнемся с несколькими фундаментальными и взаимосвязанными проблемами:

1) отсутствие внятной стратегии у государства в отношении региона, в первую очередь, направленную на урегулирование конфликтов;

2) необходимость глубокого и структурного анализа общества;

3) важность исследования динамики взаимоотношений субъектов;

4) неполное понимание деятельности неправительственных организаций, агентов гражданского общества и различных программ ими инициируемых;

5) специфика транзитного, посттравматического состояния социума.

Начнем с первого пункта, который неразрывно связан с остальными. Стратегия является унифицирующей и ведущей идеей, стоящей за комплексными сериями действий, направленных на изменение распределения власти¹. Вместе с комплексной спецификой определенного этноса, которая включает в себя мировоззренческие, социально-бытовые, культурные, традиционные, религиозные и мифологические факторы она формирует стратегическую культуру. Существует несколько определений стратегической культуры. Согласно Колину Грею, это обращение к способам мышления и действия при решении вопросов применения силы, уходящее корнями в национальный исторический опыт, отражающий модели поведения в критических ситуациях, при этом учитывается развитие гражданской культуры общества и его образ жизни². Лучиан Пай предложил рассматривать стратегическую культуру в качестве динамической структуры, которая закрепляет и оживляет коллективные воспоминания путем обращения к традиции. В таком случае стратегическая культура является генератором, который возобновляет в сознании людей их предпочтения, определенные традициями, а также выступает как средство увековечивания и закрепления ценностей³.

Алистер Джонстон дал следующее определение стратегической культуры – это интегрированный набор символов (аргументационных структур, языков, аналогий, метафор и т.д.), который действует на установление распростра-

¹Paquette Laure. *Strategy and Ethnic Conflict. A Method, Theory and Case Study*/ Laure Paquette. – London. Praeger, 2002. – P. 2.

²Gray Colin. *National Style in Strategy: The American Example*/ Colin Gray. – *International Security* 6. – N. 2 (Fall 1981). – P. 35-37.

³Lucian W. Pye. *Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Authority*/ Lucian W. Pye. – Cambridge, Mass : Harvard University Press, 1985. – P. 20-22.

нящихся и длительных стратегических предпочтений, формулируя концепции роли и эффективности силы в межгосударственных политических делах и придавая этим концепциям такую ауру фактажа, что стратегическое предпочтение кажется уникально реалистичным и эффективным¹. Другой авторитетный исследователь стратегической культуры Кен Бут, рассматривая вопросы безопасности, отмечает, что «безопасность — это то, что мы делаем ее таковой. Это — межсубъектно созданный эпифеномен. Различные мировоззрения и дискурсы о политике поставляют различные представления и дискурсы о безопасности»².

Как видим, стратегическая культура напрямую связана с вопросами безопасности, не только по отношению государства к другим странам, но и внутри определенного региона, так как при применении научного социологического подхода, предложенного Тэлкотом Парсонсом для изучения стратегий, актором может быть индивидуум, группа, государства или группа государств. Стоит также принять во внимание, что с конца прошлого века основные действующие акторы разделились на мультицентричных и государствоцентричных. Поскольку КБР находится в центре Северного Кавказа и условно некоторые силы относят его к Восточному Кавказу, другие к Западному, а третьи выделяют в отдельный субрегион, эти векторы тоже играют свою роль в безопасности региона, формируя определенные сферы влияния.

При этом нужно отметить, что большинство исследователей определяет политическую и стратегическую культуры

¹Alastair Iain Johnston, *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*/ Alastair Iain Johnston. — Princeton : Princeton University Press, 1995.

²Ken Booth. *Security and Self Reflections of a Fallen Realist*/ Ken Booth. — YCISS Occasional Paper, N26, October 1994. — P. 16.

через их принадлежность к общности, а не к отдельным индивидам, составляющим эту общность. Т.е. в какой-то мере аристотелевский тезис о том, что целое больше суммы его частей подходит и для нашего объекта исследования. Это особенно важно при рассмотрении процессов, протекающих в гражданском обществе – ряд программ и кампаний, инициируемых либо отечественными, либо международными неправительственными организациями могут позиционироваться как общественно важные, однако при более тщательном анализе выяснится, что цели, преследуемые этими акторами далеко отличаются от декларируемых и работают против блага местной общины. Примерами могут служить действия ряда транснациональных корпораций в мире, работа лоббистских групп, имеющих экономические интересы, завуалированные под общественные. В нашей стране ярким показателем могут быть попытки навязать ювенальное право в ряде регионов, встретившие серьезное сопротивление общественности.

Чтобы не допустить новых искусственных конфликтов, а также способствовать искоренению возможности проявления экстремизма в различных формах, необходим анализ структур общества и выявление динамики социальных процессов. При этом подобный опыт в КБР может быть полезен и для других регионов Российской Федерации, так как этническая карта региона представляет собой тип имперской государственности по принципу мозаики, в отличие от государств-наций или имперского образования по типу плавильного котла. Разделительные линии относятся к самым различным категориям – цивилизационной, этнической, лингвистической, религиозной, исторической. В последнем случае немаловажное значение имеет комплекс исторических обид и рудименты кризисной ситуации, сложившейся при распаде СССР.

Кроме того, исследования, проведенные ЦКИ на основе социопросов, выполненных Левада-центром показали, что современное российское общество представляет собой два типа, связанных со структурами логоса и мифоса. Они накладываются друг на друга, и провести четкое разграничение по принадлежности к месту жительства, социальному статусу и т.п. не представляется возможным. В российском обществе-1, существующем в параметрах заимствованного с Запада социального логоса, демократия, понимаемая как совокупность соответствующих правовых моментов, признаётся как факт российской действительности. В противоположность этому архаизированное общество-2 в своих базовых социокультурных установках ориентировано на древние формы политической организации, ныне официально делегитимированные¹. Из-за чего и возникает необходимость тщательного анализа кавказских традиций и их определенное возрождение. В связи с этим следует отметить, что исламский терроризм напрямую связан с идеологией ваххабизма, который представляет модернизированную, либеральную и секуляризированную версию Ислама в отличие от традиционных суфийских тарикатов и классического суннизма, распространившихся столетия назад на Северном Кавказе. По аналогии с обществом-1 ваххабизм представляет собой экзогенную, навязанную извне идеологию, которая действует разрушительным образом, подтачивая общество изнутри.

Большое значение имеет и миграционный фактор: отток в 90-е годы русских кадров, текущий переезд местного населения в мегаполисы с целью заработка создают определенный социальный дисбаланс в республике. Для объективности я хотел бы привести пример исследования, которое-

¹<http://konservatizm.org/seminars/main/221009022636.xhtml>.

проведилось специалистом Академии Минобороны Великобритании и посвящено социальным тенденциям, происходящим на Северном Кавказе¹. В нем выделен ряд факторов, связанных с регионом:

- взаимосвязь финансовых субсидий с насилием;
- опасность, существующая для интересов стран Запада в Азербайджане и Грузии;
- дисбаланс субсидий для республик СК по сравнению с финансированием Сочи, Абхазии и Южной Осетии;
- необходимость радикальных политических реформ;
- необходимость инвестиций в сферу образования, здравоохранения, создания рабочих мест для молодежи и населения в целом;
- необходимость эффективной работы спецслужб для перекрытия потока нелегальных фондов на СК;
- необходимость законного наказания участников бандформирований;

Один из центральных аспектов проблемы – уменьшение численности этнического русского населения, а подготовка к Олимпиаде в Сочи является определенным стимулятором для внешних и внутренних деструктивных сил, которые будут стараться использовать эту ситуацию в своих целях.

Поэтому после создания социально-этнической карты необходимо укрепление социальных структур, что возможно при долгосрочной стратегии, включающей в себя поддержку традиционных для региона методов управления и социальных взаимоотношений с привлечением СМИ, духовных лидеров, широких слоев общественности и отечественных анали-

¹Blandy C.W. Northern Caucasus: Negative Trends/ C.W. Blandy. – Deefence Academy of the UK. – Oct. 2009.

тических центров. Это также возможно с помощью моделирования ситуации, направленной на сдвиги в сторону устойчивости (метод организованной критичности, математического моделирования социальных процессов и др.).

В данном процессе гражданское общество, понимаемое как широкие массы, объединенные по принципу общего российского гражданства, а не западных ценностей, должно стать смычкой для объединения различных инициатив либо платформой, на базе которой будут функционировать социальные узлы (хабы), вырабатывая и корректируя программу социального развития республики. Применение хабов в роли социального инструмента зарекомендовало себя в различных странах в кризисных ситуациях – от поиска инновационных путей решения текущих задач (профсоюзная деятельность, лоббирование общественных инициатив во властных структурах) до выработки долгосрочной стратегии (альтернативы глобализационным процессам). Социальные сети также могут послужить технической базой для решения различных проблем, в том числе в вопросах национальной безопасности.

Социальный эксперимент, проводившийся в конце прошлого года оборонным агентством перспективных исследований DARPA в США, показал, что задействование социальных сетей в качестве альтернативных масс-медиа помогают выработать дополнительные стратегии для решения поставленной задачи и могут провести быструю мобилизацию общества¹. При этом при четко поставленной цели мотивация социальных групп может быть довольно различная, а результат превзошел ожидание специалистов агентства.

Согласно анализу DARPA мобилизация социальных сетей для решения сложной геолокационной задачи (которая,

¹ <https://networkchallenge.darpa.mil/ProjectReport.pdf>

по мнению мнению аналитика Национального агентства по георазведке, была неразрешимой) произошла очень быстро. Команды, группировавшиеся вокруг сетей, сформировались примерно за сутки. Один случай показал, что с помощью Twitter один человек активизировал все свои контакты за один час. Кроме того, в связи с присутствием в проекте большого количества людей был выявлен положительный эффект. Если ранее при брэйнсторминге в DARPA было определено три возможных геолокационных стратегии, то после эксперимента было открыто еще пять дополнительных. Кроме этого, на многих блогах были опубликованы интересные рекомендации по мобилизации социальных сетей.

Но, как указано в отчете проекта DARPA «Network Challenge», главный урок состоял в определении того, насколько простым и прямым может быть метод мобилизации активистов и ситуативного понимания со стороны волевых социальных сетей. А так как традиционные разведывательные источники зачастую не имеют возможностей проследить весь поток асимметричных угроз, то социальные сети потенциально представляют определенную перспективу для подобного подхода как по сбору различных данных, так и для предотвращения конфликтов.

Текст доклада на международной научно-практической конференции «Повышение роли общественности в противодействии экстремизму и терроризму» г.Нальчик, 28 апреля 2010 г.

Источники

- География и постполитика.** Геополитика от 06.05.2009.
- Косовская карта.** Геополитика от 29.02.2009.
- Экономика разрушения.** Геополитика от 02.10.2008
- Кризис и амбивалентная роль современной экономики.** Геополитика от 15. 10. 2008.
- Национально-политическая идентификация в Украине и формы репрезентации власти.** Южно-российское обозрение. № 53, 2009.
- Геополитика глобального контроля. К вопросу о конкуренции спутниковых систем навигации.** Фонд стратегической культуры от 13.04.2009.
- «Мультипартнерский мир» Хиллари Клинтон.** Фонд стратегической культуры от 03.08.2009.
- Китай: футурология и захват Сибири.** Центр консервативных исследований от 30.09.2009
- Морское могущество в XXI веке.** Фонд стратегической культуры от 22.12. 2009.
- Фуко: дискурс знания и география власти.** Геополитика от 18.01.2010.
- Медиамантия.** Геополитика от 08.02. 2010.
- Астрополитика: меч обоюдоострый.** Фонд стратегической культуры от 22.02.2010.
- Геополитическая стратегия Индии.** Геополитика от 09.04.2010.
- Заокеанский Кавказ.** Евразия от 28.04.2010.
- США как антигарант международного права.** Евразия от 09.12.2010.
- Интервью с Мехметом Перинчеком.** Журнал “Орех”, апрель-май, 2008.
- Интервью с Альфредом Гапоненко.** Геополитика от 05.09.2008.
- Интервью с Олесем Бузиной.** Росбалт-Украина от 23.01.2009.
- Интервью с Джоном Зерзаном.** Геополитика от 17.10.2008.
- Интервью с Уильямом Энгдалем.** Геополитика от 27.02.2009.
- Интервью с Джульетто Кьеза.** Геополитика от 04.03. 2009.
- Интервью с Мишелем Чоссудовски.** Геополитика от 17.03.2009.
- Интервью с Александром Агеевым.** Геополитика от 18.06.2009.
- Интервью с Аленом де Бенуа.** Геополитика от 18.11.2009.